

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
**«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»**
Уральский гуманитарный институт
Кафедра фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения

На правах рукописи

Глазырин Вячеслав Александрович

**ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ КАРТИНА МИРА
О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ
ПРЕДСТАВЛЕНИИ: ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ
АВТОРСКОГО ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ**

*5.9.8. – Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика*

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
Бабенко Людмила Григорьевна,
д. филол. наук, проф.

Екатеринбург – 2024

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы создания концепции авторского идеографического словаря.....	19
1.1. Термин «картина мира» в лингвистическом рассмотрении	19
1.1.1. Появление термина «картина мира»	19
1.1.2. Языковая картина мира	23
1.1.3. Индивидуально-авторская картина мира	26
1.1.4. Художественная картина мира и поэтическая картина мира.....	28
1.1.4. Языковая личность	30
1.2. Отечественная авторская лексикография: история становления и основные труды.....	35
1.3. Теоретическая и практическая идеографическая лексикография: от первых трудов до словарей Уральской семантической школы.....	47
1.4. Изучение раннего творчества О. Э. Мандельштама в отечественной филологии	63
1.4.1. Три издания книги «Камень»: 1913, 1916 и 1923 годы.....	65
1.4.2. Особенности творческого метода О. Э. Мандельштама в поэзии раннего периода: борьба символизма и акмеизма.....	67
Выводы по первой главе исследования	71
Глава 2. Индивидуально-авторская картина мира О. Э. Мандельштама, репрезентированная в первом издании книги «Камень».....	74
2.1. Метод поэтической идеографии	74
2.2. Глобальная индивидуально-авторская картина мира О. Э. Мандельштама, репрезентированная в первом издании книги «Камень»	77

2.3. Обобщение по идеографическим сферам, формирующим ИАКМ О. Э. Мандельштама в первом издании книги «Камень»	127
Выводы по второй главе исследования.....	133
Глава 3. Концепция авторского идеографического словаря языка О. Э. Мандельштама: принципы составления, структура словарной статьи	135
3.1. Глобальная структура, макро- и микроструктура словаря языка О. Э. Мандельштама	135
3.2. Материалы к словарной статье стихотворения «Дыхание».....	138
3.3. Материалы к словарной статье стихотворения «Нет, не Луна, а светлый циферблат...».....	154
3.4. Материалы к словарной статье стихотворения «Notre Dame»	168
Выводы по третьей главе исследования	189
Заключение.....	191
Список использованной литературы	193
Приложение 1. Глобальная структура авторского идеографического словаря	209

Введение

Диссертационное исследование посвящено описанию индивидуально-авторской картины мира (далее – ИАКМ) одного из главных поэтов Серебряного века О. Э. Мандельштама. Опыт структурирования и интерпретации ИАКМ поэта проводится с помощью метода поэтической идеографии (далее – ПИ) – нового направления исследования поэтических текстов, которое развивается в настоящее время на пересечении теоретической и практической идеографии и авторской лексикографии, на основе которых формируется *авторская поэтическая лексикография*. Основная цель подобного анализа – выявление и описание ИАКМ и ее репрезентация в лексикографических параметрах.

Степень разработанности темы. Жизнь и литературное наследство О.Э. Мандельштама исследовались такими известными учеными, как Н. А. Струве, Г. П. Струве, С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, А. Г. Мец, В. Ю. Успенский, М. Е. Пинский, Н. И. Харджиев, Л. Я. Гинзбург, Вяч. Вс. Иванов, Ю. М. Лотман, В. М. Жирмунский, А. К. Жолковский, Ю. И. Левин, Е. Эткинд, М. Эпштейн, Б. Янгфельдт и др. Кроме того, о поэзии О. Э. Мандельштама писали такие поэты и писатели, как А. Ахматова, Г. Адамович, В. Нарбут, Б. Пастернак, Г. Шенгели, А. Кушнер, О. Седакова, М. Амелин и многие другие. Также существует достаточно широкий круг публикаций мемуарного характера, среди которых выделяется трехкнижие вдовы поэта Н. Я. Мандельштам.

В то же время следует отметить, что в перечне указанных работ доминируют преимущественно общелингвистические, литературоведческие, философские исследования, а лингвистический аспект рассмотрения и анализа произведений О. Э. Мандельштама представлен незначительно. Данная работа восполняет этот пробел, так как в ней представлены результаты исследования, выполненного в лингвистическом аспекте, она является частью большого труда, посвященного, во-первых, выявлению

ИАКМ О. Э. Мандельштама, воплощенной в стихотворениях, опубликованных в первом издании книги «Камень», во-вторых, оформлению полученных результатов в лексикографических параметрах в виде идеографического словаря О. Э. Мандельштама. Таким образом, исследование имеет комплексный характер, основанный на совмещении когнитивно-дискурсивного и лексикографического подходов.

Отечественная наука знает большое количество авторских словарей: словари языка В. Астафьева (2004), А. Блока (1998), И. Бродского (2007), И. Бунина (2015), В. Высоцкого (2012), А. Дельвига (2009), А. Грибоедова (2017), Е. Замятина (2008), Г. Иванова (2008), Н. Ключева (2007), И. Крылова (2006), М. Кузмина (2010), А. Полежаева (2001), А. Пушкина (1961), А. Тарковского (2007), Ф. Тютчева (2009), В. Хлебникова (1995), М. Цветаевой (1996), М. Шолохова (2005), В. Шукшина (2001) и многих др. Однако большинство авторских словарей следует отнести к типу традиционного толкового словаря, который, на наш взгляд, не подходит для описания ИАКМ.

Первые идеографические словари появились еще на донаучном этапе развития лексикографии (например, «Ономастикон» Ю. Поллукса, II в. н. э.), однако именно в XX веке после публикации классических трудов В. В. Морковкина и Ю. Н. Караулова появилась теоретическая база для составления большого количества разнотипных идеографических словарей. Для нашего исследования особенно важно отметить словари, составленные учеными Уральской семантической школы, которую возглавляет профессор Л. Г. Бабенко. Именно благодаря появлению «Большого толкового словаря русских существительных» (2005), «Словаря-тезауруса синонимов русской речи» (2007), «Большого толкового словаря русских глаголов» (2008) и «Словаря-тезауруса русских прилагательных» (2016) оказывается возможным идеографический анализ лексики в поэтических текстах О. Э. Мандельштама.

По замечанию О. И. Фоняковой, на данный момент в отечественной лексикографии составлены все типы писательских справочников, которые известны в мировой лексикографии [Фонякова, 2003]. Отметим, что появление нового типа авторского словаря возможно благодаря развитию как идеографической, так и авторской лексикографии.

Стихотворения О. Э. Мандельштама в отечественной и мировой изящной словесности занимают особое место. Наш современник Ольга Александровна Седакова, поэт и исследователь поэзии, в статье «Непродолженные начала русской поэзии» замечает: «На опыте собственных встреч и чтения я могу подтвердить, что в кругу поэтов и читателей поэзии Франции и Италии, Англии, Швеции и Германии Поэтом Века несомненно назовут Осипа Мандельштама. И это при грандиозном Рильке, при Т. С. Элиоте, Кавафисе, Клоделе...» [Седакова, 2010, с. 429].

Актуальность выявления и изучения ИАКМ О. Э. Мандельштама проявляется в полипарадигмальной природе исследования, совмещающего когнитивно-дискурсивный и лексикографический подходы к исследованию поэтических текстов.

Также актуальность работы обусловлена высоким уровнем развития теоретической и практической идеографической лексикографии (Ю. Н. Караулов, В. В. Морковкин, Э. В. Кузнецова, Л. Г. Бабенко, О. С. Баранов, Н. Ю. Шведова), который определил возможность создания универсальной идеографической классификации (см. проспект «Универсального идеографического словаря русского языка», представленный Л. Г. Бабенко в 2015), позволяющей анализировать весь лексический состав русского языка, а также структурировать языковую картину мира носителя русского языка. Данная классификация позволяет решить проблему системного и всеобъемлющего описания ИАКМ исследуемого автора.

Главная тенденция в развитии современной отечественной авторской лексикографии – создание разноаспектных словарей – обуславливает

актуальность представленного диссертационного исследования, поскольку в нем предлагается концепция словаря, совмещающего черты традиционного толкового, идеографического и авторского словаря.

Высокий уровень развития отечественного и мирового мандельштамоведения, который подтверждается изданием «Мандельштамовской энциклопедии» (2017), являющейся итогом многолетнего труда биографов, текстологов, комментаторов наследия О. Э. Мандельштама, обуславливает актуальность исследования творческого наследия поэта. Издание энциклопедии позволяет обратиться не к частным вопросам исследования творчества стихотворца, а решать проблему структурирования и интерпретации его ИАКМ.

В отечественной и мировой науке представлено большое количество биографических, культурологических, текстологических, философских исследований поэтического наследия О. Э. Мандельштама, на этом фоне малое количество лингвистических работ, посвященных языку поэта, а также их частный характер определяют актуальность и необходимость всеобъемлющего исследования творчества О. Э. Мандельштама в лингвистическом аспекте.

Объект исследования – лексика как системно организованное множество слов, функционирующее в поэтических текстах книги О. Э. Мандельштама «Камень». **Предмет** исследования – ИАКМ О. Э. Мандельштама, выявленная при интерпретации результатов составления авторского идеографического словаря языка поэта.

Цель данной работы – выявление ИАКМ О. Э. Мандельштама, воплощенной в первом издании книги «Камень», а также ее представление в лексикографических параметрах.

Для достижения указанной цели ставятся следующие **задачи**:

1) теоретическое осмысление таких понятий, как картина мира, языковая картина мира, индивидуально-авторская картина мира,

художественная картина мира, поэтическая картина мира, а также языковая личность;

2) изучение теории и истории авторской лексикографии в отечественной науке;

3) исследование основных принципов идеографической лексикографии;

4) изучение научных работ, посвященных исследованию книги О. Э. Мандельштама «Камень»;

5) создание модели идеографического описания лексики в поэтическом тексте;

6) идеографический анализ лексики, функционирующей в поэтической книге «Камень»;

7) выявление и интерпретация индивидуально-авторской картины мира О. Э. Мандельштама, воплощенной в первом издании книги «Камень»;

8) разработка концепции авторского идеографического словаря: глобальной структуры, макро- и микроструктуры;

9) составление статей авторского идеографического словаря на материале стихотворений «Дыхание», «Нет, не луна, а светлый циферблат...» и «Notre Dame».

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды по следующим направлениям лингвистического знания:

- языковой картине мира (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Г. А. Брутян, Ю. Н. Караулов, Г. В. Колшанский, Е. С. Кубрякова, М. В. Пименова, В. И. Постовалова, Б. А. Серебренников, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева, Ж. Е. Фомичева);

- лексической семантике (Ю. Д. Апресян, Л. Г. Бабенко, Л. М. Васильев, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, П. Н. Денисов, И. М. Кобозева, М. А. Кронгауз, Л. П. Крысин, Ю. В. Кузнецова, Л. А. Новиков, Н. М. Шанский, Д. Н. Шмелев);

- теории текста (Л. Г. Бабенко, Н. С. Болотнова, И. Р. Гальперин, В. А. Кухаренко, Б. А. Маслов, Ю. В. Казарин, Л. Н. Мурзин, А. И. Новиков, Г. Я. Солганик, З. Я. Тураева, В. Е. Чернявская);

- идеографической лексикографии (Л. Г. Бабенко, О. С. Баранов, Л. М. Васильев, Т. М. Воронина, М. В. Дудорова, Ю. Н. Караулов, Э. В. Кузнецова, В. В. Морковкин, И. К. Мухина, М. Ю. Мухин, А. М. Плотникова, М. В. Слаутина, Н. Ю. Шведова);

- авторской лексикографии (Л. Г. Бабенко, И. Ю. Белякова, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Е. Л. Гинзбург, В. П. Григорьев, Ю. В. Казарин, Ю. Н. Караулов, И. В. Ружицкий, О. И. Фонякова, Л. Л. Шестакова);

- мандельштамоведению (С. С. Аверинцев, Т. Н. Бреева, Л. М. Видгоф, М. Л. Гаспаров, Л. Я. Гинзбург, Е. Ю. Глазова, С. Голдберг, Вяч. Вс. Иванов, Л. Г. Кихней, О. А. Лекманов, Г. А. Морев, П. Нерлер, О. Ронен, Н. А. Струве, Ф. Б. Успенский, Д. В. Фролов).

Диссертационное исследование опирается на фундаментальные труды, посвященные изучению творчества поэта с самых разных позиций: поэтики (Н. А. Струве, С. С. Аверинцев и др.), литературоведения (Л. Я. Гинзбург, М. Л. Гаспаров, А. Г. Мец и др.), лингвистики (Вяч. Вс. Иванов, Ф. Б. Успенский и др.).

В соответствии с целью работы, ее задачами, а также теоретико-методологическими установками использовались как общенаучные методы и приемы (классификации, моделирования), так и следующие частные лингвистические **методы**:

- 1) компонентный анализ лексического значения слова;
- 2) контекстный анализ семантики слова;
- 3) метод идеографического описания лексики;
- 4) когнитивно-дискурсивный метод анализа поэтических текстов (далее – ПТ).

В качестве основного инструмента анализа нами избран метод **поэтической идеографии**, в основе которого, по замечанию Ю. В. Казарина, «лежит исследование и описание смысловой парадигматики лексики на глубинном уровне лексической смысловой структуры стихотворения» [Казарин, 2004, с. 360]. При этом следует уточнить и добавить, что поэтическая идеография одновременно осмысляется нами и как метод исследования, включающий различные частные методики выявления денотативно-идеографических и когнитивно-дискурсивных лексических множеств, и как его итог, результат подобного анализа, представляющий собой выявленную и системно организованную лексику анализируемых стихотворений, отображающую и интерпретирующую внешний и внутренний миры поэта и тем самым выражающую авторские представления о нем, что, соответственно, является основой структурирования и формирования ИАКМ, дающей возможности ее интерпретации и осмысления.

Метод ПИ опирается прежде всего на общую теорию идеографической лексикографии, представленную в трудах крупнейших российских лингвистов (Л. М. Васильев, Ю. Н. Караулов, В. В. Морковкин, Э. В. Кузнецова, Н. Ю. Шведова и др.), а также на концепцию идеографических словарей, разработанную Л. Г. Бабенко и реализованную авторским коллективом ученых-лексикографов Уральской семантической школы (далее – УСШ) в серии созданных идеографических словарей: русских глаголов (1999, 2007), существительных (2005), прилагательных (2011, 2012, 2016), синонимов (2007, 2008, 2011, 2017), антонимов (2021), глагольных предложений (2004, 2016), концептов (2010, 2017). Кроме того, этот подход учитывает и достижения в области традиционной авторской лексикографии, принципы которой глубоко и многоаспектно описаны в работах Л. Л. Шестаковой.

Следует отметить большие достижения в области создания классических авторских словарей русских писателей и поэтов, однако при

всем разнообразию имеющихся авторских словарей, большинство из них относится к жанру традиционного толкового словаря. Концепции авторских идеографических словарей пока не разработаны в полной мере, хотя уже просматриваются в ближайшей перспективе. В нашем исследовании приводится опыт разработки подобного типа авторского словаря как воплощения ИАКМ.

О. Э. Мандельштам был убежден в необходимости объективного, строго-научного подхода к исследованию поэзии: «Критики, как произвольного истолкования поэзии, не должно существовать, она должна уступить объективному научному исследованию – науке о поэзии» [Мандельштам, 1987, с. 47]. Идеографическое описание лексики, функционирующей в стихотворениях О. Э. Мандельштама, – это попытка найти твердое основание для изучения, понимания и интерпретации поэтических текстов, созданных одним из самых крупных стихотворцев XX века. На наш взгляд, поэтическая идеография может стать одним из главных методологических инструментов науки о поэзии.

Книга стихотворений «Камень» – это одновременно знак начала поэтического пути и концептуальный план всего творчества великого поэта. Именно поэтому данная книга заслуживает особого внимания литературоведов, лингвистов и культурологов.

Источником материала для исследования послужило первое издание книги О. Э. Мандельштама «Камень» (1913 г.), включающее в себя следующие 23 стихотворения: «Дыхание», «Silentium», «Невыразимая печаль...», «Медлительнее снежный улей...», «Смутно-дышащими листьями...», «Отчего душа так певуча...», «Раковина», «Скудный луч холодной мерою...», «Образ твой, мучительный и зыбкий...», «Змей», «Сегодня дурной день...», «Пешеход», «Нет, не луна, а светлый циферблат...», «Я ненавижу свет...», «Казино», «Царское село», «Золотой», «Старик», «Петербургские строфы», «В душном баре иностранец...», «Лютеранин», «Айя-София» и «Notre Dame».

Материалом исследования стала лексика, функционирующая в поэтических текстах первого издания книги «Камень».

Научную новизну данного диссертационного исследования составляет лексикографическая параметризация ИАКМ в формате авторского идеографического словаря: для изучения ИАКМ О. Э. Мандельштама впервые предложена концепция словаря, совмещающего в себе черты толкового, идеографического и авторского. Данный лексикографический труд позволяет отобразить как глобальную ИАКМ, выраженную всей лексикой, функционирующей в книге, так и локальные картины мира, представленные лексикой отдельных стихотворений. В исследовании впервые выявлена и проинтерпретирована ИАКМ О. Э. Мандельштама, репрезентированная в одной книге – первом издании сборника «Камень».

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно вносит вклад в развитие теории лексической семантики, идеографической лексикографии, авторской лексикографии, анализа поэтического текста, теории текста и его лингвистического анализа, теории текстовых лексических множеств, в разработку метода поэтической идеографии, включающего частные методики выявления денотативно-идеографических и когнитивно-дискурсивных лексических множеств. Этот метод позволяет выявить и организовать системно лексику в исследуемых поэтических текстах, что способствует выявлению и интерпретации ИАКМ поэта.

Большое значение в аспекте разработки авторской идеографической лексикографии имеют используемые в исследовании термины *глобальная структура, макро- и микроструктура* авторского идеографического словаря. *Глобальная структура* связана с отображением в текстах О. Э. Мандельштама реального мира, она представляет собой всю лексику анализируемой книги, распределенную по идеографическим сферам, группам и подгруппам, что связано с отображением в глобальной структуре авторского идеографического словаря ИАКМ О. Э. Мандельштама. *Макроструктура* авторского идеографического словаря – словарная статья

отдельно взятого стихотворения, отображающая фрагмент глобальной картины мира поэта. Она включает в себя анализируемый ПТ, культурологический и текстологический комментарий, поэтико-идеографический анализ лексики отдельных стихотворений, а также интерпретацию особенностей фрагмента ИАКМ, воссозданного в анализируемом ПТ.

Микроструктура авторского идеографического словаря включена в его макроструктуру и представляет собой словарную статью отдельно взятой лексемы, функционирующей в одном из ПТ книги и участвующей в отображении ИАКМ. Словарная статья авторского идеографического словаря включает в себя слово в начальной форме, определение части речи, словарное и контекстное значение лексемы, а также идеографический анализ слова.

Практическая значимость исследования заключается в возможности дальнейшего использования полученных результатов, во-первых, в лексикографии – при составлении авторских словарей; во-вторых, в возможности применения полученных результатов при разработке курсов по лингвистическому анализу текста, теории текста, лексической семантике, анализу поэтического текста, а также литературоведческих дисциплин; в-третьих, в мандельштамоведении – при исследовании дебютного сборника О. Э. Мандельштама и его творческого наследия в целом.

Положения, выносимые на защиту:

1. ИАКМ О. Э. Мандельштама, репрезентированная в первом издании книги «Камень» (1913 г.), формируется лексикой 15 денотативных сфер, ядром которой является лексика сферы «Восприятие окружающего мира». Доминирующее положение в ней занимают лексика с семантикой времени, основанной на оппозиции миг-вечность; лексика акустического восприятия с оппозицией говорить-молчать; лексика пространства, формирующая пространственную картину мира: представлено как реальное географическое, так и психологическое пространство, как природные ландшафты, так и

городские локации. В «Восприятии предмета» доминирует лексика, номинирующая величину, размер или вес предмета, знаковой оппозицией является большой-малый. Также активно употребляется лексика зрительного восприятия, цвета в анализируемых ПТ разнообразны (представлены как светлые, так и темные тона). Ряд лексем, относящихся к этому классу, определяют символистский пафос первого издания «Камня»: затуманить, мутный, туманный.

2. В приядерную зону ИАКМ входит лексика денотативных сфер «Человек и его внутренний мир», «Универсальные представления, смыслы и отношения» и «Общественно-государственная сфера». Для О. Э. Мандельштама важен опыт поэта-метафизика Ф. И. Тютчева. Для метафизической поэзии характерно особое внимание к таким онтологическим категориям, как вечность, жизнь, душа, вдохновение, судьба, свобода, смерть и др. Большое количество словоупотреблений в классе «Онтологические, бытийные категории» позволяет отнести творчество О. Э. Мандельштама к философской лирике. Также в приядерной зоне доминирует лексика классов «Строительство», «Религия» и «Искусство». Акмеистическая концепция поэзии предполагала, что стихотворец подобен зодчему, возводящему величественный собор. Также в ранний период творчества О. Э. Мандельштам находился в процессе напряженного духовного поиска. Это обусловило тесную связь лексики сфер «Строительство», «Религия» и «Искусство».

3. В ближайшей периферии доминирует лексика сферы «Неживая природа». В классе «Оптические явления и их признаки» отразилась борьба символизма и акмеизма: традиционным маркерам первого (туман, сумрак, туманный) противопоставлены маркеры нового литературного направления (свет, луч, светло). В сфере «Человек как живое существо» доминирующее положение занимает лексика, номинирующая форму и строение организма человека: принятие лирическим героем своей «материальности», телесности отличает поэзию акмеизма от символизма, для которого было характерно

возвеличивать духовное над телесным. Лексика сферы «Конкретная физическая деятельность» (классы «Перемещение», «Движение», «Физическое воздействие на объект», «Помещение» и «Созидательная деятельность»), функционируя в ПТ первого издания книги «Камень», создает не статичную, а динамичную ИАКМ О. Э. Мандельштама.

4. К дальнейшей периферии ИАКМ О. Э. Мандельштама относится лексика сфер «Живая природа», «Язык и речь», «Вещества и материалы», «Социальная сфера жизни человека», «Нации», «Населенный пункт», «Сверхъестественное» и «Родственные и семейные отношения». Лексика сферы «Живая природа» используется поэтом для описания топоса стихотворений. В сфере «Язык и речь» концептуально важной лексемой является слово: развивая идеи Ф. И. Тютчева («*Silentium*») и Поля Верлена («*Ars Poetica*»), молодой поэт стирает границу между музыкой, тишиной и словом («Она и музыка, и слово»), а слово в его ИАКМ в первую очередь должно восприниматься как акустический факт («И слово в музыку вернись»). В сфере «Вещества и материалы» концептуально важной лексемой являются жемчужина, поскольку О. Э. Мандельштам изначально хотел назвать свою книгу не «Камень», а «Раковина». Уподобляя себя раковине без жемчужины, поэт предлагает «наполнить» себя «шопотами пены, // туманом, ветром и дождем», тем самым он утверждает, что в его ИАКМ нет вещей, которые не важны: все в мире ценно не из-за своих особых качеств, а само по себе, просто благодаря самому факту существования.

5. Предложена концепция авторского идеографического словаря, отображающего картину мира автора в лексикографических параметрах. Специфика идеографического словаря языка поэта заключается в том, что в нем представлена лексика, функционирующая в одной книге, это позволяет исследовать картину мира, репрезентированную в ней. Составление авторского идеографического словаря языка поэта – это один из механизмов структурирования, описания и интерпретации ИАКМ исследуемого автора. Концепция авторского идеографического словаря в соответствии с

лексикографическими традициями УСШ предполагает деление структуры словаря на две части. В первой представлено идеографическое описание выявленной лексики с учетом иерархии денотативных сфер, классов, групп и подгрупп, формирующих глобальную структуру словаря. Во второй – словник, включающий выявленную из анализируемых текстов знаменательную лексику в алфавитном порядке.

6. Разработана макроструктура авторского идеографического словаря языка поэта, представляющая собой словарную статью отдельно взятого стихотворения, которая содержит следующие словарные зоны: 1) заглавная единица – анализируемый поэтический текст вместе с названием; 2) необходимый культурологический и текстологический комментарий; 3) поэтико-идеографический анализ лексики отдельного стихотворения; 4) интерпретация особенностей фрагмента ИАКМ, воссозданного в анализируемом тексте, формулировка его общего когнитивно-дискурсивного смысла.

7. Представлена микроструктура авторского идеографического словаря, включенная в его макроструктуру и представляющая собой словарную статью отдельно взятой лексемы, описание которой включает следующие параметры: 1) семантический анализ лексического значения слова и его контекстуальных реализаций с целью выявления основных текстовых смыслов и способов их репрезентации; 2) грамматическую интерпретацию используемых лексем в аспекте концепции категориально-грамматических и рематических доминант; 3) денотативно-идеографический анализ лексики с целью выявления в ее составе парадигматических группировок разного типа; 4) когнитивно-дискурсивный анализ, нацеленный на выявление концептуальной информации и способов ее репрезентации в тексте.

Достоверность результатов исследования обеспечивается полипарадигмальным подходом к анализу материала, опирающимся на достижения современной авторской лексикографии, теоретической и практической идеографии, когнитивно-дискурсивной лингвистики, теории

текста, мандельштамоведения, а также обширным проанализированным материалом, представленным в приложении к работе.

Структура работы. Работа включает в себя введение, три главы, заключение, список использованной литературы и приложение. **В первой главе** рассматриваются теоретические основы исследования: теория языковой картины мира, история и основные принципы идеографической лексикографии, история отечественной авторской лексикографии, изучение творчества О. Э. Мандельштама в отечественной филологии. **Во второй главе** уточняется традиционная методика идеографического описания лексики в поэтическом тексте, а также выявляется и интерпретируется ИАКМ О. Э. Мандельштама, репрезентированная в первом издании книги «Камень». **В третьей главе** разрабатываются макро- и микроструктура, словник авторского идеографического словаря, приводятся словарные статьи на материале стихотворений «Дыхание», «Нет, не луна, а светлый циферблат...» и «Notre Dame». **В приложении** к работе представлены материалы к авторскому идеографическому словарю О. Э. Мандельштама.

Апробация. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (2016-2024). Результаты исследования были представлены на российских и международных научных конференциях: «Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке» (Екатеринбург, 2016), «Лексикография и коммуникация» (Белгород, 2017), «Традиции и новации в гуманитарном и социально-экономическом исследовании: проблемы, методы, практики» (Екатеринбург, 2017), «Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус» (Екатеринбург, 2019), «Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования» (Тамбов, 2023), «Лексикография и коммуникация» (Белгород, 2023), «Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус» (Екатеринбург,

2023). **Основные положения диссертации** изложены в докладах на восьми научных конференциях: 3 международных и 5 всероссийских. Диссертация прошла необходимую апробацию. По теме диссертационного исследования опубликовано 13 работ, из них 5 в изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ, в том числе 2 статьи опубликованы в журналах, индексируемых в международной базе WoS.

Глава 1. Теоретические основы создания концепции авторского идеографического словаря

Целью данной главы является формирование теоретического фундамента исследования. Достижение этой цели требует поэтапного решения следующих задач:

1. Теоретическое осмысление таких понятий, как *картина мира*, *языковая картина мира*, *индивидуально-авторская картина мира*, *художественная картина мира*, *поэтическая картина мира*, а также *языковая личность*.

2. Обращение к истории и основным принципам идеографической лексикографии (от донаучного этапа до трудов ученых Уральской семантической школы).

3. Изучение истории развития отечественной авторской лексикографии, а также рассмотрение различных типов авторских словарей и принципов их составления.

4. Освещение работ по исследованию раннего этапа в поэзии О. Э. Мандельштама, запечатленного в первом издании книги «Камень».

1.1. Термин «картина мира» в лингвистическом рассмотрении

1.1.1. Появление термина «картина мира»

Традиционно изучение языковой картины мира связывают с идеями, высказанными в начале XIX века В. фон Гумбольдтом, который отстаивал уникальность языка как антропологического феномена: «Человек становится человеком только через язык» [Гумбольдт, 1984, с. 314]. Ученый был убежден, что язык определяет мышление человека, его представления об окружающем мире, а также формирует особое мировидение: «Язык – орган, образующий мысль, следовательно, в становлении человеческой личности, в образовании у нее системы понятий, в присвоении ей накопленного поколениями опыта языку принадлежит ведущая роль» [там же, с. 78].

Представления В. фон Гумбольдта о связи языка и мышления человека оказали влияние на развитие лингвистики во всем мире и, как отмечает Ж. Е. Фомичева, «отстаивались в XIX–XX веках в различных вариантах концепции лингвистического детерминизма <...>, представленной в работах А. А. Потебни, Ф. И. Буслаева, Б. Л. Уорфа, Э. Сепира, Ф. Боаса, В. Д. Уитни, Л. Вайсгербера» [Фомичева, 2013, с. 294].

Термин *картина мира*, как утверждает М. В. Пименова, был выдвинут Г. Герцем, который определял его как «совокупность внутренних образов внешних объектов, служащих для выведения логических суждений о поведении этих объектов» [Пименова, 2019, с. 5]. Значительно позже этот термин был перенесен в гуманитарные науки, он встречается в работах К. Ясперса, Л. Витгенштейна и Л. Вайсгербера. В научных трудах также представлены «и менее распространенные термины образ мира и модель мира» [там же].

В отечественной лингвистике исследование картины мира начинается с 60-х годов XX века, оно представлено в работах Г. А. Брутяна, Г. В. Колшанского и Р. Й. Павиленсиа. Исследователи рассматривали проблему роли языка в формировании картины мира. Как отмечает М. В. Пименова, «существует две точки зрения по вопросу о способности языка отражать окружающую действительность» [Пименова, 2019, с. 5]. Одни ученые утверждают, что *язык отражает мир*, так считает, например, Г. Г. Почепцов: «С помощью языка мы отражаем мир. Именно отражаем, а не описываем или, точнее, не только описываем, поскольку описание – это лишь одна из форм языкового отражения мира. Вопросы, побуждения – это такие же формы отражения, или представления, мира, как и все остальные речевые акты» [Почепцов, 1990, с. 110]. Другие убеждены – *язык является лишь инструментом*, «с помощью которого происходит концептуализация мира человеком» [Пименова, 2019, с. 6]. Этот взгляд разделяет Б. А. Серебренников: «Утверждение многих лингвистов и философов, будто бы язык отражает действительность, основано на недоразумении. Звуковой

комплекс, образующий слово, ни к какому отражению сам не способен. Фактически результатом отражения являются концепты или понятия. <...> Язык не отражает действительность, а отображает ее знаковым способом» [Серебрянников, 1988, с. 6].

В. И. Постовалова относит понятие картины мира «к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире» [Постовалова, 1988, с. 11]. Введение данного понятия в антропологическую лингвистику позволяет разграничить различные виды влияния человека и его мышления на язык: «Феномен первичной антропологизации языка (влияние психофизиологических <...> особенностей человека на конститутивные свойства языка) и феномен вторичной антропологизации (влияние на язык различных картин мира <...> – религиозно-мифологической, философской, научной, художественной)» [там же].

В рамках антропоцентрического подхода к изучению языка ученые рассуждают о соотношении *субъективного* и *объективного* в понятии картины мира. Так, например, З. И. Резанова утверждает, что «картина – это модель, образ, интерпретация того, что, с одной стороны, внеположено миру и человеку, а с другой стороны, особым образом их включает». Далее ученый продолжает мысль: «Это образ мира, объективно пребывающего и в разной степени «переносимого» субъектом в содержание картины. Образ, создаваемый человеком в картине, это образ, в котором отражен не только человек (и в ряде случаев не столько!) объект отражения – мире – столько сам человек, создатель образа» [Резанова, 2002, с. 29].

Рассуждения о соотношении «мира, его образа, существующего в сознании, и образа, закрепленного в языке, способствовали выделению двух форм картины мира – концептуальной и языковой» [Пименова, 2019, с. 6]. Первую Г. А. Брутян определяет как «не только знание, которое выступает как результат мыслительного отражения действительности, но и итог

чувственного познания, в снятом виде содержащийся в логическом познании» [Брутян, 1973, с. 108]. Языковую картину мира ученый определяет как «всю информацию о внешнем и внутреннем мире, закрепленную средствами живых, разговорных языков» [там же].

Разграничение языковой и концептуальной картин мира обусловило появление в науке вопроса об этих соотношении. М. В. Пименова выделяет три подхода к этой проблеме:

1. Языковая картина мира шире концептуальной.
2. Языковая картина мира совпадает с концептуальной.
3. Концептуальная картина мира шире языковой [Пименова, 2019, с. 6–7].

Первого подхода придерживается Г. А. Брутян, утверждающий, что «основное содержание языковой модели мира покрывает все содержание концептуальной модели мира» [Брутян, 1973, с. 109]. При этом в концептуальную картину мира не попадают периферийные участки, выступающие носителями дополнительной информации о мире.

Второго подхода отчасти придерживается Г. В. Колшанский: «В гносеологическом плане действительно не отношение «язык-мышление», а «языкомышление – мир» <...> правильно поэтому говорить не о языковой картине мира, а о языково-мыслительной картине мира» [Колшанский, 1990, с. 37]. Однако далее исследователь отмечает, что «языковая картина мира есть вторичное существование объективной картины мира» [там же, с. 40].

Третий подход встречается в работах Г. Г. Почепцова. По мнению ученого, концептуальная картина мира шире языковой, поскольку «отражению подвергается не мир в целом, а лишь его пики, т. е. его составляющие, которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее релевантными, наиболее полно характеризующими мир» [Почепцов, 1990, с. 112]. Именно поэтому языковое представление мира заведомо неполно.

Стоит добавить, что некоторые исследователи считают противопоставление языковой и концептуальной картин мира некорректным,

такого мнения придерживается, например, В. В. Морковкин, который считал это противопоставление ошибочным «ввиду формальной разноплановости, разнонаправленности этих терминов». Он утверждал, что «термин «языковая картина мира» указывает на то, что носителем картины мира является язык, тогда как термин «концептуальная картина мира» указывает на то, из каких элементов складывается обсуждаемый гносеологический объект» [Морковкин, 1996, с. 52]. Н. Н. Гончарова соглашается с этим утверждением, обосновывая свою позицию тем, что «концепты, по мнению большинства лингвистов, являются основными единицами языковой картины мира» [Гончарова, 2012, с. 397].

М. В. Пименова дает следующее определение понятию картина мира: «Термин *картина мира* обозначает образы и понятия, описывающие мир в целом, в котором человек и человечество стремятся определить свое место» [Пименова, 2019, с. 8]. В схожем ключе номинирует картину мира А. Я. Гуревич: «"Сетка координат", при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [цит. по: Постовалова, 1988, с. 16]. Картина мира – «это образ мира, преломленный в сознании человека, то есть мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности» [Юсова, 2003, с. 315].

1.1.2. Языковая картина мира

Научные представления В. фон Гумбольдта «о внутренней форме языков было трансформировано в теорию языковой картины мира в рамках антропологистики (неогумбольдтианства)» [Пименова, 2019, с. 26].

Языковую картину мира В. И. Постовалова определяет как «один из наиболее глубинных слоев картины мира у человека», который «формируется в недрах языка» [Постовалова, 1988, с. 11]. Кроме того, «язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры» [там же].

Е. С. Кубрякова утверждает, что «языковая картина мира – это проекция концептуальной системы нашего сознания, куда, возможно, входят как некоторые врожденные концепты, так и концепты, сложившиеся в ходе предметно-познавательной деятельности, и, наконец, концепты, вычлененные из повторяющихся в семантических структурах слов объединений значений» [Кубрякова, 2003, с. 3]. В подобном ключе определение дает Н. Н. Гончарова: «Языковая картина мира – это ментально-лингвальное образование, ее элементами являются концепты, т. е. означенные информемы. Экспонентом языковой картины мира служит этнический язык» [Гончарова, 2012, с. 398]. У исследователя также представлено более подробное определение: «Языковая картина мира – ментально-лингвальное образование, информация об окружающей действительности, запечатленная в индивидуальном или коллективном сознании и репрезентирующаяся средствами языка» [там же, с. 400].

Языковая картина мира, по определению М. В. Пименовой, – это «совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний» [Пименова, 1999, 9]. В работах исследователя представлены и другие определения, например, языковая картина мира – «это сложившаяся давно и сохранившаяся донныне национальная картина мира, дополненная ассимилированными знаниями» [Пименова, 2003, с. 208]. Ученый отмечает, что языковая картина мира отражает «мировоззрение и мировосприятие народа», также она зафиксирована в языковых формах и ограничена «рамками консервативной национальной культуры этого народа» [там же]. По замечанию исследователя, современные работы по языковой картине мира представлены двумя направлениями:

1. Реконструкция системы представлений, отраженной в языке, без учета того, является ли она универсальной или специфичной для данного языка (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, В. А. Маслова).

2. Исследование ключевых для данной культуры концептов с учетом лексики, которая не имеет точных эквивалентов в других языках (А. Вежбицкая, В. В. Колесов, Е. А. Пименов, М. В. Пименова, А. Д. Шмелев, Е. С. Яковлева) [Пименова, 2019, с. 27–28].

Языковая картина мира выполняет две функции: «интерпретативную, обеспечивающую видение мира, и регулятивную, служащую ориентиром человека в мире» [Гончарова, 2012, с. 402]. Также выделяют функции «именования <...>; экспликации результатов категоризации явлений действительности; идентификации явлений мира; ориентации в окружающем мире, социализации, отнесения к определенной культуре, к определенному обществу» [там же].

Обобщая представленные в отечественной науке различные типологии языковых картин мира (Ю. Д. Апресяна, В. А. Масловой, В. И. Постоваловой) Н. Н. Гончарова предлагает классификацию по трем основаниям:

1. По *субъекту* языковой картины мира. Как отмечала В. И. Постовалова, «существует столько картин мира, сколько имеется наблюдателей, контактирующих с миром» [Постовалова, 1988, с. 32]. По этому основанию выделяются **индивидуальные** и **коллективные** языковые картины мира (здесь и далее полужирное выделение наше – В. Г.).

2. По *объекту*, который отображает языковая картина мира. В языковой картине мира окружающая действительность может быть представлена целиком либо фрагментарно, на этом основании выделяют **целостные** (глобальные) и **локальные** языковые картины мира; также «по качеству отображаемого объекта различают **научную** и **наивную** языковые картины мира».

3. По *способам языковой репрезентации* языковой картины мира выделяют **литературную** и **территориально / социально / профессионально** ограниченную [Гончарова, 2012, с. 402–403].

Репрезентация языковой картины мира проявляется на всех уровнях языка: «Составными частями картины мира являются слова, формативы и средства связи между предложениями, а также синтаксические конструкции» [Серебренников, 1988, с. 107]. Однако, как отмечает Н. Н. Гончарова, нагляднее всего «характер языковой картины мира представлен в лексике, ведь именно благодаря ей возможно «членение» действительности, выделение в макрокосме и микрокосме отдельных объектов, на которые нацелено внимание носителя языка» [Гончарова, 2012, с. 404]. Не оспаривая ведущую роль лексики в создании языковой картины мира, Ю. Н. Караулов при этом отмечал, что «отдельное слово с точки зрения положения его в иерархии аналогично «элементарному образу» и поэтому, как и атом, «неразлично» на том уровне, где складывается «картина мира», хотя в том, чтобы считать каждое отдельное слово элементом картины мира, нет принципиальной ошибки [Караулов, 1976, с. 268].

Множественность аспектов изучения языковой картины мира обуславливает выделение различных оппозиций: *научная* картина мира противопоставляется *наивной*, *индивидуальная* – *национальной*, *поэтическая* – *публицистической* и т. д. В рамках нашего исследования обратимся к таким разновидностям языковой картины мира, как *индивидуально-авторская*, *художественная* и *поэтическая*.

1.1.3. Индивидуально-авторская картина мира

Как мы уже отмечали выше, термин *картина мира* пришел в гуманитарные науки из физики. Вот, к примеру, цитата А. Эйнштейна: «Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимаются художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему» [цит. по Роль человеческого фактора в языке, 1988, с. 136]. В данном утверждении

постулируется существование индивидуально-авторской картины мира, создаваемой человеком сознательно или бессознательно.

В современных лингвистических трудах (в рамках гносеологического подхода) противопоставляются непосредственная и опосредованная картины мира. З. Д. Попова и И. А. Стернин определяют непосредственную картину мира как «картину, получаемую в результате прямого познания сознанием окружающей действительности» [Попова, 2007, с. 27]. Далее ученые замечают: «Познание осуществляется как при помощи органов чувств, так и при помощи абстрактного мышления, которым располагает человек, однако в любом случае эта картина мира не имеет «посредников» в сознании и формируется как результат непосредственного восприятия мира и его осмысления» [там же]. Опосредованную картину мира ученые определяют как «результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира» [там же].

Противопоставление непосредственной и опосредованной картин мира «обуславливает рассмотрение понятия “языковая картина мира” в качестве одной из опосредованных картин мира, которые представляют результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами» [Фомичева, 2013, с. 297]. Языковая картина мира как вторичная картина мира, «обусловленная взаимоотношением мышления и языка, представляет собой отражение и закрепление в языке мировидения человека» [там же]. Ж. Е. Фомичева относит к опосредованным картинам мира этого типа *индивидуально-авторскую, поэтическую и художественную* картины мира. З. Д. Попова и И. А. Стернин подчеркивают: «Художественная картина мира – это тоже вторичная картина мира <...>. Она возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения» [Попова, 2007, с. 29]. М. В. Пименова дает следующее определение индивидуально-авторской картине мира: «То, каким видится мир носителю языка – творцу текстов; это

арсенал тех языковых средств, которыми автор пользуется для описания мира» [Пименова, 2019, с. 91].

Индивидуально-авторская картина мира отражается в художественном тексте, написанном человеком: «Сложившийся в результате категоризации субъективный образ объективной реальности отражается в сознании автора и затем вербализуется в художественном тексте». Ученый добавляет: «В языковой личности писателя фиксируется тезаурус, его фоновые знания, или, иначе, индивидуальная авторская картина мира» [Гузиёкова, 2017, с. 28]. При этом, по мнению С. М. Гузиёковой, обязательным компонентом индивидуально-авторской картины мира являются «общекультурные концепты, понятные всем читателям», этот факт определяет адекватное декодирование, «понимание его текстов в рамках общей картины мира» [там же].

1.1.4. Художественная картина мира и поэтическая картина мира

Частным случаем индивидуально-авторской картины мира является *художественная картина мира*. Под ней понимают «особую онтологическую, когнитивную и эстетическую категорию как производную художественно-литературного дискурса» [Буров, 2011, с. 44]. Автор художественного текста создает «индивидуальное эстетическое измерение, в котором культурная мифология и архетипика, пройдя интертекстуальные «ворота», обретает символику конкретного образного импульса, влияющего на пространство идиостиля художественного сознания индивидуальности Homo Ludens» [Буров, 2004, с. 27]. Главной особенностью художественной языковой картины мира является ее ярко выраженный субъективный характер.

По замечанию А. А. Бурова, «языковая личность художника всегда обречена на конфликт в своей индивидуальной картине мира с универсальной общеязыковой картиной, но именно он [этот конфликт – В. Г.] и создает то на напряжение, то катартическое сострадание, которое и определяет диалектику и динамику творческой индивидуальности» [Буров,

2011, с. 45]. Эта мысль не кажется нам бесспорной, однако в ней верно подчеркивается противопоставление общеязыковой и художественной (как разновидности индивидуально-авторской) картин мира.

И. П. Лугаськова определяет художественную картину мира как «совокупность образов, созданных в конкретно-исторический момент времени определенной группой людей, историческими событиями, отдельным автором, влияющих на все сферы человеческой деятельности и отражающих закономерности человеческого существования, а также определяющих духовные доминанты бытия» [Лугаськова, 2017, с. 135–136]. В этом определении зафиксировано важное, на наш взгляд, свойство художественной картины мира – ее связь с историческим моментом, в который создается произведение, с теми историческими / социальными / бытовыми обстоятельствами, которые влияют на формирование индивидуально-авторской художественной картины мира.

Ряд ученых выделяют *поэтическую картину мира* как разновидность художественной картины мира. По замечанию Ж. Н. Масловой, «аргументом в пользу необходимости изучения именно поэтической картины мира является тот факт, что данное понятие уже получило широкое распространение в работах литературоведческого направления» [Маслова, 2011, с. 123]. Исследователь замечает, что «в настоящее время «поэтическая картина мира» все чаще встречается при изучении различных аспектов индивидуально-авторской поэтики, либо отдельных литературных стилей», но «проблема выделения типологических черт данного явления и целостной реконструкции традиционной поэтической картины мира на основании текстов, возникших в рамках определенных национальных поэтических канонов, еще не решена» [там же].

Поэтическая картина мира была выделена в рамках художественной картины мира в фундаментальном труде Л. Г. Пановой «“Мир”, “пространство”, “время” в поэзии Осипа Мандельштама» (2003). Ученый называет авторскую картину мира – «миром, который распадается на

относительно замкнутые в себе единства, или категории» [Панова, 2003, с. 34]. Поскольку «картина мира Мандельштама нам не дана в готовом виде», исследователи поэта могут начать описание «с отдельных фрагментов, <...> основополагающих, фундаментальных – “мира”, “пространства” и “времени”» [там же]. Описав все эти фрагменты, по мнению Л. Г. Пановой, мы получим поэтическую картину мира О. Э. Мандельштама.

Мы разделяем точку зрения Н. С. Болотновой, утверждающей, что «фрагмент картины мира, отраженный в тексте, имеет субъективный, творческий характер, проявляющийся в выборе объекта и ракурса изображения, определенного среза или аспекта реального мира, увиденного через призму определенных индивидуально-авторских оценок. В формировании и отражении в тексте индивидуально-авторской модели мира велика роль всех компонентов структуры **языковой личности автора** (полужирное выделение наше – В. Г.), имеющего свой лексикон, семантикон, прагматикон» [Болотнова, 2009, с. 331]. Ученый последовательно связывает формирование индивидуально-авторской модели мира, отраженной в тексте, со структурой *языковой личности* автора.

Обратимся к понятию языковой личности, которое тесно связано с таким понятием, как индивидуально-авторская картина мира.

1.1.4. Языковая личность

Исследование языковой личности в рамках антропологической лингвистики представлялось Ю. Н. Караулову как выход из кризиса системно-структурной лингвистики: «Выход видится в обращении к человеческому фактору, во введении в рассмотрение лингвистики, в ее парадигму языковой личности как равноправного объекта изучения, как такой концептуальной позиции, которая позволяет интегрировать разрозненные и относительно самостоятельные свойства языка» [Караулов, 2017, с. 21]. Можно констатировать, что в конце XX – первой четверти XXI

веков изучение языковой личности стало одной из самых востребованных лингвистических задач.

Начало изучения языковой личности исследователи находят в работах В. В. Виноградова, который ввел в науку термин *образ автора*. Ученый давал ему следующее определение: «[Это] не простой субъект речи, чаще всего он не назван в структуре художественного произведения. Это концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествованием, рассказчиком и через них является идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [Виноградов, 1971, с. 118]. По замечанию Е. В. Тарасенко: «Объединенный подобным образом текст превращается в синтез полилога и драматического диалога, разных точек зрения» [Тарасенко, 2021, с. 269].

Представленная выше концепция тесно связана с учением М. М. Бахтина о диалогичности художественного текста. Е. В. Тарасенко так обобщает концепцию М. М. Бахтина: «Ученый подходит к диалогичности языка как к способу проникновения человека в качестве неповторимой индивидуальности и личности в действительность. Диалоги пронизывают все: и языковую, и неязыковую сферы человеческого существования» [Тарасенко, 2021, с. 269].

Наибольшее распространение в современной русистике получила точка зрения Ю. Н. Караулова. Ученый дает следующее определение: «Под языковой личностью я понимаю совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов, 1989, с. 6].

Подробно структура языковой личности описана в фундаментальной работе Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность». Ученый отмечает, что «для “достраивания” языковой личности от базовых, фундаментальных ее составляющих до конкретно-индивидуальной

реализации необходимо учесть переменные, статистически вариативные части ее структуры и включить:

1. Системно-структурные данные о состоянии языка в соответствующий период;
2. Социальные и социолингвистические характеристики языковой общности, к которой относится рассматриваемая личность;
3. Сведения психологического плана, обусловленные принадлежностью изучаемой личности к более узкой референтной группе или частному речевому коллективу» [Караулов, 2017, с. 42].

По мысли Ю. Н. Караулова, полное описание языковой личности предполагает:

1. Характеристику семантико-структурного уровня ее организации;
2. Реконструкцию языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования);
3. Выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в процессах порождения текстов и их содержании, а также в особенностях восприятия чужих текстов [Караулов, 2017, с. 43].

Языковая личность, по замечанию Ю. Н. Караулова, «начинается не с нулевого, а с первого, лингво-когнитивного (тезаурусного) уровня, потому что только начиная с этого уровня оказывается возможным индивидуальный выбор, личностное предпочтение» [там же, с. 53].

Развивая идеи Ю. Н. Караулова, М. В. Пименова дает следующее определение: «Языковая личность – это конкретный носитель языка, способный понимать, воспроизводить и создавать тексты, это личность, выраженная в языке и охарактеризованная на основе анализа произведенных ею текстов с точки зрения использования в них системных средств языка для отражения видения ею окружающей действительности» [Пименова, 2019,

с. 91]. В этом определении для нас важна *связь между языковой личностью и средствами языка, отражающими взгляд человека на окружающий мир.*

Ю. В. Казарин дает следующее определение языковой личности: «Это базовая, опорная система, совокупность определенных структурных компонентов лингво-антропологической природы в макросистеме внутренних личностных структур человека» [Казарин, 2016, с. 110]. По мнению ученого, языковая личность – «сложнейший комплексный механизм познания, номинации и семантизации мира», она является «результатом процессов сознания, мышления, реализацией креативной и этико-эстетической функций, <...> это система, обеспечивающая функционирование всех сфер познания / деятельности – социальной, коммуникативной и прагматической в том числе» [там же]. По мнению ученого, в языковой личности можно выделить следующие макрокомпоненты:

1. *Дискурсный компонент* – «совокупность способов вербализации мысли, образа, представления, смысла, ассоциации, аналогии, сопоставления и т. п.»;

2. *Психолого-эмоциональный компонент* обуславливает «интенсивность использования языковой (и иной – антропологической, биологической, психологической и т. п.) энергии в языковой / текстовой деятельности»;

3. *Этико-эстетический компонент* «реализует и регулирует объем и качество содержания результатов языковой деятельности на основе устойчивого оценочно-модально отношения к добру и злу, прекрасному и безобразному»;

4. *Культурологический компонент* «функционирует на базе культурной памяти и культурной традиции (или новации) данной личности»;

5. *Антропологический компонент* «является своеобразной «оболочкой» <...> в которой работают и с которой связаны единой системностью и

структурностью остальные макрокомпоненты языковой личности» [Казарин, 2016, с. 112–114].

Итак, понятие языковой личности тесно связано с индивидуально-авторской картиной мира, отраженной в произведениях писателя. Реконструкция тезауруса данной личности, по Ю. Н. Караулову, является одним из этапов описания языковой личности. Цель нашего исследования – создание модели авторского идеографического словаря языка О. Э. Мандельштама, т. е. *создание подобного словаря является этапом описания языковой личности поэта.*

Выделим основные теоретические положения, связанные с понятием *картина мира*, важные для нашего исследования:

1. Вслед за В. И. Постоваловой, мы относим *картину мира* к фундаментальным понятиям, отражающим специфику отношений человека с окружающим его миром, а формирование *картины мира* – «к важнейшим условиям его [человека] существования в мире» [Постовалова, 1988, с. 11].

2. Исходя из классификации Н. Н. Гончаровой, в которой обобщены различные типологии языковых картин мира, в данной работе мы обратимся к *индивидуальной, глобальной* (а также к ряду *локальных*), *наивной* и *литературной* картине мира.

3. Многие ученые выделяют такую разновидность картины мира, как *поэтическую*. Л. Г. Маслова в работе «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама» предприняла попытку описать отдельные фрагменты поэтической картины мира стихотворца – категории «мир», «пространство» и «время». Мы высоко оцениваем труд Л. Г. Масловой, однако в нашем исследовании предпримем попытку описания не отдельных категорий, входящих в поэтическую картину мира О. Э. Мандельштама, а глобальной картины мира, а также ряда локальных фрагментов, репрезентированных в отдельных стихотворениях поэта.

4. Реконструкция тезауруса писателя, по Ю. Н. Караулову, является одним из этапов описания языковой личности, следовательно составление

авторского идеографического словаря является этапом описания языковой личности исследуемого поэта.

1.2. Отечественная авторская лексикография: история становления и основные труды

Поскольку целью нашего исследования является создание концепции *авторского идеографического словаря поэта*, обратимся к традиции создания авторских словарей, а также рассмотрим принципы, которые лежат в основе их составления.

Авторская лексикография – «это теория и практика составления словарей языка отдельных авторов или групп авторов, а также изучение таких словарей и выявление возможностей их использования» [Шестакова, 2011, с. 16]. С 1990-х годов в литературе, посвященной созданию словарей писателей, под влиянием зарубежной лексикографии, «использующей, преимущественно, термины *author lexicography*, *Autoren lexikographie*» [там же, с. 21], начинает употребляться термин *авторская лексикография*. Ведущая функция авторских словарей, по утверждению Л. Л. Шестаковой, – научно-описательная [Шестакова, 2011, с. 31]. Ученый отмечает, что отечественная авторская лексикография «весьма интенсивно развивается в последние десятилетия» [Шестакова, 2021, с. 36].

Задачи, которые решаются авторской лексикографией, «не могут быть исчислены во всех подробностях» [Винокур, 1949, с. 14], поскольку с помощью языка отдельного автора можно изучать различные аспекты языка (эстетический, стилистико-художественный, историко-лексикологический, индивидуально-авторский и т. д.). По замечанию И. Ю. Беяковой: «Изучение языка и мира творческой личности способствует пониманию живых процессов, происходящих в общенародном языке» [Беякова, 2008, с. 167].

По справедливому замечанию Ю. Н. Караулова, центральная роль при исследовании языка писателя часто принадлежит словарю, составленному по

текстам этого автора [Караулов, 2003, с. 4], однако ученый отмечает: «Словарь языка писателя описывается обычно в виде набора использованных в его произведениях упорядоченных по алфавиту слов с иллюстрациями контекстов их употребления и отличается от словаря языка в целом лишь в тех случаях, когда составителям удалось зафиксировать момент индивидуального варьирования автором значения» [Караулов, 2017, с. 87].

Отечественная филология знает немало авторских словарей. Уже в XIX веке были составлены словари языка четырех русских писателей: Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, А. Н. Грибоедова и А. С. Пушкина. Первым был издан словарь языка Г. Р. Державина, составленный Я. К. Гротом. В последнем томе словаря лексикограф предлагает обращать внимание только на лексику, которая употреблена в значении «отличном от обыкновенного», а также на предпочитаемые поэтом грамматические формы лексем и на слова и выражения, «исключительно ему принадлежащие» [Грот, 1883, с. 336]. О. И. Фонякова видит заслугу академика Грота в том, что «он первым разработал два типа писательских справочников: конкорданс к стихотворениям Державина и полный алфавитный словарь-индекс имен собственных ко всем жанрам творчества писателя» [Фонякова, 2003].

В 1894 году был опубликован труд В. Н. Куницкого «Язык и слог комедии «Горе от ума»», представляющий собой алфавитный указатель лексики комедии «Горе от ума» со статистическими сведениями по каждой единице. В конце XIX века статистическая лексикография не была сформирована, поэтому данный опыт описания лексики представляет несомненный интерес, т.к. был одним из первых в писательской лексикографии [там же, с. 38].

«Словарь к сочинениям Д. И. Фонвизина» был опубликован в 1904 году. Его составителем был К. П. Петров. Данный труд является первым опытом словаря, охватывающего все жанры, в которых проявляет себя писатель (художественные произведения, письма, переводы, деловая проза).

О. И. Фонякова отмечает, что у данного словаря есть множество недостатков: несоблюдение алфавитного принципа подачи материала, сбивчивая группировка примеров, отсутствие адресного указания приводимых иллюстраций и отсутствие толкования значений словоупотребления [Фонякова, 2003].

«Материалы для словаря Пушкинского прозаического языка» В. А. Водарского, печатавшиеся в 1901–1905 гг. в «Филологических записках», оборвались на лексеме «бить». Словарь представляет собой конкорданс лексики художественной, исторической, критической и эпистолярной прозы А. С. Пушкина. В словаре отмечены минимальные грамматические характеристики слов, выделены омонимы.

Описанные выше четыре издания, по мнению О. И. Фоняковой, очерчивают первый этап в истории отечественной авторской лексикографии, в котором были представлены два типа словаря: неполный конкорданс (Я. К. Грот, К. П. Петров, В. А. Водарский) и полный алфавитно-частотный словарь индекс (В. Н. Куницкий) [там же].

Второй этап «выделяется не строго хронологически за первым, а по его этапной значимости в общей разработке и создании новых типов словарей, среди которых главное место занимает реализация идеи толкового словаря» [там же, с. 41]. «Словарь личных имен у Достоевского» А. Л. Бема, «Щедринский словарь» М. С. Ольминского, «Словарь комедии “Горе от ума”» В. Ф. Чистякова, «Проект словаря языка Пушкина» Г. О. Винокура, «Словарь М. Горького» Б. А. Ларина, «Инструкция по составлению словаря к “Мертвым душам” Н. В. Гоголя» Ю. С. Сорокина появились именно в этот период развития авторской лексикографии.

Изданный в 1947 году под руководством Г. О. Винокура «Проект словаря языка Пушкина» является наиболее значимым трудом данного периода. Ученый настаивал на том, что «задуманный словарь должен представлять собой именно словарь языка Пушкина, т. е. труд, ориентированный лингвистически; <...> предметом словарной обработки

служит не что иное, как язык Пушкина, в прямом значении этого понятия, т. е. факты русского языка, засвидетельствованные произведениями Пушкина» [Винокур, 1991, с. 303–304]. В предисловии к первому изданию В. В. Виноградов писал о том, что данный словарь не может рассматриваться как толковый. Он включает в себя элементы и признаки дифференциального, т. е. сопоставительного словаря. Данный словарь, по утверждению ученого, «не берет на себя задачу описания и использования развернутых метафор пушкинского стиля» [Виноградов, 1956, с. 10]. По мнению О. И. Фоняковой, данный труд не решает задачу анализа индивидуальной лексико-семантической системы авторского словоупотребления, но он остается самым значительным из всех созданных отечественных авторских словарей [Фонякова, 2003].

Второй этап развития авторской лексикографии дал отечественной науке еще четыре типа словарей: словарь-индекс по собственным именам (А. Л. Бем), конкорданс по всему творчеству одного автора (М. С. Ольминский), общий толковый словарь ко всему творчеству писателя полного типа (Г. О. Винокур), словарь к отдельному произведению (В. Ф. Чистяков, Б. А. Ларин, Ю. С. Сорокин) [там же, с. 45].

Третий этап в истории русской авторской лексикографии, отмечает О. И. Фонякова, характеризуется развитием словарного описания языка писателя «вширь и вглубь», разработкой новых типов и видов словарей. В отечественной авторской лексикографии были реализованы все типы писательских справочников, которые известны в мировой лексикографии [Фонякова, 2003]. Следует отметить в этом отношении большие достижения в области создания классических авторских словарей русских писателей и поэтов: И. Бунина (2015), В. Высоцкого (2012), А. Грибоедова (2017), А. Пушкина (1961), В. Хлебникова (1995), М. Цветаевой (1996), М. Шолохова (2005), В. Шукшина (2001) и многих др.

Важной вехой в истории развития отечественной авторской лексикографии является составление словаря языка Ф. М. Достоевского.

Предметом описания в этом лексикографическом труде являются «лексические единицы, несущие концептуальное содержание и характеризующие особенности индивидуального стиля Достоевского» [Караулов, 2015, с. 16]. Как отмечают составители, при работе над словарем они пришли к выводу, что «нет смысла включать в словник подряд все лексические единицы, встретившиеся в текстах писателя» [там же]. Ученые убеждены – редуцирование является одной из главных функций языкового мышления, именно поэтому перед исследователями «встает задача выявления <...> концептуального ядра», образованного «путем генерализации и исключения частных»; исследование этого «ядра», по мнению ученых, «позволяет выносить суждения о картине мира писателя и реконструировать ее» [там же].

Данный подход исключает составление полного словника на основе языка писателя. Лексикографы, работающие над словарем языка Ф. М. Достоевского, ввели термин *идиоглоссы*, под которыми они понимают «концептуальные образования, из которых складывается картина мира, и одновременно – единицы, вбирающие в себя специфику авторского стиля [Караулов, 2015, с. 16]. В словаре дается развернутое определение этого понятия: идиоглоссы «представляют собой тезаурусообразующие понятия, являясь элементами субъективного авторского образа мира, авторского мировидения; <...> выполняют роль ключевых слов, набор которых позволяет воспроизводить в свернутом виде содержание конкретного текста»; идиоглоссы характеризуют идиолект писателя и «образуют в пространстве текста точки концентрации смысла, своеобразные центры, вокруг которых формируются специфические текстовые ассоциативные поля» [СЯД, 2001, с. XXXVI].

По замыслу авторского коллектива составителей словаря Ф. М. Достоевского, отказ от представления полного словника и замена его на словник идиоглосс помогают воплотить «праструктуру языка писателя»

[Караулов, 2015, с. 17]. Для определения идиоглоссного статуса лексемы была предложена следующая методика (представим ее в сокращенном виде):

1. Коллективное прочтение текстов Достоевского с установкой выделить слова, характеризующие авторский стиль.

2. Выявление ключевых слов с опорой на данные существующих исследований, как лингвистических, так и литературоведческих, посвященных языку и творчеству Достоевского.

3. Выявление ключевых слов из названий произведений или их отдельных частей.

4. Фиксация особенностей употребления слова в контексте.

5. Статистический анализ употребления слова в разных жанрах и в разные периоды творчества писателя.

6. Верификация полученного списка идиоглосс путем опроса [Ружицкий, 2015, с. 48].

Важным уточнением, на наш взгляд, является утверждение составителей словаря о том, что частотность употребления лексемы не является обязательным свойством идиоглоссы: «в текстах Достоевского встречаются низкочастотные единицы, которые, тем не менее, являются идиоглоссами, например, маска, зонтик, всечеловеческий, всечеловек и др.» [Караулов, 2015, с. 17].

Исследователи считают, что все произведения, написанные Ф. М. Достоевским, являются единым дискурсом, итогом функционирования его языковой личности, включающей вербально-грамматический, когнитивный и прагматический уровни. Структура словарной статьи языка писателя, по мнению составителей, «в целом ориентирована на реконструкцию картины мира писателя, зоны комментария к словарной статье по существу являются показателями, характеризующими языковую личность как таковую» [там же]. Статья словаря языка Ф. М. Достоевского включает три уровня, соответствующие уровням структуры языковой личности:

А. «Грамматические единицы, синтаксические и семантические отношения (морфологические особенности слова, неразличение разных значений в одном употреблении слова, мотивационные отношения слов одного словообразовательного гнезда в одном предложении, сочетаемость слов)».

Б. «Когнитивные элементы, непосредственно относящиеся к картине мира (афоризмы, пословицы, отсылки к прецедентным текстам, тропы, употребление слова в символическом значении и т. п.)».

В. «Прагматические характеристики соответствующей идиоглоссы (употребление слова в ироническом контексте, использование в языковой игре и др.)» [Караулов, 2015, с. 17].

На наш взгляд, составители словаря языка Ф. М. Достоевского своим лексикографическим трудом убедительно доказывают, что авторский словарь способен выполнять не только справочную функцию, но и быть инструментом познания языковой личности автора, а также индивидуально-авторской картины мира.

Колоссальным прорывом отечественной авторской лексикографии, на наш взгляд, стоит рассматривать проект создания «Словаря языка поэзии XX века». Словарь, идея создания которого принадлежит В. П. Григорьеву, издается Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Как отмечает Л. Л. Шестакова, этот лексикографический труд – «сводный контекстный хронологически выстроенный словарь поэтического языка конкретной эпохи» [Шестакова, 2010, с. 71]. Материалом для этого словаря послужили поэтические тексты десяти стихотворцев: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова и М. Цветаевой.

В. П. Григорьев, идейный вдохновитель словаря, главной задачей видел представление «лексикографического «очерка», словарной модели поэтического мира XX в.», фиксацию «системы поэтического языка этой эпохи в развитии» [там же]. Эта задача обуславливает формирование полного

словника, в который входят все слова, которые встречаются в исследуемых стихотворениях, а также особую структуру словарной статьи. Заголовочная единица «Словаря языка поэзии XX века» – слово, иллюстрации – законченные (по форме и смыслу) контексты, этим данный словарь отличается от традиционного конкорданса.

Как отмечает Л. Л. Шестакова, «зона значения словаря имеет более широкое, по сравнению с другими словарями, наполнение, и поэтому само название ее условно» [Шестакова, 2010, с. 71]. В этой зоне представлена минимальная информация, которая, по мнению составителей, необходима читателю для адекватного понимания текста. «Эта информация направляет внимание читателя на орфографическую, грамматическую, семантическую», а также стилистическую сторону слова [там же, с. 71].

Структура статьи «Словаря языка поэзии XX века» состоит из пяти зон:

1. *Заголовочное слово* (заглавная форма слова) – у существительных заглавной формой служит им. п., ед. ч. (при этом выделяются субстантивы); у прилагательных – им. п., ед. ч., м. р. (краткие прилагательные и прилагательные в сравнительной и превосходной степенях выделяются в отдельные статьи); «у местоимений и числительных заглавная форма та же, что у соотносительных существительных и прилагательных»; у глаголов – инфинитив; у причастий заглавная форма та же, что у прилагательных; «причастия (в том числе краткие) наст. и прош. времени оформляются в самостоятельные статьи»; «у наречий, деепричастий и других неизменяемых разрядов слов заглавной формой служит реально встретившаяся форма»; «в некоторых случаях в качестве заголовочных слов выступают отмечаемые в произведениях словоформы окказионального характера».

2. *Зона значения* является факультативной, в ней могут быть представлены а) «сведения лингвистического характера (грамматические и стилистические пометы, этимологический комментарий, краткие толкования – при лексических единицах, отсутствующих в общедоступных словарях, и др.)»; б) сведения энциклопедического характера; в) ссылочная

информация («ссылочными являются такие статьи, в которых не приводятся контексты»).

3. *Зона контекстов* является обязательной, в ней могут быть представлены контексты двух типов – фрагменты стихотворений или заглавия, подзаголовки, посвящения, эпитафии.

4. *Зона комментариев* является факультативной; комментарий должен «способствовать более глубокому раскрытию особенностей словоупотребления»; в зоне комментариев могут быть представлены названия поэтических текстов, исторические сведения, «лингвопоэтические соображения составителя», рифмы и т. д.

5. *Зона шифров* представлена в каждой статье, в ней указываются автор, дата написания произведения, дается ссылка на страницу источника [СРПВ, 2015, с. 7–8].

6. Мы полностью разделяем точку зрения Д. М. Поцепни о том, что «Словарь языка поэзии XX века» вводит в сферу науки бесценный материал, обогащая языковую базу для различных исследований, и прежде всего для описания литературного языка XX в., для создания истории языка русской поэзии, для исследования принципов поэтики различных литературных направлений и школ» [Поцепня, 2006, с. 109]. Как отмечает Л. Л. Шестакова, ответственный редактор словаря: «Каждая описываемая лексическая единица и совокупности единиц могут анализироваться в контексте истории литературного, и шире – национального языка XX в. <...>, истории поэтического языка, в аспектах лингвистической поэтики, лингвостилистики и т. д.» [Шестакова, 2010, с. 3]. Безусловно, издание подобного фундаментального труда приближает отечественную науку к решению многих задач, в том числе описания общепоэтической русской картины мира.

Также для нашего исследования важен опыт составителей «Словаря языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.)», в котором в качестве материала были взяты стихотворения более 250 русских поэтов конца XVIII – начала XX века. Объектом

лексикографического описания и систематизации стали «образные средства языка поэзии – поэтические номинации, т. е. сочетания слов и слова, имеющие в поэзии особый эстетический смысл, специфическую семантическую и экспрессивную нагруженность» [СЯП, 2004, с. 7]. По замечанию составителей, ими была выявлена «системная организация образных языковых средств», которая, по замыслу лексикографов, «представляет собой надежный фундамент при изучении эволюции поэтической речи» [там же]. В словаре представлены:

1. Описательно-метафорические сочетания.
2. Перифрастические сочетания.
3. Слова-символы.
4. Признаковые словосочетания.
5. Качественные слова в абсолютном употреблении [там же].

Из словаря можно извлечь сведения о сочетаемости образных слов, о наличии или отсутствии грамматических разновидностей словосочетаний с тем или иным опорным словом, «о синонимических средствах обозначения в поэзии одного денотата», об «основных ассоциативных линиях, по которым осуществляется развитие образного представления денотата», о динамике использования в поэтической речи устойчивых образных словосочетаний, об омонимии в поэтических текстах, а также сведения исторического характера [там же, с. 8–9].

Словарь устроен таким образом, что описание образных средств поэтического языка осуществляется в нем по группам – денотативным множествам, «формируемым на основе отнесенности номинаций (лексических и фразеологических) к определенному отрезку внеязыковой действительности» [там же, с. 9]. Эти группы получают обозначение, которое выполняет «функцию словарного наименования» [там же]. Например, «о поэзии», «о памяти», «о радости» и др.

Структура словарной статьи включает в себя списочную и иллюстративную части. Первая включает в себя «перечень образных

парадигм» [СЯП, 2004, с. 11], характеризующихся «семантической связью опорных образных слов», например, «вода, волна, кипяток, ключ, кристалл лиющийся, река, струя» [там же]. Иллюстративная часть словарной статьи состоит из примеров к образным парадигмам из списочной части.

Составители словаря не ставили перед собой задачу конструирования русской поэтической картины мира, однако, на наш взгляд, данный лексикографический труд является важным этапом для достижения этой цели.

Большой объем разработанных словарей приводит ученых к необходимости выделения оснований для классификации, разработке типологий данных лексикографических трудов. В предисловии «Опыт типологизации авторских словарей», написанном Ю. Н. Карауловым и Е. Л. Гинзбургом к антологии «Русская авторская лексикография XIX–XX веков», авторские словари делятся на три группы, каждая из которых соответствует уровню в структуру языковой личности:

1. Авторские словари, содержащие лексико-грамматическую информацию о языковых единицах, употребленных в текстах писателя/поэта.
2. Авторские словари, описывающие элементы когнитивного уровня в структуре языковой личности и фиксирующие индивидуально-авторскую картину мира.
3. Авторские словари, в которых объектом описания являются прагматические единицы языка.

Типология Ю. Н. Караулова основана на трех идеях: идее лексикографической параметризации языка, идее языковой личности и ее структурной организации, идее противопоставления говорящий/слушающий [см. об этом: Караулов, 2003, с. 4–17]. Авторский идеографический словарь языка поэта относится к первому и второму типу словарей из представленной Ю. Н. Карауловым классификации.

Наиболее полную классификацию словарей, на наш взгляд, приводит Л. Л. Шестакова в работе «Авторская лексикография в отечественном

языкознании». Ученым выделены десять признаков, по которым можно охарактеризовать и разграничить авторские словари. Приводим ниже все пункты с незначительными сокращениями. Итак, словари делятся:

1) по характеру даваемых в них сведений (о слове или реалии) – на лингвистические и общепилологические, энциклопедические;

2) по числу описываемых авторов – на монографические (личностные) и сводные;

3) по основному объекту описания – на словари языка авторов (словари-справочники, имеющие историко-языковую, нормативную направленность), словари стилистические (описывающие семантико-стилистические черты творчества автора), словари образов;

4) по основной цели описания – на объяснительные (толковые, включая переводные) и фиксирующие («нетолковые» – индексы, конкордансы, частотные справочники);

5) по охвату описываемого материала – на полные (авторские тезаурусы) и неполные, дифференциальные; в иных терминах – общие и частные;

6) по единице описания – на словари с заголовочной единицей, равной слову (словозначению), и заголовочной единицей больше слова (словари сочетаний, устойчивых выражений, цитат);

7) по способам описания – на одно-, двух- и многопараметровые словари;

8) по расположению заголовочных единиц – на алфавитные и неалфавитные;

9) по числу языков – на одноязычные и двуязычные;

10) по временной перспективе – это авторские словари исторические (построенные на материале авторов прошлых эпох) и современные (построенные на материале современных авторов) [Шестакова, эл. ресурс].

Данная классификация, по утверждению самого исследователя, не является универсальной и может быть расширена и уточнена.

Для нашего исследования важны следующие теоретические положения, связанные с авторской лексикографией:

1. Первые отечественные авторские словари появились еще в 19 веке (словари языка Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, А. Н. Грибоедова и А. С. Пушкина).

2. Историю отечественной авторской лексикографии, вслед за О. И. Фоняковой, можно разделить на три этапа: первый – появление первых авторских словарей (*неполный конкорданс* (Я. К. Грот, К. П. Петров, В. А. Водарский) и *полный алфавитно-частотный словарь индекс* (В. Н. Куницкий); второй – создание словарей нового типа, главное место среди которых занимает *толковый словарь* («Словарь комедии «Горе от ума» В. Ф. Чистякова, «Проект словаря языка Пушкина» Г. О. Винокура, «Словарь М. Горького» Б. А. Ларина и др.); третий этап характеризуется разработкой *новых типов и видов авторских словарей* (самыми масштабными, на наш взгляд, являются проекты создания словаря языка Ф. М. Достоевского и «Словаря языка поэзии XX века»).

3. Исходя из типологии авторских словарей Ю. Н. Караулова, *авторский идеографический словарь языка поэта* относится к словарям, содержащим лексико-грамматическую информацию о языковых единицах, употребленных в текстах писателя/поэта, а также к типу авторских словарей, в которых *фиксируется индивидуально-авторская картина мира*.

1.3. Теоретическая и практическая идеографическая лексикография: от первых трудов до словарей Уральской семантической школы

Итогом данного и последующих наших исследований мы видим составление авторского *идеографического* словаря языка О. Э. Мандельштама, обратимся к теории и практике составления идеографических словарей.

В 1970 году был издан труд В. В. Морковкина «Идеографические словари», ставший основополагающей теоретической работой в отечественной идеографической лексикографии. Ученый воссоздает историю мировой практики составления идеографических словарей, предлагает теорию и методологию идеографической лексикографии.

В. В. Морковкин отмечает, что первые образцы словарей с группировкой слов по смыслу появились еще на донаучном этапе развития науки о языке. Например, «Ономастикон» Ю. Поллукса, написанный во II в. н. э., состоит из десяти книг, в каждой из которых раскрываются ключевые слова той или иной темы. Например, в первой книге говорится о богах и царях, во второй – о людях, их жизни, физиологическом строении, в третьей – о родстве и гражданских отношениях [Морковкин, 1970, с. 13]. Словарь санскритского языка «Амаракоша» древнеиндийского поэта, грамматика и лексикографа Амара Сина относится к словарям толкового типа. Структурно он делится на три книги, в каждой из которых располагаются группы толкуемых слов. Стоит отметить, что толкование дается в форме стихов [там же].

Дальнейшую историю развития идеографической лексикографии В. В. Морковкин связывает с проблемой создания философского логического языка, разрабатываемого в ряде лингвофилософских трактатов, написанных в Средние века в Европе. Изданный в XIX веке «Тезаурус английских слов и выражений» П. М. Роже по праву считается прообразом современных идеографических словарей. Ученый исходил из предположения о подобии отношений между словами и отношениями объектов действительности, которые они именуют, в сознании носителей языка. Составитель разделил лексику на четыре понятийных класса: абстрактные отношения, пространство, материя и дух. Группы, в свою очередь, делились на менее крупные [там же с. 18]. Выход данного словаря стимулировал создание ряда аналогичных словарей на материале других языков.

Через десять лет после выхода словаря П. М. Роже был издан «Аналогический словарь французского языка» П. Буассьера, в котором лексика была сгруппирована вокруг единиц, входящих в активный лексикон, так называемых «слов-центров». Данную идею развил М. Шакэ, введя в словарь дополнительную дифференциацию лексики на более мелкие группы, выделяя вторичные слова-центры. Стоит отметить, что в отличие от словаря П. М. Роже, единицы в словаре П. Буассьера расположены в алфавитном порядке [Морковкин, 1970, с. 24–26].

В. В. Морковкин утверждает, что уже в XIX веке появилась возможность типологизации идеографических словарей. Ученый предлагает относить словари, подобные «Тезаурусу...» П. М. Роже, к *идеографическим тезаурусам*. Целью таких словарей является «идентификация и последующая рациональная классификация понятийных групп, реально представленных в лексике языка» [там же, с. 27]. К этой же группе исследователь относит «Всеобщий словарь мышления, алфавитный, логический и энциклопедический» Эли Блана. Ко второй группе В. В. Морковкин относит словари, подобные «Аналогическому словарю французского языка» П. Буассьера. Например, словарь английского языка Ф. А. Марча и словарь испанского языка Д. Орса Понарда. В данных работах лексика, распределенная по тематическим группам, располагается в порядке алфавитного следования тематических доминант (слов-центров) [там же].

К третьему типу В. В. Морковкин относит словари учебного характера, главной задачей которых является отбор и упорядочивание минимального количества материала, необходимого для изучения неродного языка. Данные словари не преследуют задачу восстановления семантического объема языка вообще. Изданный в 1847 году «Систематический словарь и французский разговорник» Карла Плетца является ярчайшим примером данного направления в лексикографии. В этом словаре лексика объединена в 33 тематические группы, внутри которых приводятся, разбитые на подтемы,

связанные с этими основными темами списки слов. Словарь снабжен алфавитным перечнем лексем, составляющих его.

В монографии «Идеографические словари» В. В. Морковкин не только делает обзор истории идеографической лексикографии, но и предлагает свою методологию создания словарей подобного типа. По его мнению, идеографический словарь должен представлять собой макет лексической системы языка. Ученый обращается к рассмотрению системных отношений, существующих в языке (как парадигматических, так и синтагматических), и отмечает тот факт, что «характер естественной группировки слов в мозгу человека» [Морковкин, 1970, с. 46] находит отражение именно в них. Это утверждение обуславливает принципы, которые должны учитываться при создании идеографического словаря: в словаре должна быть представлена не только парадигматическая группировка слов, но и достаточно полная информация о их сочетаемости [там же]. В. В. Морковкин видит воплощение данных принципов в словаре синтетического типа, совмещающего в себе идеографический тезаурус и словарь словоупотреблений. Под парадигматическим описанием лексики в словаре подобного типа ученый понимает создание единой классификации понятийного содержания лексики, а именно выделение лексико-семантических классов слов, которые призваны стать основной единицей идеографического словаря. Описание сочетаемостных возможностей единиц лексического уровня В. В. Морковкин предлагает осуществлять в зависимости от их принадлежности к тому или иному грамматическому классу; для каждой части речи ученый предлагает выделить и описать набор ближайших и периферийных валентностей.

Идеи, обозначенные В. В. Морковиным в монографии «Идеографические словари», были развиты в работе «Опыт идеографического описания лексики», изданной в 1977 году. Ученый продолжает разрабатывать положения, высказанные в предыдущей работе, предлагает новое определение синтетического словаря, под которым понимает такой идеографический словарь, который «синтезирует

лексическую систему, устанавливая между словами парадигматические и синтагматические отношения и обеспечивает комплексное (синтетическое) описание содержательной стороны слова» [Морковкин, 1977, с. 116].

Изданный в 1976 году научный труд Ю. Н. Караулова «Общая и русская идеография» внес значительный вклад в разработку теории и методологии отечественной идеографической лексикографии. Исследователь связывает теорию идеографии с понятием семантического поля и ономазиологическими принципами в изучении лексики [Караулов, 1976, с. 3]. Потребность обращения к теории поля ученый мотивирует тем, что поле обуславливает системность лексики на основе групп подобного рода; идеографический словарь также оперирует группами слов, однако данное сходство либо критикуется, либо игнорируется составителями идеографических словарей [Караулов, 1976, с. 22]. В главе «Собрание определений семантического поля» Ю. Н. Караулов приводит множество определений семантического поля, отмечая то, что в самом понятии заложена связь языка с действительностью, выявление которой и является одной из основных задач идеографической лексикографии. По мысли ученого, идеографические словари базируются на ономазиологии, то есть «таком аспекте семантики, когда исходным является некоторое понятие» [Караулов, 1976, с. 19]. Однако не стоит связывать идеографию лишь с ономазиологией, поскольку существуют словари индуктивного типа (принцип восхождения от слова к понятию); составление дефиниций, описание семантических связей между единицами словаря также выходят за пределы ономазиологии. Данные вопросы относятся, по мнению ученого, к понятию языковой системности, лежат в области теории семантических полей.

Ю. Н. Караулов последовательно связывает структуру идеографических словарей с понятием языковой картины мира. Однако данное понятие остается, по мнению ученого, лишь метафорой, и не существует эксплицитных процедур ее [картины мира] построения [там же, с. 246]. Ученый отмечает, что структура идеографического словаря,

безусловно, составляет один из компонентов картины мира, «а именно статический ее компонент, который включает принципы членения лексического состава данного языка и отражает наиболее общие, доминантные грамматические категории, определяющие его структурный тип» [Караулов, 1976, с. 267].

Как отмечает Л. Г. Бабенко, глава Уральской семантической школы (далее – УСШ), идеографическая лексикография в отечественной науке прошла следующие этапы: «от постановки самой проблемы идеографических словарей – до создания первых словарей в виде списков слов, объединённых общим понятием (1970–1980-е гг., 1 этап), позднее – до создания толково-идеографических словарей (конец XX – начало XXI в., 2 этап)» [Бабенко, 2014, с. 8].

Первый этап был связан, во-первых, с «расширением объекта идеографического описания», во-вторых, с исследованием «сферы употребления анализируемой лексики», в-третьих, с обращением к фразеологии и паремии.

Следующий этап «связан с созданием толковых идеографических словарей на понятийной основе, т. е. толково-идеографических словарей» [Бабенко, 2014, с. 12]. Над составлением подобных словарей с конца 1980-х годов трудились два научных коллектива: коллектив лексикографов под руководством Н. Ю. Шведовой и коллектив ученых УСШ. Результатом их труда стало издание двух толково-идеографических словарей: в 1998 году был издан «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» под ред. Н. Ю. Шведовой и в 1999 году – «Большой толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание» под ред. Л. Г. Бабенко.

Однако еще до выхода словарей Н. Ю. Шведовой и Л. Г. Бабенко, в 1990 году, впервые был опубликован «Идеографический словарь русского языка» О. С. Баранова, идеографическая классификация которого глобально состоит из 6 групп: «Порядок», «Природа», «Человек», «Деятельность»,

«Общество» и «Культура». Каждая из групп делится на ряд подгруппы (всего 22): «Состав», «Характеристика», «Порядок», «Пространство», «Процесс», «Материя», «Вещество», «Неживая природа», «Организованность», «Живая природа», «Человеческий организм», «Психика», «Интеллект», «Личность», «Действия человека», «Деятельность», «Общение», «Нормы», «Общество», «Культура», «Техническое устройство», «Экономика». Подгруппы в свою очередь делятся на отделы, например, группа «Порядок» включает в себя подгруппу «Состав», которая в свою очередь состоит из 4 отделов: «Объект», «Часть», «Совокупность» и «Состав» [Баранов, 2002, с. 14].

Обратимся к принципам, лежащим в основе «Русского семантического словаря» под ред. Н. Ю. Шведовой. В основе концепции словаря лежит «тезис, согласно которому данное самим языком деление всего словесного состава на части речи является исходным членением лексики» [Шведова, 1998, с. 8]; также составители уверены, что все части речи существуют в системе. В словаре отличают: «1) слова указующие (местоимения); 2) слова именующие; 3) слова собственно связующие – союзы, предлоги, связки и их аналоги; 4) слова собственно квалифицирующие – модальные слова и сочетания, частицы и их аналоги, междометия» [там же]. Все слова, относящиеся к перечисленным классам, объединены одним признаком: «каждая из единиц, входящих в любой из этих классов, является словом, т. е. материальным языковым знаком, служащим для обозначения реалий физического и ментального мира <...>, отношений между такими реалиями, а также для именованя самих таких реалий или для указания на них» [Шведова, 1998, с. 8]. Каждую часть речи образуют слова, «объединенные в собственно лексические классы, предстающие в виде разветвленного дерева с ветвями, расходящимися от вершины к основанию». Самой малой частицей, существующей в составе «дерева», является значение слова. Исследователи отмечают, что «лексическое древо применительно к каждой части речи строится на основе исследования всего того массива слов, который представлен в современном толковом словаре среднего типа со

значительными пополнениями из других толковых словарей и из разнообразных современных текстов; общее количество таких единиц в нашем словаре около 300.000 (трехсот тысяч)» [Шведова, 1998, с. 10].

Структурирование «лексического древа» начинается с определения типа макрокласса (части речи): именующий, указующий, связующий или квалифицирующий. Описание каждого макрокласса начинается с поиска естественного распределения, «собственно лексико-семантической организации» [там же, с. 10]. Например, имя существительное «возглавляется понятием “предмет”, в смысловом строении языка представленным смысловыми исходами (изначальными понятиями) кто и что» [там же]. Однако, как замечает Н. Ю. Шведова, хотя исходы и служат основой для первичного членения макрокласса, но «такое членение еще не подводит непосредственно к выделению лексических классов» [там же]. Исход *кто* сочетает лексические классы, относящие именуемую реалию либо к сфере человека, либо к сфере животного, и уже внутри этих сфер «существуют классы, возглавляемые лексико-семантической доминантой («человек», «животное»))» [там же]. Подобным образом устроена глагольная лексика и лексика, «именующая непроцессуальные признаки лица или предмета» [там же]. Отметим, что лексический класс, относящийся к той или иной части речи, является одним из элементов лексической системы языка в целом.

В «Русском семантическом словаре» строение лексической системы языка представлено в следующих категориях:

1) **часть речи**, или макрокласс, каждый из которых членится на понятийные сферы, имеющие собственное внутреннее деление;

2) **лексический класс**, «располагающийся в пределах той или иной понятийной сферы рядом с другими подобными классами и имеющий вид древа, расходящегося своими ветвями от вершины к основанию, и возглавляемый словом семантической доминантой лексического класса» [там же, с. 10];

3) **лексические множества и подмножества** – «ветви дерева, организующие данный лексический класс и своим составом и расположением определяющие его строение» [Шведова, 1998, с. 10];

4) **лексико-семантический ряд** – «конечная единица лексического дерева, которое объединяет в себе словозначения, находящиеся в отношениях непосредственной семантической близости или непосредственной семантической противопоставленности» [там же].

Главную задачу «Русского семантического словаря» составители видели в представлении современной русской лексики как такого уровня языка, «который имеет собственную организацию, созданную самим языком, и им самим регулирующую» [там же]. Данная идея развивалась в «Русском идеографическом словаре» под ред. Н. Ю. Шведовой. В этом лексикографическом труде под идеографическим составители понимают такой словарь, «концепция которого опирается на идеи, исходящие от самого языка» [Шведова, 2011, с. 5].

Концепция авторского идеографического словаря представляется нам логичным продолжением идей ученых УСШ, поэтому, перед тем как мы перейдем к описанию принципов, лежащий в основе «Большого толкового словаря русских глаголов: идеографическое описание» под ред. Л. Г. Бабенко, остановимся на краткой истории становления УСШ и основных трудах ученых школы.

В статье «Идеография – зеркало языка и мира. К 40-летию кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики» Ю. В. Казарин, представитель научной школы, очерчивает круг интересов УСШ: «Синтез теории лексической семантики, идеографического метода классификации русской лексики и собственно лексикографической работы давал и дает ощутимые результаты, главным из которых стало выявление, определение и анализ с последующим синтезированием механизмов категоризации и концептуализации мира на различном языковом, речевом и текстовом материале ведущих и наиболее значимых частей речи – русских глаголов,

существительных и прилагательных, а также синонимов, фразеологии, паремиологии и текста» [Казарин, 2014, с. 263]. С исследователем невозможно не согласиться: лексикографы УСШ исчерпывающе идеографически описали значимые части речи: в 1999 году был издан «Большой толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание», в 2005 – «Большой толковый словарь русских существительных», в 2016 – «Словарь-тезаурус русских прилагательных (распределение по тематическим группам)». Далее ученый отмечает: «Практическая значимость таких исследований несомненна: коллектив ученых-лексикографов кафедры и Уральской семантической школы создал ряд идеографических словарей нового активного типа и внес весомый вклад в развитие теории и практики идеографической лексикографии» [там же].

В статье «Интерпретация лексико-семантических множеств в контексте Уральской идеографической лексикографии» Л. Г. Бабенко выделяет два аспекта идеографического описания русской лексики: *панорамный* и *крупным планом*. Под первым исследователь понимает взгляд с внешней точки зрения, при котором объектом описания и интерпретации становится «вся совокупность лексических множеств в их соотносительности и взаимосвязи» [Бабенко, 2016, с. 4]. Под вторым ученый понимает подход, подразумевающий объектом описания и интерпретации «лексические множества, взятые и рассматриваемые по отдельности, изнутри как особые типы группировок слов, обладающие свойственной им структурной и семантической организацией» [Бабенко, 2016, с. 4]. При этом Л. Г. Бабенко отмечает важность вопросов, связанных с выделением лексических объединений разного типа, определением основ и принципов их формирования и описания в параметрах лексикографии, а также акцентирует внимание на объективных факторах и субъективных факторах, обуславливающих интерпретацию организации лексических множеств. Следствием этого является наличие разных подходов к систематизации лексики в идеографических словарях, составленных не только разными

научными школами, но и представителями одной школы. Также Л. Г. Бабенко выделяет лексико-семантические множества разного объема, которые изучаются лексикографами УСШ:

1. **Суперпарадигмы** – крупные лексико-семантические множества, которые представляют собой объединения лексико-семантических полей и классов слов одной категориально-грамматической природы, то есть глаголы, существительные, прилагательные, а также совокупности межчастеречных лексико-семантических множеств.

2. **Макропарадигмы** – лексико-семантические группы.

3. **Микропарадигмы** – лексико-семантические подгруппы, из которых состоят макропарадигмы.

4. **Парадигматические ряды** – синонимические и антонимические ряды.

5. **Лексические оппозиции** (привативные, эквиполентные).

Нетрудно заметить, что последовательное рассмотрение лексико-семантических множеств от самых небольших (оппозиций) до наиболее крупных (суперпарадигм) обеспечило ученым УСШ высокую степень объективности. Однако, на первый взгляд, может удивить тот факт, что словари одной школы могут значительно теоретически отличаться друг от друга. Л. Г. Бабенко отвечает на этот вопрос так: «В течение всего периода исследования системной организации русской лексики и ее лексикографической интерпретации разрабатывались как общие принципы ее отображения в идеографических словарях, так и частные особенности ее репрезентации. Вследствие этого менялось представление о самих лексических множествах различной категориально-грамматической и семантической природы, в свою очередь повлекшее изменения их интерпретации в идеографических словарях» [Бабенко, 2016, с. 5].

Проследим, как менялся идеографический подход к описанию лексических множеств в разных словарях УСШ. Для начала стоит отметить, что «выбор критериев и принципов типологии идеографических множеств

<...>, использованных в разных идеографических словарях, явился основанием разграничения их различных типов: лексико-семантических полей, групп и подгрупп, с одной стороны, или денотативно-идеографических сфер, полей, групп и подгрупп, с другой стороны» [Бабенко, 2016, с. 5]. Это определялось как объективными факторами (частеречная природа различных классов слов), так и субъективными (интерпретация материала). Благодаря этому лексикографы Уральской семантической школы получили взаимодополняющие варианты *категоризации мира*.

Остановимся на тех принципах идеографического описания русской лексики, которые лежат в основе словарей, созданных учеными УСШ:

1. Принцип *системности* определяет содержательно упорядоченное расположение лексики в идеографическом словаре. Данный принцип напрямую связан с проблемой репрезентации и категоризации мира, а также его интерпретации.

2. Принцип *структурной упорядоченности*. Данный принцип является важным, поскольку различные по объему и рангу лексико-семантические множества являются «основными структурными компонентами идеографического словаря и одновременно единицами его описания» [там же, с. 6].

3. Принцип *иерархичности* дополняет принцип упорядоченности.

4. Принцип *пересекаемости* обусловлен наличием в лексической системе многозначных слов, «а также отдельных семантически сложных лексических значений, не допускающих однозначной интерпретации» в идеографическом словаре [Бабенко, 2016, с. 6]. Данные слова отличаются сложной композиционной лексической семантикой, к ним, в первую очередь, относятся глаголы сложной полипропозитивной семантики.

5. Принцип *вариативности* обнаруживается в особенностях представления лексики внутри одной группы. «Для каждой группы выделяются базовые идентификаторы, выражающие основную

семантическую идею класса слов, и члены класса, более конкретные и содержательные по сравнению с ними и отличающиеся от последних набором дополнительных семантических признаков, варьирующих основную семантическую идею класса» [Бабенко, 2016, с. 14]. Данный принцип предопределяет начать описание любой взятой отдельно лексической группировки слов с выделения базовых идентификаторов и описания типовой семантики лексико-семантической группы слов.

6. Принцип *дополнительности* реализуется и в макроструктуре, и в микроструктуре идеографического словаря. Он способствует «полноте охвата денотативно-идеографических множеств» и «является основой многоаспектного представления отдельных фрагментов бытия благодаря семантическому комплексу денотативно-идеографических множеств, формируемому совокупностью категориальных и дифференциальных признаков лексических значений всех слов, входящих в одно множество» [там же, с. 15].

В статье «Эволюция идеографической интерпретации лексики в Уральской семантической школе» Л. Г. Бабенко утверждает: «Во всем <...> множестве созданных, создаваемых и концептуально разрабатываемых разновидностей идеографических словарей четко прослеживаются два направления: во-первых, это создание *словарей-тезаурусов списочного* типа и, во-вторых, создание *толковых идеографических словарей*» [Бабенко, 2014, с. 4]. Лексикографы УСШ составили четыре словаря-тезауруса списочного типа:

1. В 1989 году под руководством Э. В. Кузнецовой был издан словарь-справочник «Лексико-семантические группы русских глаголов» (Свердловск, 1989), предметом рассмотрения в котором стали тысяча русских глаголов в своих основных значениях. Этот труд «имел неоценимое значение как в плане теоретического осмысления системной организации русской глагольной лексики, так и в плане его практического использования в преподавании русского языка» [там же];

2. В 2007 году был издан «Словарь-тезаурус синонимов русской речи», в котором впервые в истории отечественной лексикографии «было осуществлено полное идеографическое описание всего множества русских синонимов (всего 8 000 синонимических рядов, включающих в свой состав 46 000 слов)» [Бабенко, 2014, с. 4].

3. В 2011 году был издан «Словарь-тезаурус русских прилагательных». Как отмечает Л. Г. Бабенко: «В нем впервые объектом глобального идеографического описания стал чрезвычайно сложный для систематизации в идеографическом аспекте класс русских прилагательных, семантика которых, особенно относительных прилагательных с учетом их развитой многозначности, долгое время не позволяла выявить их системную организацию в полном объеме» [там же]. Этот уникальный словарь лексикографы УСШ разработали, опираясь на специально выработанные для этого проекта принципы и процедуры идентификации прилагательных. Также стоит отметить, что в этом словаре впервые «словник был представлен не только перечислительно в алфавитном порядке, но и включал в минимальном объеме справочную информацию: в нем для каждого лексико-семантического варианта отдельного слова указывался номер группы, к которой он принадлежит, приводилось название этой группы, а также речения, репрезентирующие типичный контекст употребления различных значений прилагательных» [там же]. Это решение позволило лексикографам наглядно показать *регулярную многозначность русских прилагательных, а также пересекаемость их значений;*

4. В 2021 году был издан «Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики», составленный Л. Г. Бабенко. Этот лексикографический труд представляет собой словарь нового формата – авторский словарь-тезаурус списочного типа, который отражает «в лексикографических параметрах картину мира эмоций, воплощенную в лексике русского языка» [Бабенко, 2021, с. 14]. Особенность данного словаря проявляется в том, что «в нем представлена лексика одного семантического поля – поля эмоций

русского языка» [Бабенко, 2021, с. 14]. В «Алфавите эмоций» слова распределены по 39 группам и 291 подгруппе, в нем эмотивная лексика предстает в «системном освещении в зависимости от разновидностей отображаемых эмоций» [там же]. Главной особенностью этого словаря, по мнению Л. Г. Бабенко, является «систематизация эмотивной лексики по разным параметрам – денотативно-идеографическому, когнитивно-дискурсивному и функционально-семантическому» [там же]. Это обуславливает представление эмотивной лексики в словаре как «сложно организованной иерархической структуры, вершину таксономии которой составляют имена-репрезентанты основных групп, доминирующих базовые эмоции» [там же, с. 15].

К толково-идеографическим словарям, составленным лексикографами УСШ, следует отнести более десяти разноаспектных словарей. Например, «Большой толковый словарь русских существительных», «Большой толковый словарь русских глаголов», «Большой толковый словарь синонимов русской речи» и другие.

Итогом эволюционного развития концепции составления идеографических словарей Уральской семантической школы можно будет считать создаваемый в данный момент Универсальный идеографический словарь русского языка (далее – Синописис), появление которого станет, на наш взгляд, крупным событием в отечественной и мировой науке, так как в данном труде будет представлена уникальная, основанная на многолетнем опыте словарного дела идеографическая классификация, которая поможет иначе взглянуть на картину мира человека, говорящего на русском языке.

Как отмечает Л. Г. Бабенко: «В этом словаре было выделено 15 сфер на высшем уровне иерархии категорий и около 900 частных категорий на нижнем уровне иерархии, отображающих в совокупности *русскую языковую картину мира*» [Бабенко, 2014, с. 5].

Синописис, созданный на основе свода идеографических классификаций, представленных во всех словарях УСШ: глаголов,

существительных, прилагательных и др. Он представляет собой наиболее полный вариант лексической категоризации мира, выявленной экспериментальным способом в результате идентификации слов различной частеречной принадлежности. Синописис максимально приближен к миру действительности как глобальный полиаспектный и поличастеречный свод классификаций, способствующий адекватному и объективному описанию языковой картины мира с помощью точных экспериментальных лингвистических процедур.

Издание учеными УСШ идеографических словарей по отдельным частям речи, а также составление Синописиса как итога многолетней работы по структурированию русской языковой картины мира позволяют нам создать *концепцию авторского идеографического словаря языка поэта*, в основе которого лежит не произвольно составленная идеографическая классификация, а идеографическая сетка, объективно отражающая русскую языковую картину мира.

Для нашего исследования важны следующие теоретические положения, связанные с теорией и практикой идеографической лексикографии:

1. Прообразы современных идеографических словарей появились еще на донаучном этапе развития общества («Ономастикон» Ю. Поллукса, «Амаракоша» Амара Синха).

2. Уже в XIX веке была возможна типологизация авторских словарей: идеографические тезаурусы (работы П. М. Роже, Эли Блана и др.), словари, в которых лексика распределена в алфавитном порядке следования тематических доминант (работы П. Буассьера, Ф. Марча и др.), словари учебного характера (например, «Систематический словарь и французский разговорник» К. Плетца).

3. Идеографическая лексикография в отечественной науке прошла два этапа: от теоретического осмысления проблем идеографического описания лексики и создания первых списочных словарей до создания толково-идеографических словарей.

4. В основе авторского идеографического словаря языка О. Э. Мандельштама лежит классификация из «Универсального идеографического словаря», составленная учеными УСШ как итоговая, обобщающая опыт их работы над созданием идеографических словарей существительных, глаголов и прилагательных; эта идеографическая классификация является отражением русской языковой картины мира.

1.4. Изучение раннего творчества О. Э. Мандельштама в отечественной филологии

В данной работе нами предлагается концепция *авторского идеографического словаря языка поэта*, в качестве источника словарных материалов нами было избрано первое издание книги О. Э. Мандельштама «Камень». При создании подобного лексикографического труда исследователю необходимо учитывать достижения ученых-мандельштамоведов. Обратимся к исследованиям, посвященным раннему творчеству поэта.

Осип Эмильевич Мандельштам, безусловно, является одним из крупнейших поэтов XX века. В 1991 году в Лондоне при участии Исая Берлина и Иосифа Бродского была организована конференция «Столетие Мандельштама», название которой говорит само за себя. Творчество поэта долгое время было практически недоступно отечественному широкому читателю. Первое авторитетное издание стихотворений Мандельштама было напечатано лишь в 1973 году в большой серии «Библиотеки поэта». Однако стихи находили своего читателя и другим путем. По утверждению жены поэта Н. Я. Мандельштам: «Тиражи самиздата, в котором распространяются стихи Мандельштама <...> учесть нельзя, но похоже, что они несравненно превосходят тиражи любых стихотворных книг нашей молодости» [Мандельштам, 2014, с. 34].

Жизнь и литературное наследие О. Э. Мандельштама исследовались такими известными учеными, как Н. А. Струве, Г. П. Струве,

С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, А. Г. Мец, В. Ю. Успенский, М. Е. Пинский, Н. И. Харджиев, Л. Я. Гинзбург, Вяч. Вс. Иванов, Ю. М. Лотман, В. М. Жирмунский, А. К. Жолковский, Ю. И. Левин, Е. Эткинд, М. Эпштейн, Б. Янгфельдт и др. Кроме того, о поэзии О. Э. Мандельштама писали такие поэты и писатели, как А. Ахматова, Г. Адамович, В. Нарбут, Б. Пастернак, Г. Шенгели, А. Кушнер, О. Седакова, М. Амелин и многие другие. Также существует достаточно широкий круг публикаций мемуарного характера, среди которых выделяется трехкнижие вдовы поэта Н. Я. Мандельштам.

На наш взгляд, издание в двух томах «Мандельштамовской энциклопедии» (2017) доказывает, что мандельштамоведение дошло до того этапа, когда становится возможным всеобъемлющее исследование индивидуально-авторской картины мира О. Э. Мандельштама. Наше исследование является первым шагом в этом направлении.

Биография поэта описана достаточно полно. Стоит упомянуть как самые значимые, на наш взгляд, воспоминания-исследования жены поэта [Мандельштам, 2014] и жизнеописание, составленное О. Лекмановым, изданное в серии «ЖЗЛ», и, доработанное и расширенное позже, представленное отдельной книгой под названием «Осип Мандельштам: ворованный воздух» [Лекманов, 2016]. Также отметим работы, посвященные биографии поэта, которые были опубликованы в последние годы: две книги Г. Морева «Поэт и царь: из истории русской культурной мифологии (Мандельштам, Пастернак, Бродский)» (2020) и «Осип Мандельштам: фрагменты литературной биографии» (2022), а также четвертое издание фундаментального труда «Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама» (2022 год).

Творчество поэта исследовано и описано многими отечественными и зарубежными филологами. Издано большое количество монографий и коллективных сборников (например, первый в стране коллективный труд, изданный в Воронеже в 1990 году, под названием «Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: воспоминания, материалы к биографии, «новые стихи»,

комментарии, исследования» до сих пор остается важным источником для мандельштамоведов). Многие ученые исследовали поэтику стихотворений О. Э. Мандельштама, приведем некоторые из их работ: «Поэтика Осипа Мандельштама» О. Ронена, монография Н. Струве «Осип Мандельштам», в которой исследователь пишет не только о биографии, но и о поэтике, «Работы о языке и поэтике Осипа Мандельштама» Ф. Б. Успенского, «О ранних стихах О. Мандельштама» Д. В. Фролова и многие другие. Однако при большом количестве работ, посвященных поэтике стихотворений, индивидуально-авторская картина мира О. Э. Мандельштама, на наш взгляд, остается малоизученной.

1.4.1. Три издания книги «Камень»: 1913, 1916 и 1923 годы

Дебютная книга О. Э. Мандельштама «Камень» претерпела три издания. В конце марта 1913 года было опубликовано первое [Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама, 2022, с. 58]. Как вспоминал брат поэта: «Это была тоненькая книжечка с двадцатью тремя стихотворениями, написанными с 1909 по 1913 год. <...> Тираж всего 600 экземпляров» [там же]. Как отмечает Д. В. Фролов, порядок расположения стихотворений в этой книге определялся хронологией их написания и публикации в журналах «Аполлон» и «Гиперборей», а также смысловыми связями между ними [Фролов, 2009, с. 151].

Мы полностью разделяем точку зрения Д. В. Фролова на то, что первая книга О. Э. Мандельштама – «это не свод всех опубликованных (и неопубликованных) стихов, а выборка, причем с очень строгими критериями отбора» [Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама, 2022, с. 155]. Изданию дебютного сборника предшествовала публикация 25 стихотворений в разных журналах, из этих текстов автор выбрал для книги только 15. Всего к моменту публикации поэт написал 127 стихотворений [там же], т. е. в дебютном сборнике было опубликовано менее 20 процентов от всего написанного О. Э. Мандельштамом к моменту публикации книги.

В конце декабря 1915 года выходит второе издание «Камня» (в самой книге годом издания указан 1916), тираж – 1000 экземпляров. О. Э. Мандельштам включил в него уже 67 стихотворений. Из 23 стихотворений, составляющих первое издание, автор не взял в состав второй книги только стихотворение «Змей». Д. В. Фролов отмечает “строго хронологический” порядок расположения стихотворений в книге, однако тексты, написанные в один и тот же год, могли идти не в хронологической последовательности [Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама, 2022, с. 175]. На наш взгляд, важно заострить внимание на структуре второго издания, которая «осталась <...> той же, что и в первом “Камне” – двухчастной, с отчетливо выделяемым центром» [там же, с. 177–178]. Т. е., публикуя второе издание «Камня», О. Э. Мандельштам не переосмыслил изначальную структуру книги, а развивал ее, добавляя новые стихотворения.

В конце июля 1923 года [там же, с. 239] вышло третье издание «Камня», тираж – 3000 экземпляров. В третье издание были включены 76 текстов, поэт не стал публиковать 7 стихотворений из второго издания: «Из полутемной залы вдруг...», «Душный сумрак кроет ложе...», «Паденье – неизменный спутник страха...», «Царское село», «Поговорим о Риме – дивный град...», «Encyclica» и «И поныне на Афоне...». Отметим, что из этих семи текстов только стихотворение «Царское село» входило в первое издание «Камня», остальные – во второе. Комментаторы двухтомного собрания сочинений О. Э. Мандельштама утверждают: «Царское село» не вошло в третье издание из-за отказа редакции, а не по воле поэта [Мандельштам, 1990, с. 451].

Подытожим: О. Э. Мандельштам при публикации второго и третьего изданий книги «Камень» убрал два стихотворения, которые входили в состав первого издания. Стихотворение «Змей» было убрано при публикации второго издания (о мотивах этого решения исследователи могут лишь выдвигать свои предположения), второе стихотворение – «Царское село» – было убрано по требованию редакции при печати третьего издания. На наш

взгляд, тот факт, что 21 стихотворение из 23, вошедших в дебютный сборник, попали в итоговое третье издание, свидетельствует о том, что в стихотворениях, составляющих дебютный сборник поэта, уже начала формироваться ИАКМ молодого автора. Последующие издания «расширяли», «усложняли» поэтический мир О. Э. Мандельштама, но не переиначивали его. С. Городецкий, поэт-акмеист, писал в рецензии на первое издание дебютной книги: «Поэт “Камня” поистине кладет прочный камень в угол создаваемого им мира» [Мандельштам, 1990, с. 447]. Мы полностью разделяем эту точку зрения и считаем, что первое издание книги «Камень» – это не проба пера юного поэта, но сложно сконструированное произведение искусства, отражающее индивидуально-авторскую картину мира О. Э. Мандельштама.

1.4.2. Особенности творческого метода О. Э. Мандельштама в поэзии раннего периода: борьба символизма и акмеизма

Некоторые исследователи идут путем деления творчества О. Э. Мандельштама на три части, каждая из которых уникальна с точки зрения поэтики. Традиционно выделяются период «Камня» 1908–1912, период «Tristia» и стихотворений 1921–1925, период стихотворений 1930-х и «Воронежских тетрадей» (например, такую классификацию дает Л. Я. Гинзбург [Мандельштам, 1990, с. 264]). Н. А. Струве различает шесть периодов:

1. Запоздалый символист: 1908–1911.
2. Воинствующий акмеист: 1912–1915.
3. Акмеист глубинный: 1916–1921.
4. На распутье: 1922–1925.
5. На возврате дыхания: 1930–1934.
6. Воронежские тетради: 1935–1937 [Струве, 1988, с. 179].

Для нашего исследования важны два первых периода, выделяемые Н. А. Струве, – *запоздалый символист* (1908–1911) и *воинствующий акмеист* (1912–1915), именно в это время создавалась книга «Камень».

Стихотворения 1908–1911 годов, включенные поэтом в его первую книгу, Л. Я. Гинзбург определяет как «стихи ученика символистов», но при этом утверждает, что Мандельштам преодолевает «потусторонность» и философию символистов; исследователь определяет эти стихотворения как произведения «о мире туманном и ненастоящем» [Мандельштам, 1990, с. 261]. Если для представителей символизма предмет был лишь иносказанием, за которым стояло нечто отвлеченное, то «у Мандельштама же вещь остается вещью». Поэт разрабатывает «безмерное ассоциативное расширение» слова [там же, с. 268]. Преодоление эстетики и философии символизма поэт видел в отказе от «зыбкого субъективизма» [там же, с. 273].

Т. Н. Бреева пишет о ранних стихотворениях О. Э. Мандельштама: «Медитативность, намеренная недосказанность, фрагментарность (подчеркнутые иногда синтаксически – многоточием в конце) <...> являются несомненно символическими особенностями» [Бреева, 2018, с. 11]. Эти стихотворения выделяются на фоне остальных «ослабленным сюжетом и нарочитой смысловой неясностью» [там же]. Однако исследователь находит в «Камне» и другую тенденцию: «<...> в сборнике достаточно примеров противоположной тенденции: синтаксической простоты, единообразия» [Бреева, 2018, с. 11]. Таким образом, «Камень» представляется ученому сложной книгой с точки зрения этико-эстетических установок. С одной стороны, в сборнике присутствует «присущий символизму мотив зыбкости границ между искусством и жизнью, установка на теургию», с другой – «акмеистический принцип признания существования и существующего превыше всего» [там же]. Одну из главных оппозиций книги ученый видит в противопоставлении «безликой вечности и хрупкости сиюминутного бытия» [там же, с. 28]. В своих рассуждениях о книге «Камень» Т. Н. Бреева приходит к следующему заключению: «<...> в картине мира “Камня” материальное оказывается глубоко родственно духовному. И то и другое составляют рукотворную реальность, культурное пространство, преодолевающее пустоту небытия» [Бреева, 2018, с. 50].

Н. А. Струве отмечает связь ранней поэзии О. Э. Мандельштама с творчеством Ф. И. Тютчева, который был «одновременно и притягательным и отталкивающим полюсом» [Струве, 1988, с. 186]. Т. Н. Бреева подтверждает эту мысль: «Тютчевский пласт играет одну из ведущих ролей в раскрытии мандельштамовской картины мира в сборнике “Камень”» [Бреева, 2018, с. 17]. С одной стороны, в некоторых стихотворениях поэта мы можем увидеть даже прямые цитаты из поэта-предшественника, с другой стороны, видна попытка преодоления суровости мира, в котором человек значит так мало [подробнее см. Струве, 1988, с. 187]. Мандельштам видит в «пассивном выжидании» Верлена ту позицию, которая позволит преодолеть «космическое чувство» Тютчева [там же, с. 188]. «Метафизическая онтология Тютчева деградирует до чистого ощущения», – замечает исследователь. Именно благодаря восприятию творчества Верлена в поэзии Мандельштама появляется чувство неуверенности («<...> Неужели я настоящий, / И действительно смерть придет?») [там же]. Однако пассивная позиция Верлена преодолевается поэтом обращением к архитектуре, к «духу строительства». Для стихотворца слово служит таким же материалом, как и камень для архитектора [там же, с. 195]. Из убежденности в этом и появилось название первого сборника «Камень», которое заменило изначальный вариант – «Раковина».

Л. Г. Кихней, рассуждая о поэтической семантике Осипа Мандельштама, отмечает: «Мандельштам, отталкиваясь от символистской туманной многосмысленности, обновляет поэтическую речь за счет преодоления “тяжести недоброй” будничного слова» [Кихней, 2016, с. 52]. По мнению ученого, преобразование «бытового слова в поэтическое происходит за счет изменения роли контекста, который, по сути дела, становится организующим фактором в стихотворении» [там же]. Ученый развивает эту мысль следующим образом: «Именно за счет особого рода структурирования материала происходит контекстное наращивание смысловой энергии слова в стихе, строфе и стихотворении. По сути дела,

речь идет не о преодолении сопротивления материала, а об умении использовать новые принципы сочетаемости слов» [Кихней, 2016, с. 54]. Поэт высвобождает имплицитные смыслы слова «с помощью новых (нетривиальных) контекстуальных сочетаний» [там же]. Именно поэтому в нашем исследовании мы обращаем особое внимание на изменение семантики слова за счет его контекстных партнеров.

Как отмечает О. Н. Скляр: «В некоторых новейших исследованиях (Н. Дзугева, В. Мусатов, Й. Ужаревич, С. Бройтман и другие) Мандельштам значится в ряду зачинателей и основных идеологов *постсимволизма*» [Скляр, 2005, с. 38]. По мнению исследователя, рассматривать поэзию О. Э. Мандельштама в рамках акмеизма является методологически устаревшим приемом. С. Голдберг, американский славист, рассуждая о борьбе в поэтике О. Э. Мандельштама двух литературных направлений – символизма и акмеизма пишет: «Поэзия Мандельштама 1912 года <...> представляет собой процесс длительного и неуловимого “преодоления”». Это важное, на наш взгляд, уточнение классического определения – «преодолевшие символизм» – В. М. Жирмунского [Голдберг, 2020, с. 77].

Для нашего исследования важны следующие теоретические положения, связанные с мандельштамоведением:

1. Исследование жизни и творчества О. Э. Мандельштама в отечественной и мировой науке дошло до такого этапа, что стало возможно создание «Мандельштамовской энциклопедии» – фундаментального труда, обобщающего знания, накопленные исследователями за многие годы трудов (начиная от критических статей 1910-х годов и заканчивая современными работами).

2. Для нас издание «Мандельштамовской энциклопедии» является доказательством того, что объектом для филологической науки теперь должны быть не частные проблемы поэтики Мандельштама или его отдельные тексты, а его индивидуально-авторская картина мира.

3. Книга «Камень» претерпела три издания, каждое последующее содержало в своем составе больше стихотворений: 1913 год (23 стихотворения), 1916 год (67 стихотворений) и 1923 год (76 стихотворений).

4. Исследователи единодушно выделяют время, когда были написаны стихотворения, включенные в книгу «Камень», как отдельный этап творчества О. Э. Мандельштама, значительно отличающийся от периода, в который были написаны стихотворения из следующей книги «Tristia».

5. В первом издании книги «Камень» отразилась борьба двух литературных направлений начала XX столетия – символизма и акмеизма; во время написания дебютной книги О. Э. Мандельштам видел своей творческой задачей утверждение нового литературного направления – *акмеизма*.

Выводы по первой главе исследования

1. *Картина мира* является фундаментальным понятием, которое отражает специфику отношений человека с окружающей действительностью. Впервые оно было введено в научный оборот физиком Г. Герцем, однако уже многие десятилетия этим термином оперируют не только в технических, но и гуманитарных науках. Существуют различные классификации картин мира (например, по субъекту, по объекту и по способам языковой репрезентации), в рамках нашего исследования мы обратимся к таким ее разновидностям, как индивидуальная, глобальная (а также к ряду локальных), наивная и литературная картина мира. Л. Г. Маслова в работе «“Мир”, “пространство”, “время” в поэзии Осипа Мандельштама» уже описывала отдельные фрагменты поэтической картины мира стихотворца (категории «мир», «пространство» и «время»), однако в рамках нашего исследования мы предлагаем описание не отдельных категорий, входящих в поэтическую картину мира О. Э. Мандельштама, а его глобальной картины мира.

2. Отечественная авторская лексикография зародилась еще в XIX веке и активно развивается по сей день. Историю ее развития можно разделить на три этапа: первый – появление первых авторских словарей (*неполный конкорданс* (Я. К. Грот, К. П. Петров, В. А. Водарский) и *полный алфавитно-частотный словарь индекс* (В. Н. Куницкий); второй – создание словарей нового типа, главное место среди которых занимает *толковый словарь* («Словарь комедии «Горе от ума» В. Ф. Чистякова, «Проект словаря языка Пушкина» Г. О. Винокура, «Словарь М. Горького» Б. А. Ларина и др.); третий этап характеризуется разработкой *новых типов и видов авторских словарей* (самыми масштабными, на наш взгляд, являются проекты создания словаря языка Ф. М. Достоевского и «Словаря языка поэзии XX века»). Исходя из типологии авторских словарей Ю. Н. Караулова, авторский идеографический словарь языка поэта относится к словарям, содержащим лексико-грамматическую информацию о языковых единицах, употребленных в текстах писателя/поэта, а также к типу авторских словарей, в которых фиксируется индивидуально-авторская картина мира.

3. Прообразы современных идеографических словарей появились еще на донаучном этапе, а уже в XIX веке была возможна типологизация авторских словарей: идеографические тезаурусы (работы П. М. Роже, Э. Блана и др.), словари, в которых лексика распределена в алфавитном порядке следования тематических доминант (работы П. Буассьера, Ф. Марча и др.), словари учебного характера (например, «Систематический словарь и французский разговорник» К. Плетца). В отечественной науке идеографическая лексикография прошла путь от теоретического осмысления проблем идеографического описания лексики и создания первых списочных словарей (труды В. В. Морковкина, Ю. Н. Караулова и др.) до создания толково-идеографических словарей (труды по руководством Л. Г. Бабенко и Н. Ю. Шведовой). В основе авторского идеографического словаря языка О. Э. Мандельштама лежит классификация из «Универсального идеографического словаря», составленная учеными УСШ как итоговая,

обобщающая опыт их работы над созданием идеографических словарей существительных, глаголов и прилагательных.

4. Издание в 2017 «Мандельштамовской энциклопедии» явилось итогом многолетних исследований жизни и творчества О. Э. Мандельштама в отечественной и мировой науке. Публикация этого фундаментального труда утверждает нас в мысли о том, что теперь возможно всеохватное исследование индивидуально-авторской картины мира поэта, а не частных проблем его поэтики или интерпретации отдельных текстов. Книга «Камень» претерпела три издания (1913, 1916 и 1923), в рамках нашего исследования мы обратимся к первому, в котором «запечатлена борьба» двух литературных направлений того времени – символизма и акмеизма.

Глава 2. Индивидуально-авторская картина мира О. Э. Мандельштама, репрезентированная в первом издании книги «Камень»

Цель данной главы заключается в выявлении и интерпретации индивидуально-авторской картины мира О. Э. Мандельштама, репрезентированной в первом издании книги «Камень» (1913 г.). Достижение этой цели требует поэтапного решения следующих задач:

1. Описание *метода поэтической идеографии*.
2. Применение метода поэтической идеографии для анализа стихотворений, составляющих первое издание книги «Камень».
3. Выявление и интерпретация *индивидуально-авторской картины мира О. Э. Мандельштама* на основе результатов, полученных после поэтико-идеографического анализа лексики, функционирующей в дебютном сборнике поэта.

2.1. Метод поэтической идеографии

Антропоцентризм современной лингвистики, а также обращение ученых к изучению целостного текста обусловили важность исследования его концептуального уровня. Впервые этот уровень был выявлен И. Р. Гальпериным, который разделил виды информации текста на три типа: содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную, а также содержательно-подтекстовую [Гальперин, 1981, с. 28]. По мнению ученого, содержательно-концептуальная информация «сообщает читателю индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами содержательно-фактуальной информации» [там же]. Соглашаясь с И. Р. Гальпериным и развивая его мысли, Л. Г. Бабенко отмечает, что «авторское сознание не слепо копирует с помощью языковых средств реальный мир, а выделяет в нем значимые для него (творческого субъекта) события, свойства, качества и пр., своеобразно комбинируя их и создавая индивидуальную модель действительности» [Бабенко, 2003, с. 85]. Исходя из этого утверждения, мы делаем вывод, что картина мира

определенного автора представляет собой *авторский вариант глобальной языковой картины мира*.

В рамках данного исследования мы будем оперировать традиционным термином *индивидуально-авторская картина мира*, однако отметим, что в центре нашего внимания будет индивидуально-авторская *поэтическая картина мира*, поскольку материалом работы стали стихотворные тексты О. Э. Мандельштама, а его проза, эссе, рецензии, письма и т. д. нами не рассматриваются.

Для исследования ИАКМ О. Э. Мандельштама, репрезентированной в первом издании книги «Камень», нами будет использован метод поэтической идеографии. Поэтическая идеография – «метод наиболее полного и эффективного описания лексических смыслов и их комплексов одного или нескольких стихотворений» [Казарин, 2004, с. 360]. В основе данного метода, по замечанию Ю. В. Казарина, «лежит исследование и описание смысловой парадигматики лексики на глубинном уровне лексической смысловой структуры стихотворения», целью данного метода ученый видит «анализ и установление центральных глубинных смыслов, исследование смысловой плотности лексического пространства поэтического текста» [там же]. При этом следует уточнить и добавить, что поэтическая идеография одновременно осмысливается нами и как *метод исследования*, включающий различные частные методики выявления денотативно-идеографических и когнитивно-дискурсивных лексических множеств, и как *его итог*. Результат подобного анализа представляет собой выявленную и системно организованную лексику анализируемых стихотворений, отображающую и интерпретирующую внешний и внутренний миры поэта и тем самым выражающую авторские представления о нем, что, соответственно, является основой структурирования и формирования ИАКМ; метод ПИ дает возможность *структурировать* и *интерпретировать* ИАКМ.

Метод ПИ опирается прежде всего на общую теорию идеографической лексикографии, представленную в трудах крупнейших российских

лингвистов (см.: Л. М. Васильев, Ю. Н. Караулов, В. В. Морковкин, Э. В. Кузнецова, Н. Ю. Шведова и др.), а также на концепцию идеографических словарей, разработанную Л. Г. Бабенко и реализованную авторским коллективом ученых-лексикографов УСП в серии созданных идеографических словарей: русских глаголов (1999, 2007), существительных (2005), прилагательных (2011, 2012, 2016), синонимов (2007, 2008, 2011, 2017), антонимов (2021), глагольных предложений (2004, 2016), концептов (2010, 2017). Кроме того, этот подход учитывает и достижения в области традиционной авторской лексикографии, принципы которой глубоко и многоаспектно описаны в работах Л. Л. Шестаковой [Шестакова, 2011].

Обратившись к изучению ИАКМ О. Э. Мандельштама, воплощенной в сборнике стихотворений «Камень», мы условно-гипотетически разграничили две основные ее разновидности: во-первых, *целостную картину* внешнего и внутреннего мира, воплощенную во всем сборнике поэта и репрезентированную всей совокупностью лексем; мы обозначили ее как *глобальную* ИАКМ. Во-вторых, фрагменты внешнего и внутреннего мира поэта, зафиксированные в каждом отдельном стихотворении, мы именовали как *локальные* ИАКМ, в составе которых имеются в качестве составных компонентов микрокомплексы, отображающие различные аспекты протекания ситуаций в рамках поэтических фраз. Т. е. глобальная ИАКМ включает в себя ряд локальных ИАКМ, репрезентированных в отдельных поэтических текстах (далее – ПТ) исследуемой книги, а локальные ИАКМ в свою очередь включают в себя ситуативные микрокомплексы в рамках строф, отдельных фраз и т. д.

В связи с подобным трехуровневым представлением структуры ИАКМ, цель ее выявления распадается на три задачи:

- 1) выявление глобальной ИАКМ на основе анализа полного словника сборника стихотворений О. Э. Мандельштама «Камень»;
- 2) выявление локальных фрагментов внешнего и внутреннего мира поэта, зафиксированных в каждом отдельном стихотворении сборника;

3) выявление ситуативных микрокомплексов в рамках отдельных ПТ.

При денотативно-идеографической классификации лексики, выявленной из стихотворений О. Э. Мандельштама, мы опираемся на Синописис [Бабенко, 2014], созданный на основе свода идеографических классификаций, представленных во всех словарях УСШ: глаголов, существительных, прилагательных и др. (см. подробнее об этом словаре в теоретической главе исследования). В настоящее время Синописис как глобальный свод идеографических классификаций является для нас основным ориентиром и образцом, той семантической картой, на которую мы ориентируемся при категоризации и систематизации лексики общего идиостилевого лексико-семантического пространства стихотворений сборника О. Э. Мандельштама «Камень».

В рамках второй главы данного исследования мы обратимся к первой задаче – выявлению глобальной ИАКМ на основе анализа полного словника сборника стихотворений О. Э. Мандельштама «Камень». В третьей главе нашего исследования представлен опыт описания локальных фрагментов внешнего и внутреннего мира поэта, зафиксированных в стихотворениях «Дыхание», «Нет, не луна, а светлый циферблат...» и «Notre Dame».

2.2. Глобальная индивидуально-авторская картина мира О. Э. Мандельштама, репрезентированная в первом издании книги «Камень»

Для идеографического исследования лексики в поэтическом тексте и последующего выявления и интерпретации индивидуально-авторской картины мира О. Э. Мандельштама нами был разработан следующий алгоритм:

1. Выявление методом сплошной выборки лексем, функционирующих в поэтическом тексте.
2. Определение словарного значения лексем.
3. Определение контекстуального значения лексем.

4. Отнесение лексемы к идеографической сфере, группе и подгруппе с опорой на Синописис, а также на ряд идеографических словарей УСШ: «БТС русских существительных», «БТС русских глаголов» и «Словарь-тезаурус русских прилагательных».

Представим для иллюстрации метода ПИ анализ лексемы *луна* из стихотворения «Нет, не луна, а светлый циферблат...». Это существительное в исследуемом ПТ реализует основное словарное значение: «1. *Небесное тело, являющееся естественным спутником Земли, светящееся отражённым светом Солнца*». При этом значение слова в поэтической фразе расширяется, обогащается за счет наведенных контекстом сем, актуализирующих признаки постоянности как самого источника света, так и самого процесса его излучения, а также неизменности временной длительности, вечности (в этом стихотворении О. Э. Мандельштам противопоставляет «вечную луну» символизма «светлому циферблату» акмеизма). В результате существительное *луна* в данном контексте, сохраняя основное, развивает ассоциативно-образное значение ночного светила как символа вечности. Вследствие контекстуальной двуденотативности лексема *луна* относится к двум денотативным сферам: она входит и в сферу «Неживая природа», группу «Небесное пространство и небесные тела», а также в сферу «Восприятие окружающего мира», подгруппа «Время».

Идеографическая классификация, на которую мы опираемся в данной работе, представлена в Синописисе, опубликованном в 2015 году. Как отмечает Л. Г. Бабенко: «Синописис – итог идеографической классификации слов различной частеречной принадлежности» [УИСРЯ, 2015, с. 8].

В Синописисе на высшем уровне иерархии выявлено 15 денотативных сфер:

1. «Неживая природа».
2. «Вещества и материалы».
3. «Живая природа».
4. «Человек как живое существо».

5. «Населенный пункт».
6. «Нации».
7. «Родственные и семейные отношения».
8. «Человек и его внутренний мир».
9. «Язык и речь».
10. «Сверхъестественное».
11. «Общественно-государственная сфера».
12. «Конкретная физическая деятельность».
13. «Социальная сфера жизни человека».
14. «Восприятие окружающего мира».
15. «Универсальные представления, смыслы и отношения».

Отметим, что порядок представления сфер неслучаен, еще в предисловии к БТСРС Л. Г. Бабенко отмечала: «Самой сложной и важной является проблема системного представления общих денотативных сфер, их взаиморасположения. <...> В данном словаре осуществлена попытка формирования его структуры на основании *антропологического подхода* (курсив наш – В. Г.), учитывающего процесс освоения, осознания и ословаривания человеком окружающей действительности» [БТСРС, 2005, с. 17]. Этот же подход ученые УСШ применили и при составлении классификации, представленной в Синописе.

Денотативные сферы – это базовые категории словаря, которые, «в свою очередь, состоят из денотативных *классов*, денотативно-идеографических *групп* и *подгрупп*» (курсив наш – В. Г.) [УИСРЯ, 2015, с. 9]. Т. е. в Синописе денотативный *сферы* включают в себя различные *классы*, последние в свою очередь состоят из денотативно-идеографических *групп* (далее – ДИГ) и *подгрупп*. Схематически это можно представить так: денотативная сфера → денотативный класс → ДИГ → денотативно-идеографическая подгруппа.

Анализ, описание и интерпретация наполнения денотативных сфер, классов и ДИГ в идеографическом авторском словаре языка

О. Э. Мандельштама на материале первого издания книги «Камень» производились по следующему алгоритму:

1. Указание в анализируемой сфере самых частотных классов, групп и подгрупп.
2. Указание тех классов или групп, лексика которых не представлена в ПТ первого издания «Камня».
3. Указание частотной лексики для анализируемой идеографической сферы.
4. Общая денотативно-идеографическая интерпретация анализируемой сферы с учетом авторской категоризации мира.

В ИАКМ, репрезентированной в первом издании книги О. Э. Мандельштама «Камень», представлены следующие денотативные сферы, перечислим их в порядке убывания количества составляющих их лексем (перед скобками указано количество лексем, в скобках – количество словоупотреблений):

1. «Восприятие окружающего мира» – 242 (342).
2. «Человек и его внутренний мир» – 203 (230).
3. «Универсальные представления, смыслы и отношения» – 165 (389).
4. «Общественно-государственная сфера» – 164 (199).
5. «Неживая природа» – 84 (118).
6. «Человек как живое существо» – 79 (148).
7. «Конкретная физическая деятельность» – 65 (72).
8. «Живая природа» – 33 (42).
9. «Язык и речь» – 26 (35).
10. «Вещества и материалы» – 17 (19).
11. «Социальная сфера жизни человека» – 16 (17).
12. «Нации» – 6 (9).
13. «Населенный пункт» – 6 (8).
14. «Сверхъестественное» – 5.
15. «Родственные и семейные отношения» – 1.

Отметим, что нами было принято решение структурировать ИАКМ, исходя из количества лексем, а не словоупотреблений, однако если бы мы структурировали с опорой на количество последних, то результат был бы тот же, кроме положения сфер «Универсальные представления, смыслы и отношения» и «Человек как живое существо». В первой представлено множество служебных частей речи (предлогов, союзов, частиц), которые, безусловно, концептуально важны для анализа ПТ и ИАКМ, однако, на наш взгляд, уступают по значимости самостоятельным частям речи. В сфере «Человек как живое существо» 48 раз встречается личное местоимение *я*, используемое лирическим героем для называния себя. Именно за счет большого количества употреблений этого местоимения в сфере «Человек как живое существо» больше словоупотреблений, чем в сфере «Неживая природа». Однако, по нашему мнению, это не делает последнюю менее значимой для ИАКМ О. Э. Мандельштама.

Идеографический анализ лексики, функционирующей в 23 стихотворениях первого издания поэтической книги О. Э. Мандельштама «Камень», а также статистический анализ указанных единиц позволяют выявить определенные сферы лексики доминирующего и сопутствующего характера. Если представить ИАКМ поэта в виде поля, то в **ядре** этого поля будет представлена идеографическая сфера «**Восприятие окружающего мира**», она значительно опережает остальные по количеству словоупотреблений, всего в ней представлено 242 лексемы (342 словоупотребления). В *приядерной* зоне представлены лексемы, относящиеся к идеографическим сферам «**Человек и его внутренний мир**» (203/230), «**Универсальные представления, смыслы и отношения**» (165/389) и «**Общественно-государственная сфера**» (164/199). В *ближайшей периферии* представлены следующие идеографические сферы: «**Неживая природа**» (84/118), «**Человек как живое существо**» (79/148) и «**Конкретная физическая деятельность**» (65/72). В *дальнейшей периферии* представлены идеографические сферы «**Живая природа**» (33/42), «**Язык и**

речь» (26/35), «Вещества и материалы» (17/19), «Социальная сфера жизни человека» (16/17), «Нации» (6/9), «Населенный пункт» (6/8), «Сверхъестественное» (5) и «Родственные и семейные отношения» (1).

Ядро: «Восприятие окружающего мира»

В ядре представлена идеографическая сфера «**Восприятие окружающего мира**», она значительно опережает остальные по количеству лексем, всего в ней представлено 242 лексем (342). Эта сфера состоит из классов (представим их в порядке убывания количества лексем): «Время» (58/74), «Акустическое восприятие» (48/56), «Пространство» (40/102), «Восприятие предмета» (37/42), «Зрительное восприятие» (36/40), «Количество, мера» (11/13), «Осязательное восприятие» (7/8), «Обонятельное восприятие» (3). Обратим внимание, что только один класс – «Вкусовое восприятие» – не представлен ни одной лексемой в первом издании книги «Камень».

К классу «**Время**» относятся 58 лексем (74), самой наполненной является ДИГ «Время относительно момента речи» – 17 лексем (21: *век, выцвести, перен., давний, еще, когда* (4), *когда-нибудь, мгновение, накануне, недавний, некогда, пора, с, сегодня, уже, старинный* (2), *теперь, уже*). Далее представлена ДИГ «Периодизация» (15/22: *вечереть, воскресенье, день* (4), *зима, зимовать, лето, ночь* (2), *осенний* (3), *май, полдень, полуночный, праздничный, субботний, сумерки, утро* (2). Остальные ДИГ перечислим в порядке убывания количества лексем: «Оценка факта, события, явления относительно времени» (12/13: *быстроживущий, век, внезапно, долго, ленивый, лететь, перен., медленно, мелькать, перен.* (2), *нередко, опять, подчас, часто*), «Время по отношению к какому-либо процессу, действию» (9: *года Юстиниана, догорать, перен., наступать, очевидец, пора, приходит, глухой, перен, срок, черед*), «Промежуток времени и единицы измерения времени» (4/8: *вечность* (2), *миг* (2), *мгновенный, час* (3), «Счет времени» (1: *циферблат*).

Частотными для класса «Время» оказались лексемы *день* (4), *когда* (4), *осенний* (3), *вечность* (2), *мелькать*, перен. (2), *миг* (2), *ночь* (2), *старинный* (2), *утро* (2), *час* (2).

Темпоральная картина мира в ПТ первого издания книги «Камень» О. Э. Мандельштама характеризуется однообразием описываемых времен года, лирические сюжеты в сборнике в основном развиваются осенью и зимой (*осенний* (3), *зима* и *зимовать*). Стихотворение «Змей» начинается со стиха «*Осенний сумрак – ржавое железо...*», а ПТ «Золотой» – «*Целый день сырой осенний воздух...*». И если в первом ПТ «осенний сумрак» является маркером символистского хронотопа, то во втором, скорее, поэт иронически переосмысляет символистский хронотоп: лирический герой стихотворения «Золотой» просит «разменять золотой» (ср. устойчивое выражение «зарыть талант в землю», в котором изначально «талант» обозначал древнеримскую монету; в рецензии «Андрей Белый. Записки чудака» О. Э. Мандельштам писал: «Русский символизм так много и громко кричал о несказанном», что это “несказанное” пошло по рукам, как бумажные деньги» [Мандельштам, 1991, с. 293]).

Лето названо лишь в рамках развернутой метафоры «Она испытывает *лето*, // Как бы не тронута зимой...»; лексема весна в ПТ первого издания книги «Камень» не встречается, однако в ПТ «Невыразимая печаль» представлено единственное во всей книге название месяца: «Немного красного вина, немного солнечного *мая...*» В некоторых стихотворениях определить время года, когда разворачивается лирический сюжет, затруднительно (например, в стихотворениях «Дыхание», «Silentium», «Раковина» и ряде других), в основном это ПТ, которые относятся к философской лирике, в них действие происходит *вне времени*.

Лирические сюжеты в первом издании книги «Камень» разворачиваются как при свете солнца (*день* (4), *утро* (2), *полдень*), так и после его захода (*ночь* (2), *вечереть*, *полуночный*, *сумерки*).

Значимой оппозицией для темпоральной картины мира О. Э. Мандельштама, репрезентированной в его дебютном сборнике, является противопоставление текущего момента (*миг* (2), *мгновенный* (2), *мгновение*) и *вечности* (2). Эта оппозиция ярко проявлена в концептуально важном ПТ «Нет, не луна, а светлый циферблат...»: «Который час, его спросили здесь – // а он ответил любопытным: “вечность!”» В этом ПТ поэт Батюшков, уже пораженный душевным недугом, отрицает существование времени. По мысли О. Э. Мандельштама, символисткой вечности нужно противопоставить «точное время» акмеизма («Который час, его спросили здесь?»), т. е. оппозиция *вечность* – *миг* репрезентирует противопоставление символизма и акмеизма в «Камне». Пытаясь найти свое место в истории, в культуре, лирический герой ранних стихов О. Э. Мандельштама сталкивает текущий момент времени с вечностью. Неслучайно в стихотворении «Дыхание», которое «открывает» первую книгу поэта, по *стеклам вечности* стекает *мусть мгновения*, пытаясь уничтожить узор, который поэт оставил своим дыханием. Можно констатировать, что О. Э. Мандельштам хотел, чтобы его ПТ воспевали как вечность, так и то время, когда они были написаны.

Время в ПТ, входящих в первое издание «Камня», – разом данное (в терминологии Ю. С. Степанова), исключение составляет стихотворение «Золотой», в котором представлено линейное время.

К классу «**Акустическое восприятие**» относятся 48 лексем (56), самой наполненной в этом классе является ДИГ «Звуки, их разновидности и источник» (25/29: *визг, выстрел, грянуть, донести, перен., звон, звонить, колокол, крик* (2), *музыка* (2), *нота, пенье, перезвон, петь* (4), *раскаты, рыдание, свист, сигнал, сирена, скрипеть, смутно-дышащий, перен., стон, стучать, хор, шелестеть, шепот*). Далее по количеству лексем идут ДИГ «Характеристика звука» (13: *бить, перен., бормотать, визг, глухо, грянуть, перен., гулкий, зашуметь, кристаллический, перен., медь, перен., стон, темный, перен., чистый, яростный, перен.*), ДИГ «Отсутствие звуков» (5/7:

немой, спать, перен., тишина (3), умереть, перен., умолкнуть), ДИГ «Процесс акустического восприятия» (4/5: *слушать (2), слышать, достигать, слух*).

Частотными лексемами для класса «Акустическое восприятие» стали *петь (4), тишина (3), крик (2), музыка (2) и слышать (2)*.

Попадание идеографического класса «Акустическое восприятие» в ядро ИАКМ О. Э. Мандельштама подтверждает тот факт, что для поэта чрезвычайно важно было звучание стиха: «У меня нет рукописей, нет записных книжек, нет архива. У меня нет почерка, потому что я никогда не пишу. Я один в России **работаю с голоса** (полужирное выделение – наше, В. Г.), а кругом густопсовая сволочь пишет» [Мандельштам, 1990, с. 92], – так О. Э. Мандельштам писал в «Четвертой прозе», отстаивая необходимость не только интеллектуального, но и акустического (музыкального) восприятия стихов, т. е. восприятия стихотворения как музыкально-словесного произведения. Для того, чтобы подчеркнуть важность звуковой картины мира для собственной поэзии, О. Э. Мандельштам во втором и третьем изданиях книги «Камень» в начало поместил стихотворение «Звук осторожный и глухой...», первым словом в котором является существительное *звук*.

Обратим внимание на ДИГ «Отсутствие звуков», которая была добавлена нами к классификации из Синописа. О. Э. Мандельштам развивает мотив *молчания*, который начал в русской поэзии В. А. Жуковский в стихотворении «Невыразимое» («Все необъятное в единый вздох теснится, // И лишь молчание понятно говорит») и продолжил Ф. И. Тютчев в стихотворении «Silentium» («Молчи, скрывайся и таи // И чувства и мечты свои...»). С этим мотивом в первом издании «Камня» связаны лексемы *тишина* («Отчего так мало музыки // И такая *тишина*?»), *немой* («И стоит осиротелая // и *немая* вышина...»), *умолкнуть* («Твердь *умолкла*, умерла...») и др.

Значимой оппозицией для звуковой картины мира О. Э. Мандельштама, репрезентированной в первом издании книги «Камень», является *говорить – молчать*. Традиционно в русской поэзии образ поэта сближается с образом певца, т. е. поэт не просто говорит, но *поет*. Петь – творить прекрасное, противопоставлять свой голос, свое слово *молчанию*, «первоначальной немоте», о которой О. Э. Мандельштам пишет в стихотворении «Silentium»: «Да обретут мои уста // первоначальную немоту – // как кристаллическую ноту, // что от рождения чиста». Однако в рамках звуковой картины мира поэта *молчание* и *пение* не только противопоставлены друг другу, но и образуют сочетания, основанные на оксюмороне (ср. стихотворение, которое поэт поместил в начало второго и третьего издания «Камня»: «Звук осторожный и глухой // плода, сорвавшегося с древа, // среди немолчного напева // глубокой тишины лесной...» – *немолчный напев тишины* – это развернутая метафора, демонстрирующая сложное единство тишины и пения поэта).

За классом «Акустическое восприятие» по количеству лексем следует «Пространство», в нем представлено 40 лексем (103), самой наполненной в классе «Пространство» является ДИГ «Расположение в пространстве» (19/78: *близ, в (28), во, впереди, всюду, где, за, здесь (5), из (2), на (17), над (6), нигде, под (2), позади, пред, рядом (3), с (3), снаружи, там (2)*, далее представлены ДИГ «Часть пространства» (10/11: *клетка, клеть, лес, мир, полмира, припек, стена, темница, Царское село (2), край*). Остальные ДИГ представим в порядке убывания количества лексем: «Пространственные характеристики» (4/6: *нежилой, осиротелый, перен., пустой (3), широкий*), «Стороны света и географические ориентиры» (4: *восток, северный, запад, западный*), «Тип пространства» (2: *вид, высота*), «Направление в пространстве и пространственные ориентиры» (1: *вдаль*).

Для класса «Пространство» частотными лексемами стали *в (28), на (17), над (6), здесь (5), рядом (3)*.

Доминирование ДИГ «Расположение в пространстве» в классе «Пространство» обусловлено большим количеством наречий (*всюду, здесь, снаружи* и др.) и предлогов (*в, на, над* и др.), характеризующих положение в пространстве тех или иных объектов в ПТ О. Э. Мандельштама. Например, в сильной позиции стихотворения «Айя-София» – в первом стихе – поэт использует наречие *здесь*, из-за этого акцент в начале стихотворения ставится не только на величественности собора Айя-София, но и на важности места, где он построен: «Айя-София – здесь остановиться // судил Господь народам и царям!» ПТ «Петербургские строфы» начинается с предлога, обозначающего расположение в пространстве: «Над желтизной правительственных зданий // кружилась долго мутная метель...» Начиная стихотворения с предлога, поэт сразу же «направляет взгляд» читателя вверх, отмечая точку зрения «зрителя» – вместе с лирическим героем стихотворения читатель смотрит на метель снизу вверх.

Пространство в ПТ, составляющих первое издание «Камня», неоднобразно: это и *морской берег* («Silentium», «Раковина»), и *комната* («Невыразимая печаль», «Медлительнее снежный улей...»), и *лес* («Смутно-дышащими листьями...», «Скудный луч, холодной мерою...»), и *казино* («Казино»), и *Царское село* («Царское село»), и *подвал* («Золотой»), и *городская улица* («Старик», «Петербургские строфы»), и *бар* («В душном баре иностранец...»), и *пространство внутри храма и вокруг него* («Лютеранин», «Айя-София», «Notre Dame»). Отметим, что чаще это открытое пространство (берег, лес, улица и т. д.), реже – закрытое (комната, казино, бар и т. д.). При этом есть стихотворения, в которых представлено не реальное географическое, а психологическое пространство (например, «Дыхание», «Отчего душа – так певуча...», «Образ твой, мучительный и зыбкий...» и др.).

Класс «**Восприятие предмета**» включает в себя 38 лексем (44), самая наполненная ДИГ «Величина, размер, вес», в ней представлено 18 лексем (23: *большой, грузный, дуб, перен., лёгкий, маленький* (2), *масса, перен.,*

неглубок, огромный (3), *полёт, расти, рост, таран*, перен., *толстый, тоненький, тонкий* (2), *тростинка*, перен., *тяжелый, чудовищный* (2). Остальные ДИГ представим в порядке убывания количества лексем: «Форма и внешний вид предмета» (10: *вал, извилистый, измятый, клубок, крестовый, кружево, паутина, прямой, стрельчатый, сферический*), «Предмет» (3: *лист, маятник, цепь*), «Физические характеристики предмета» (3: *выцвести, сила, хрупкий*), «Часть предмета» (2: *клок, лезвие*), «Тип формы и положение в пространстве» (1: *косматый*, перен.). Отметим, что в ДИГ «Изменение формы» и «Предмет по особенностям его составных частей» не представлено ни одной лексемы.

Частотными лексемами для класса «Восприятие предмета» стали *огромный* (3), *тонкий* (3), *маленький* (2) и *чудовищный* (2).

Значимой для ИАКМ О. Э. Мандельштама является оппозиция большой (*огромный, толстый, тяжелый* и др.) – малый (*легкий, маленький, тонкий* и др.), соизмеряя масштабы окружающих предметов, лирический герой пытается найти свое место в мире. Например, в знаковом для сборника стихотворении «Раковина» противопоставляются «огромный колокол зыбей» и «хрупкой раковины стены», а в стихотворении «Невыразимая печаль» лирический герой подчеркивает, насколько «много поглотило сна» «такое маленькое царство» (курсив наш – В. Г.).

Поскольку для раннего Мандельштама характерно сопоставлять поэзию с архитектурой, в этот класс вошли лексемы, связанные с формой и внешним видом сооружений, например, *крестовый, стрельчатый, сферический* и др. Также важной для ИАКМ О. Э. Мандельштама становится лексика, характеризующая «внутренности» храмов: *таран, перен, тростинка*, перен., *дуб*, перен. и др. Этот факт обусловлен представлением поэта о том, что стихотворец, подобно зодчему, создает свое произведение из «тяжести недоброй».

К классу «Зрительное восприятие» относятся 36 лексем (39), доминирующими в данном классе являются ДИГ «Цвет» (16/20: *белизна*,

белый, бирюзовый, желтизна, жёлтый, зелёный (2), золотой, красный, лазоревый (2), медный, радуга, ржавый, роза, серый (2), синеглазый, тёмный (2), черный) и «Характер зрительного восприятия, доступность/недоступность зрительному восприятию» (8: *затуманить, перен., мутный, прозрачный, слабый, перен., тёмный, туманный, чёрный, широкий, перен.*). Остальные ДИГ представим в порядке убывания количества лексем: «Процесс зрительного восприятия» (5: *видеть, встретить, глядеть, заметить, следить*), «Проявление цветового признака (оттенки, качество цвета)» (4: *бледный, зеленоватый, светлый, тёмный*), «Внешние качества предмета, воспринимаемого зрением» (1: *образ*), «Расцветка» (1: *узорчатый*). Стоит отметить, что к ДИГ «Изменение цветового признака» не относится ни одна лексема.

Частотными лексемами класса «Зрительное восприятие» являются *зеленый (2), лазоревый (2), серый (2) и темный (2)*.

В первом издании «Камня» встречается немало лексики, номинирующей цвета. Встречаются как светлые (*белый, бирюзовый, желтый, зеленый, золотой*), так и темные (*медный, ржавый, серый, темный, черный*) оттенки. Слова, которые относятся к ДИГ «Характер зрительного восприятия», определяют символистский пафос первого издания «Камня»: *затуманить, мутный, туманный* и др. Например, в стихотворении «Скудный луч, холодной мерою» *отуманенная колокольня* – это строение, связывающее в мире О. Э. Мандельштама земное и небесное, дальнее и горнее. Топос этого стихотворения – символистская локация, однако тот факт, что с колокольни «кто-то снял колокола» подчеркивает ее бо́льшую связь с земным миром.

К классу «**Количество, мера**» относятся 11 лексем (13), больше всего их представлено в ДИГ «Много/мало» (6/8: *вереница, мало (2), много, немного (2), скудный, торжество, перен.*), представлены также ДИГ «Обозначение количества» (4: *два, сорок, сто семь, четыре*) и «Единицы

измерения количества» (1: *мера*). В ДИГ «Единицы измерения количества» не представлено ни одной лексемы.

В классе «Количество, мера» повторились только две лексемы – *мало* и *немного*.

В стихотворениях первого издания книги «Камень» точное количество чего-либо указывается лишь в четырех контекстах: «*два* огромных глаза», «и *сорок* окон – света торжество», «*сто семь* зеленых мраморных столбов» и «на парусах, под куполом, *четыре* // архангела прекраснее всего» (курсив наш – В. Г.). Чаще лирический герой использует лексику ДИГ «Много/мало». Из 6 лексем (8) три обозначают большое количество чего-либо – *вереница*, *много*, *торжество*, перен., и три лексемы обозначают малое количество – *мало* (2), *немного* (2) и *скудный*.

В классе «**Осязательное восприятие**» представлено 7 лексем, среди них преобладают имена прилагательные (3: *грубый*, *жесткий* и *сырой*) и глаголы (3: *замечать*, *осязать* и *щупать*), следом представлено существительное (1: *холодок*).

Класс «**Обонятельное восприятие**» включает 3 лексемы: *бензин*, *душный* и *купаться*, перен.

Следует отметить, что в ИАКМ О. Э. Мандельштама, представленной в первом издании книги «Камень», классы «Обонятельное восприятие» и «Осязательное восприятие» на порядок уступают по количеству лексем классам «Акустическое восприятие» и «Зрительное восприятие». С одной стороны, это вполне закономерно: в Синописе, отражающем русскую языковую картину мира, классы «Зрительное восприятие» и «Акустическое восприятие» имеют более сложную структуру, чем «Обонятельное восприятие» и «Осязательное восприятие». С другой стороны, это характеризует ИАКМ О. Э. Мандельштама, для которого акустическое и зрительное восприятие действительности доминировали над осязательным и обонятельным восприятием.

*Приядерная зона: «Человек и его внутренний мир»,
«Универсальные представления, смыслы и отношения»
и «Общественно-государственная сфера»*

В *приядерной зоне* ИАКМ О. Э. Мандельштама представлены лексемы, относящиеся к идеографическим сферам **«Человек и его внутренний мир»**, **«Универсальные представления, смыслы и отношения»** и **«Общественно-государственная сфера»**. Последовательно рассмотрим каждую из перечисленных сфер.

Сфера «Человек и его внутренний мир»

В идеографической сфере **«Человек и его внутренний мир»** выявлено 203 лексемы (230). По частотности употребления лексем лидирует класс «Эмоции» (92/107), следом представлены классы «Оценка» (67/72) и «Интеллект» (44/51).

В классе «Эмоции» представлено два подкласса: «Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций» (80/94) и «Особенности протекания и проявления эмоций» (12/13).

В классе «Эмоциональные состояния...» по количеству лексем лидирует ДИГ «Интерес – равнодушие» (14: *соблазн, любопытный, равнодушно* и др.), следом идут ДИГ «Радость – грусть» (11/17: *печаль* (4), *тоска* (3), *радость* (2) и др.), «Смелость – трусость» (10/11: *боязнь, дрожать, отвага* и др.), «Счастье – несчастье» (8: *любить, мучительные, разъедать*, перен. и др.), «Общие понятия, связанные с эмоциями» (7/12: *сердце* (5), *забытье, мир*, перен. и др.), «Любовь – неприязнь» (6: *любить, нежить, ненавидеть* и др.), «Доброта – жестокость» (5: *ласковый, сердито, ярость* и др.), «Скромность – высокомерие» (5: *кичиться, самолюбивый, скромный* и др.), «Спокойствие – беспокойство» (4: *истома, волнение, смятение* и др.), «Терпение – настойчивость» (3: *выносить, строгий* и *упрямый*), «Дружелюбие – одиночество» (2/3: *чужой* (2) и *иностранец*), «Смушение – стыд» (2/3: *виноватый* и *стыдиться*), «Надежда – отчаяние»

(2: *бред* и *узник*, перен.), «Искренность – неискренность» (2: *лицемер* и *прямой*, перен.), «Требовательность – нетребовательность» (1/2: *суровый* (2)), «Одобрение – неодобрение» (1: *поклонник*), «Воля – безволие» (1: *туман*, перен.), «Беспристрастность – пристрастность» (1: *предвзятый*). Самыми частотными лексемами в классе «Эмоциональные состояния...» являются *сердце*, перен. (5), *печаль* (4), *тоска* (3), *радость* (2), *любить* (2), *чужой* (2), *страх* (2), *суровый* (2).

Отметим, что в подклассе «Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций» в ДИГ «Вера – неверие» и «Благородство – неблагородство» лексемы не представлены.

Традиционно сердце считаетсяместилищем эмоций человека. В стихотворениях первого издания «Камня» лексема *сердце* номинирует внутренний мир лирического героя: «Я печаль, как птицу серую, // в *сердце* медленно несу...». В стихотворении «Silentium» О. Э. Мандельштам, используя метонимический перенос, так же называет внутренний мир человека существительным *сердце*: «Останься пеной, Афродита, // и, слово, в музыку вернись, // и, *сердце*, *сердца* устыдись, // с первоосновой жизни слито». Лексема *сердце* номинирует внутренний мир лирического героя и в стихотворении «Смутно-дышащими листьями...» («Тихо спорят в *сердце* ласковом, // умирающем моем, // наступающие сумерки // с догорающим лучом»), и в «Раковине» («И хрупкой раковины стены – // как нежилого *сердца* дом – // Наполнишь шепотами пены, // Туманом, ветром и дождем...»).

В эмоциональной палитре дебютной книги О. Э. Мандельштама больше отрицательных эмоций: печали, тоски, страха. В ДИГ «Радость – грусть» из 17 словоупотреблений только 6 номинируют положительные эмоции (*радость* (2), *весёлый*, *радостный* и др.), остальные – отрицательные (*печаль* (4), *тоска* (3), *тосковать* и др.). В ДИГ «Смелость – трусость» только лексема *отвага* относится к подгруппе «Смелость», остальные 9 лексем относятся к подгруппам «Трусость» и «Страх»: *страх* (2), *боязнь*,

дрожать и др. В ДИГ «Счастье – несчастье» наблюдается похожая тенденция: 6 лексем из 8 относятся к подгруппам «Горе», «Страдание» (*измучить, мучительный, разъедать*, перен. и др.). Однако в ДИГ «Любовь – неприязнь» положительные эмоции доминируют: только 2 лексемы – *ненавидеть* и *проклятый*, перен. – относятся к подгруппе «Неприязнь», остальные – к подгруппе «Любовь»: *ласка, любить, нежить* и *полюбить*. В ДИГ «Доброта – жестокость», «Скромность – высокомерие», «Спокойствие – беспокойство» вновь доминируют отрицательные чувства и качества человека: *ярость, самолюбивый, волнение* и др. В остальных ДИГ, в которых представлено от 1 до 3 лексем, тенденция сохраняется: отрицательные чувства и качества человека доминируют над положительными (например, *суровый* (2), *упрямый, предвзятый* и др.).

Перейдем к классу «Особенности протекания и проявления эмоций», в который входят ДИГ «Внешние проявления эмоций в речи, поведении, мимике, жестах» и «Степень проявления эмоций». Первая содержит 10 лексем (11: *благодарить, заплакать, рыдание* и др.), а вторая – 2 лексемы (*бледный* и *напоенный*). Самой частотной в этих ДИГ стала лексема *слезы* (2). В описываемых ДИГ так же преобладает лексика, связанная с отрицательными эмоциями: *слезы* (2), *жалоба, заплакать* и др.

Класс «**Оценка**» (67/72) состоит из ДИГ «Общая оценка» (18/20: *милый* (2), *оценить, тяжело* и др.) и «Частная оценка» (49/52: *бесполезно, грузный, дерзкий* и др.). Частотными для этих подгрупп являются лексемы *дурной* (2), *милый* (2), *ненужный* (2), *прекрасный* (2) и *чудовищный* (2).

Лирический герой ранней поэзии О. Э. Мандельштама редко оценивает что-либо как однозначно положительное, исключения составляют контексты с лексемами *милый* (2: «узора *милого* не зачеркнуть» и «и так мало *милых* имен»), *прекрасный* (2: «*Прекрасен* храм, купающийся в мире, // и сорок окон – света торжество; // на парусах, под куполом, четыре // архангела *прекраснее* всего»), *высок* («Куда ж стремился твой строитель щедрый, // когда, душой и помыслом *высок*»), *мудрый* («*мудрое* сферическое здание»), *прекрасное* («И я

когда-нибудь прекрасное создам»). Доминируют отрицательные оценки: *дурной* (2), *проклятый*, *грузный* и др.

В ДИГ «Частная оценка» доминирует лексика подгрупп «Эстетическая оценка» и «Прагматическая, утилитарная оценка». Это объясняется акмеистическим пафосом «Камня»: «Мы не летаем, мы поднимаемся только на те башни, какие сами можем построить» [Мандельштам, 1991, с. 190]. То, что построено, поэт может оценить по критериям прекрасно/безобразно и хорошо, крепко построено/плохо, ненадежно построено: *грузный*, *легкий*, *крепкий*, *хрупкий* и др.

В классе «Интеллект» (44/51) по количеству входящих в нее лексем значительно лидирует ДИГ «Интеллектуальная деятельность человека» (40/46: *думать* (3), *мысль*, *план* и др.), следом представлены ДИГ «Интеллектуальные качества человека и оценка его умственных способностей» (3/4: *однодум* и др.) и «Специфика познавательных процессов» (1: *рассеянный*). Обратим внимания, что в ДИГ «Уровень интеллектуального развития человека или степень овладения каким-либо видом интеллектуальной деятельности» и «Суждение, совокупность суждений как продукт интеллектуальной деятельности человека» не содержится ни одной лексемы.

В классе «Интеллект» доминируют по количеству словоупотреблений лексемы *хотеть* (4), *думать* (2), *золотой* (2), *сон*, перен. (2), *тайный* (2).

В классе «Интеллект» значительно доминирует лексика подгрупп, входящих в ДИГ «Интеллектуальная деятельность человека»: «Мышление» (10/12: *думать* (3), *помысел*, *сознание* и др.), «Воображение» (10/11: *бред*, *видение*, *полусон* и др.), «Понимание» (9/13: *изучать*, *сомневаться*, *таинственный* и др.), «Познание» (5: *зыбкий*, перен., *изведать*, *раздвинуть*, перен. и др.), «Восприятие» (3: *замечать*, *осязать*, *читать*), «Выбор и решение» (1: *делать*) и «Память» (1: *забыть*).

Лирический герой ранних стихотворений О. Э. Мандельштама оказывается в мире, по определению Л. Я. Гинзбург, «туманном и

ненастоящем» [Мандельштам, 1990, с. 261]. Такие лексемы, как *бред*, *видение*, *зыбкий*, *полусон* и др. подчеркивают *пограничность* состояния героя: между реальностью и фантазиями, действительным и воображаемым мирами. Например, в стихотворении «Отчего душа – так певуча...» О. Э. Мандельштам использует глагол *блуждать* в переносном значении, номинируя процесс воображения: «Я блуждал в игрушечной чаше // и открыл лазоревый грот...» Ярче всего «пограничность» проявлена в последней строфе ПТ «Скудный луч, холодной мерою»: «Утро, нежностью бездонное – // полу-явь и *полу-сон*, // *забытье* неутоленное – // *дум* туманный *перезвон*...» Существительные *полусон*, *забытье*, метафора *дум* *перезвон* номинируют состояние лирического героя, находящегося между сном и явью. Эти замечания относятся к стихотворениям, написанным до рубежного ПТ «Нет, не луна, а светлый циферблат...», т. е. к «символистскому» полюсу книги.

Сфера «Универсальные представления, смыслы и отношения»

Сфера «**Универсальные представления, смыслы и отношения**» входит в *приядерную* зону ИАКМ, к этой сфере относятся 165 лексем (389). Лидирует по количеству лексем класс «Универсальные смыслы» (74/150), далее представлены классы «Универсальные представления» (50/53), «Универсальные отношения» (24/163) и «Онтологические, бытийные категории» (17/23).

В классе «**Универсальные смыслы**» по количеству лексем лидирует ДИГ «Интенсивность/неинтенсивность» (19/35: *сдержано*, *страстно*, *тихий* и др.), следом идут ДИГ «Вопрос/отрицание/согласие» (8/38: *не* (28), *что* (3), *кто* и др.) и «Совокупность (единство) / дополнительность / отдельность (обособленность)» (5/12: *весь* (3), *все*, *всего* и др.). В остальных ДИГ представлено от 5 до 1 лексемы, приведем их в порядке убывания слов, выявленных в них: «Необходимость/случайность» (5: *ненужный*, *неожиданный*, *нужный* и др.), «Зависимость/независимость» (4: *неразрывно*, *свободный*, *связать* и др.), «Неопределенность/определенность»

(3: *вероятно, кто-то, туманный*, перен.), «Значимость/незначимость» (3: *пятно*, перен., *только, царь*), «Возможность/невозможность» (3: *зыбкий, мочь, право*), «Завершенность (целостность)/незавершенность» (3: *единый, неуголенный, целый*), «Равенство/неравенство» (3: *другой, однообразный, похожий*), «Неограниченность/ограниченность» (2: *бездонный, пропасть*, перен.), «Обычность/исключительность» (2: *единый, одинокий*), «Истина/ложь» (2: *ложь, подлинно*), «Обязательность/необязательность» (1: *строгий*).

К классификации из Синописа нами были добавлены ДИГ «Принадлежность» (3/20: *мой* (11), *твой* (7), *свой* (5), «Уверенность/неуверенность» (4: *действительно, казаться, ошибка* и др.) и «Наличие/отсутствие» (2/5: *без* (4), *нет*).

Частотными лексемами класса «**Универсальные смыслы**» являются *не* (28), *мой* (11), *и* (8), *твой* (7), *с* (6), *свой* (5), *без* (4), *весь* (3), *так* (3), *что* (3), *безумный* (2), *отчего* (2), *совсем* (2).

Лексика, входящая в ДИГ «Интенсивность/неинтенсивность», помогает лирическому герою ранних стихотворений О. Э. Мандельштама подчеркнуть, насколько сильно светят солнце («Но, как *безумный*, светел день...») или звезды («И *безумных* звезд разбег...»), отметить высокую («И *гораздо* глубже бреда // воспаленной головы...»), «И *страстно* стучит рок // в запретную дверь, к нам...», «Я чувствую *непобедимый* страх // в присутствии таинственных высот...» и т. п.) либо низкую («*Тихо* спорят в сердце ласковом, // умирающем моем...», «За радость *тихую* дышать и жить...», «И *сдержанно* колокола звонили...» и т. п.) степень проявления чего-либо. Отметим, что лексемы подгруппы «Интенсивность» по количеству значительно доминируют над лексемами подгруппы «Неинтенсивность».

В ДИГ «Вопрос/отрицание/согласие» лидирует по количеству словоупотреблений отрицательная частица *не*, она встречается в стихотворениях первого издания книги «Камень» 28 раз. Ю. И. Левин отмечал, что «поэтическое мышление Мандельштама часто разворачивается

через отталкивание, отграничение, отрицание» [цит. по: Кихней, 2016, с. 135]. Показательным с этой точки зрения является последний катрен в стихотворении «Лютеранин»: «И думал я: витийствовать **не** надо, // мы **не** пророки, даже **не** предтечи, // **не** любим рая, **не** боимся ада, // и в полдень матовый горим, как свечи» (здесь и далее полужирный – наш, В. Г.). Лирический герой идентифицирует себя с помощью отрицания, например, в стихотворении «Казино»: «Я **не** поклонник радости предвзятой...». О. Э. Мандельштам мог начать стихотворение с отрицания: «**Нет, не** луна, а светлый циферблат...» Мы разделяем точку зрения Ю. И. Левина – поэтику О. Э. Мандельштама можно охарактеризовать как «негационную» [там же]. На наш взгляд, справедлива точка зрения В. С. Баевского, который связал это свойство поэтики молодого акмеиста с разделением в его картине мира «своего» и «чужого» [там же].

Также обратим внимание на ДИГ «Принадлежность», в которую вошли частотные для класса «Универсальные смыслы» лексемы *мой* (11), *твой* (7) и *свой* (5). Для поэта было важно подчеркнуть принадлежность чего-либо *ему* или *другому*, в этом противопоставлении проявляется то же свойство поэтики молодого Мандельштама: разделение на «свое» и «чужое». Например, на одном полюсе «*мой* давний бред», «*мой* черед», а на другом – «строитель *твой*», «образ *твой*» и т. д.

Следом за классом «Универсальные смыслы» по количеству представленных в ПТ «Камня» лексем идет класс «Универсальные представления» (50/53). В нем лидирует ДИГ «Существование» (22/25: *жизнь* (2), *живое*, *жить* и др.), следом идут ДИГ «Состояние» (9: *испытывать*, *оставаться*, *становиться* и др.), «Судьба» (9: *путь*, *рок*, *судьба* и др.), «Начало бытия, существования, действия» (6: *первоначальный*, *родиться*, *рождение* и др.), «Прекращение действия, бытия, состояния; исчезновение» (2: *исчерпать*, перен., *остановиться*), «Событие» (2: *нарушать*, перен. и *однообразный*). В ДИГ «Сущность» не представлено ни одной лексемы.

Первое издание «Камня» – это книга о становлении поэта: от рождения до осознания себя творцом (от «Дано мне тело...» до «И я когда-нибудь прекрасное создам»). Такие лексемы ДИГ «Начало бытия, существования, действия», как *родиться, рождение, дать* (тело) и *первоначальный* подчеркивают начало пути поэта в стихотворениях «Дано мне тело – что мне делать с ним...» и «Silentium».

В ДИГ «Существование» представлена лексика, номинирующая в прямом или переносном значении жизнь лирического героя или других людей, встречающийся в стихотворениях «Камня». Среди прямых номинаций – лексемы *жизнь* («Мне, в опьянении легком, суждено // изведать краски *жизни* небогатой»), *жить* («За радость тихую дышать и *жить*, // Кого, скажите, мне благодарить?»), *живое* («Она еще не родилась, // она и музыка и слово, // и потому всего *живого* // ненарушаемая связь») и др., среди переносных – *гореть* («Не любим рая, не боимся ада, // и в полдень матовый *горим*, как свечи»), *дыхание, тепло* («На стекла вечности уже легло // мое *дыхание*, мое *тепло*») и др.

О. Э. Мандельштам писал в «Утре акмеизма»: «Любите **существование** вещи больше самой вещи и свое **бытие** больше самих себя – вот высшая заповедь акмеизма» (полужирный – наш, В. Г.) [Мандельштам, 1991, с. 189]. Этот постулат обусловил особое внимание поэта к теме жизни в первом издании «Камня».

В первом издании книги О. Э. Мандельштама «Камень» важную роль играет мотив судьбы, рока, нависшего над лирическим героем. Например, в стихотворении «Сегодня дурной день» это сформулировано напрямую – «И страстно стучит *рок* // В запретную дверь, к нам...» А в стихотворении «Я ненавижу свет» лирический герой робко утверждает: «Или, свой *путь* и срок // Я, исчерпав, вернусь». В этом контексте слово *путь* реализует неосновное значение – «жизнь человека».

В классе «Универсальные отношения» выявлено 24 лексемы (163). Лидирует по их количеству ДИГ «Обусловленность» (8/10: *если* (3), *потому*,

чтоб и др.), остальные ДИГ представлены «Очередность» (3: *за, первый, предтеча*), «Сравнение» (17: *как*), «Противоположность, противоречие» (2/12: *но* (7), *а* (5)), «Разделительность» (2/5: *или* (4), *иль*), «Сопоставление» (2/3: *а* (2), *пред*).

К классификации из Синописа в класс «Универсальные отношения» нами были добавлены ДИГ «Соединение» (4/102: *и* (97), *да* (2), *но* (2) и др.) и «Указание» (1: *для*). Обратим внимание, что в ДИГ «Ограничительность», «Градация», «Образ осуществления чего-либо» «Соответствие» не представлено ни одной лексемой.

Частотными лексемами для класса «Универсальные отношения» стали *и* (97), *как* (16), *но* (7), *а* (5), *или* (4), *если* (3), *да* (2), *но* (2).

В ранней поэзии О. Э. Мандельштама сочинительный союз *и* употребляется в двух функциях: соединения (97) и усиления (8). ДИГ «Соединение» доминирует по количеству словоупотреблений над ДИГ «Противоположность, противопоставление» (союзы *но* и *а*) и «Разделительность» (союзы *или*, *иль*). На наш взгляд, это был сознательный прием О. Э. Мандельштама, который хотел создать гармоничную картину мира и использовал для этого в том числе синтаксические средства.

В 23 стихотворениях первого издания «Камня» лексема *как* ДИГ «Сравнение» употребляется 17 раз. «Я сравниваю – значит, я живу, – мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры. Ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть – сравнение» [Мандельштам, 1994, Т. 3, с. 406], – так писал зрелый поэт в материалах к «Разговору о Данте». Отметим, что в дебютном сборнике поэта нет ни одного стихотворения, в котором бы он не использовал метафору или сравнение. Однако уже в последующих изданиях «Камня» появляются ПТ, в которых стихотворец не использует ни метафору, ни сравнение (например, «Из полутемной залы, вдруг...»).

К классификации из Синописа в сферу «Универсальные представления, смыслы и отношения» нами был добавлен класс **«Онтологические, бытийные категории»** (17/23), название которого было взято нами из БТСРС (2005) под ред. Л. Г. Бабенко.

В этом классе чаще других встречались лексемы *душа* (5), *вечность* (2) и *бездна* (2).

О. Э. Мандельштам в раннем творчестве шел вслед за русским поэтом-метафизиком Ф. И. Тютчевым. Для метафизической поэзии характерно особое внимание к таким онтологическим категориям, как *вечность*, *жизнь*, *душа*, *вдохновение*, *судьба*, *свобода*, *смерть* и др. Большое количество словоупотреблений в классе «Онтологические, бытийные категории» позволяет отнести творчество О. Э. Мандельштама к философской лирике.

Итак, в *приядерную* зону ИАКМ О. Э. Мандельштама входит сфера **«Универсальные представления, смыслы и отношения»**. Концептуально важной для первого издания книги «Камень» является лексика, относящаяся к подгруппам «Бытие-существование в определенном времени и пространстве» и идеографическому классу «Онтологические и бытийные категории». О. Э. Мандельштам познает такие категории, как *вечность*, *жизнь*, *душа* и др., продолжая в ряде ПТ линию русской философской лирики.

Доминирование ДИГ «Соединение» демонстрирует тягу лирического героя ранней поэзии О. Э. Мандельштама к гармонизации мира, попытке создать целостную и непротиворечивую картину мира.

«Общественно-государственная сфера»

Третьей сферой, составляющей *приядерную* зону ИАКМ О. Э. Мандельштама в первом издании книги «Камень», является **«Общественно-государственная сфера»** (164/199). Она состоит из 20 классов: лидирует по количеству лексем класс «Строительство» (49/60), следом за ним идут классы «Религия» (38/49), «Искусство» (21/25), «Транспорт» (17/20), «Экономика» (16/18), «Военная служба» (10/12),

«Государство, власть и общественный порядок» (5), «Право» (5), «Сфера обслуживания» (4), «Медицина» (2), «Развлечения и отдых» (2), «Производство» (1), Техника (1).

В 7 классах «Общественно-государственной сферы» не представлено ни одной лексемы: «Политика», «Наука», «Образование», «Средства массовой информации», «Охота и рыболовство», «Спорт» и «Сельское хозяйство».

В «Общественно-государственной сфере» доминирует по количеству лексем класс «**Строительство**» (49/60), он состоит из ДИГ «Часть строительного сооружения» (22/26: *подвал* (2), *свод* (2), *купол* (2) и др.), «Строительное сооружение» (15/22: *базилика*, *крепость*, *храм* и др.) и «Свойство строительного сооружения или его части» (11: *гнутья*, *одноэтажный*, *подпружный* и др.), а также «Человек в сфере строительства» (1: *строитель*). В ДИГ «Процесс строительства», «Строительный материал», «Приспособление, используемое в строительстве» лексемы не представлены.

Частотными лексемами класса «Строительство» являются *дом* (6), *дворец* (2), *здание* (2), *подвал* (2), *свод* (2), *купол* (2), *окно* (2).

Доминирующее положение класса «**Строительство**» в «Общественно-государственной сфере» объясняется акмеистическим пафосом «Камня». В «Утре акмеизма» О. Э. Мандельштам писал об этом так: «Акмеизм – для тех, кто, **обуянный духом строительства** (полужирный – наш, В. Г.), не отказывается малодушно от своей тяжести, а радостно принимает ее, чтобы разбудить и использовать архитектурно спящие в ней силы» [Мандельштам, 1990, с. 142]. В рамках акмеистического подхода к искусству поэт уподобляется *зодчему*, *строителю*: «Зодчий говорит: я строю, – значит я прав. Сознание своей правоты нам дороже всего в поэзии...» [там же].

Именно акмеистический пафос ряда стихотворений первого издания книги «Камень» обусловил большое количество словоупотреблений в ДИГ «Часть строительного сооружения», «Строительное сооружение». «Камень Тютчева, что “с горы скатившись, лег в долине, сорвавшись сам собой иль

был низвергнут мыслящей рукой”, – есть слово. Голос материи в этом неожиданном паденье звучит как членораздельная речь. **На этот вызов можно ответить только архитектурой** (полужирный наш – В. Г.). Акмеисты с благоговением поднимают таинственный тютчевский камень и кладут его в основу своего здания» [Мандельштам, 1990, с. 142], – так молодой поэт формулирует фундаментальные представления акмеистов о природе искусства.

Следом за классом «Строительство» (49/60) в «Общественно-государственной сфере» представлен класс «Религия» (38/49). В нем по количеству лексем лидируют ДИГ «Религиозное сооружение» (8/9: *базилика, кирка, храм* и др.) и «Объект религиозного поклонения» (8/10: *Господь* (3), *архангел, пророк* и др.), далее представлены ДИГ «Догмат» (6/11: *душа* (6), *ад, рай* и др.), «Религиозные обряды и праздники» (6: *исповедоваться, плита, похороны* и др.), «Человек по отношению к религии» (4: *богохульствовать, грешить, лютеранин* и др.), «Предметы и вещества, используемые в религиозной практике священнослужителей и верующих» (3/6: *колокол* (4), *миро, свеча*), «Вероучение» (2: *протестантский, христианство*), «Религиозная одежда» (1: *риза*). В ДИГ «Противники Бога», «Религиозные тексты», «Религиозные организации, объединения, движения» лексеммы не представлены.

Частотными лексемами класса «Религия» являются *душа* (6), *колокол* (4), *Господь* (3) и *колокольня* (2).

Тема религии для метафизической, философской поэзии, к которой можно отнести стихотворения О. Э. Мандельштама, выходит на первый план. В статье «Скрябин и христианство» поэт писал: «Христианское искусство свободно. Это в полном смысле слова «искусство ради искусства». Никакая необходимость, даже самая высокая, не омрачает его светлой внутренней свободы, ибо прообраз его, то, чему оно подражает, есть само искупление мира Христом» [там же, с. 158]. Эта цитата из статьи, к которой, по замечанию жены поэта, он относился особенно серьезно: «Это самое главное

из написанного» [Мандельштам, 2014, с. 254]. Стоит отметить, что «Скрябин и христианство» датирована 1915 годом, тогда как последнее стихотворение первого «Камня» – 1912. Однако, как отмечает О. Г. Самойлова, О. Э. Мандельштам посещал в Петербурге заседания Религиозно-философского общества «предположительно, с 1910, встречался с Карташевым, был хорошо знаком с Вяч. И. Ивановым, дружил с С. П. Каблуковым (секр. РФО в 1909-13), к-рый явился связующим звеном между О. М. и религ.-филос. кругами С.-Петербурга» [Мандельштамовская энциклопедия, Т. 1., с. 413]. Начиная с 1910 года, поэт был погружен в атмосферу постоянного духовного поиска (в первом издании «Камня» к стихотворениям, написанным до 1910 года, относятся только «Дыхание» и «Невыразимая печаль...», датируемые 1909 годом).

Акмеистический пафос «Камня», а также напряженные духовные поиски О. Э. Мандельштама обусловили появление ряда стихотворений, в центре которых описание религиозных сооружений: «Айя-София», «Notre Dame», «Скудный луч, холодной мерою...» и др. В этих ПТ тесно переплетаются религия, искусство и строительство. Данное соединение возникает из-за представления молодого поэта о том, что стихотворец подобен зодчему, возводящему храм: «Булыжник под руками зодчего превращается в субстанцию, и тот не рожден строить, для кого звук долота, разбивающего камень, не есть метафизическое доказательство. <...> камень Тютчева, что, «с горы скатившись, лег в долине, сорвавшись сам собой иль был низвергнут мыслящей рукой», – есть слово» [Мандельштам, 1990, с. 188]. Именно поэтому в ПТ первого издания «Камня» встречаются лексемы *колокольня* (2), *базилика*, *храм* и др.

Так же в классе «Религия» доминирует лексика ДИГ «Объект религиозного поклонения». О. Э. Мандельштам использовал как традиционно христианскую лексику (*Господь* (3), *архангел*, *предтеча*, *пророк*, *серафим*), так и имена древнегреческих богов и героев (*Афродита*, *Орфей*, *Эфесская Диана*).

Концептуально важной для сборника является лексема *душа*, которая часто употребляется поэтом в таких контекстах, в которых трудно однозначно отнести ее к той или иной идеографической сфере. Например, одно из стихотворений первого издания «Камня» начинается так: «Отчего *душа* – так певуча...» В этом стихе душа может быть рассмотрена и с ортодоксально-христианской точки зрения (класс «Религия»), и с точки зрения психологии как внутренний мир человека (класс «Эмоции»). В стихотворении «Змей» существительное *душа* встречается в следующей контексте: «Я не хочу *души* своей излучин, // И разума, и Музы не хочу...» В этом ПТ лексема может быть отнесена как классу «Религия», так и к классу «Онтологические, бытийные категории» как категория метафизической поэзии. В таких случаях мы относили лексему сразу же к двум классам, основываясь на законе *пересекаемости*, который был описан нами в первой главе исследования.

На третьем месте по количеству лексем в «Общественно-государственной сфере» представлен класс «Искусство» (21/25), в нем количеству лексем доминирует ДИГ «Жанровые и другие характеристики произведений искусства» (10: *краски, ритм* и др.), «Создание произведений искусства» (4/5: *узор* (2), *запечатлевать, создавать* и др.), «Человек в сфере искусства» (3: *Батюшков, Верлэн и садовник*, перен.), «Виды искусства» (2/5: *музыка* (4), *оперный*), «Направления в искусстве» (1).

Не представлено лексем в ДИГ «Исполнение произведений искусства», «Музыкальные инструменты и их части», «Мероприятия в сфере искусства», «Помещения для создания и исполнения произведения искусства, часть такого помещения».

Частотными лексемами класса «Искусство» являются *музыка* (4) и *узор* (2).

В стихотворениях первого издания «Камня» О. Э. Мандельштам редко говорит об искусстве напрямую, это обусловлено акмеистической концепцией искусства как ремесла (подобного, например, строительству).

Именно поэтому класс «Строительство» по количеству лексем значительно превосходит класс «Искусство». В ПТ раннего периода творчества О. Э. Мандельштама только лексемы *запечатлеть*, *ритм* и *создать* связаны с «ремесленной» стороной искусства.

Лексема *музыка* в стихотворениях О. Э. Мандельштама развивает двуденотатность. Например, в стихотворении «Silentium» это слово встречается в двух контекстах: «Она еще не родилась, // Она и *музыка* и слово <...> Останься пеной, Афродита, // и, слово, в *музыку* вернись, // и, сердце, сердца устыдись, // с первоосновой жизни слито». В этом ПТ *музыка* обозначает и вид искусства, и изначальную гармонию мира, которую можно обрести только в тишине (развитие идей В. А. Жуковского и Ф. И. Тютчева). В стихотворениях «Смутно-дышащими листьями» («И над лесом вечеряющим // стала медная луна; // отчего так мало *музыки* // и такая тишина?») и «Пешеход» («И вся моя душа – в колоколах – // Но *музыка* от бездны не спасет!») лексема *музыка* обозначает не только вид искусства, но и онтологическую категорию, стоящую в одном ряду с такими понятиями, как *душа* и *бездна*.

Лексема *узор* ДИГ «Создание произведений искусства» встречается в программном стихотворении О. Э. Мандельштама «Дыхание» дважды: «На стекла вечности уже легло // мое дыхание, мое тепло. // Запечатлеется на нем *узор*, // не узнаваемый с недавних пор. // Пускай мгновения стекает муть – // *узора* милого не зачеркнуть». Это существительное связывает в ИАКМ О. Э. Мандельштама такие понятия, как искусство, жизнь и вечность: искусство позволяет поэту запечатлеть себя в вечность.

В первом издании «Камня» встречаются имена поэтов-предшественников: Батюшкова и Верлена. О. Э. Мандельштам не раз обращался в своей поэзии к фигуре К. Н. Батюшкова. В 1932 он опубликовал стихотворение «Батюшков» (один из последних текстов, напечатанных при жизни Мандельштама): «Он усмехнулся. Я молвил: спасибо. // И не нашел от смущения слов: // – Ни у кого – этих звуков изгибы... // – И никогда – этот

говор валов...» И если в этом позднем стихотворении О. Э. Мандельштам восхищается поэзией К. Н. Батюшкова («Наше мученье и наше богатство, // косноязычный, с собой он принес...»), то в стихотворении «Нет, не луна, а светлый циферблат...», которое вошло в первое издание «Камня», молодой поэт вводит «условный силуэт Б., позволяющий осмыслять текст как говорящий вообще о положении поэта среди людей» [Мандельштамовская энциклопедия, Т. 1., с. 105]. Стоит отметить, что из всех поэтов пушкинской эпохи О. Э. Мандельштам более всего обращался «по разнообразным основаниям к Е. А. Боратынскому и К. Н. Батюшкову» [там же].

Поль Верлен, основоположник французского символизма, «с середины 1910-х годов <...> становится устойчивым элементом мандельштамовской системы культурных ценностей, проецируемых в экзистенциальный, художественный и творческий планы» [там же, с. 158]. В первом издании «Камня» прямо он назван только в «типично «жанровой сценке» [там же], в стихотворении «Старик»: «Старик, похожий на Верлена, // теперь твоя пора!» Однако представления Верлена о природе поэзии и задачах изящной словесности имплицитно присутствуют в стихотворении «Silentium», на это указывал еще Н. Гумилев, называя этот ПТ «смелым договариванием верленовского «L'Art poétique» [цит. по: Мандельштам, 1990, с. 290].

В ДИГ «Направление в искусстве» входит всего одно прилагательное – *готический*, однако эта лексема важна для ИАКМ О. Э. Мандельштама, поскольку именно с этим стилем поэт связывает свое творчество в «Утре акмеизма», это определение становится равносильным таким словам, как *сложный, утонченный*: «Сознание своей правоты нам дороже всего в поэзии, и, с презрением отбрасывая бирюльки футуристов, для которых нет высшего наслаждения, как зацепить вязальной спицей трудное слово, мы вводим **готику** (полужирный – наш, В. Г.) в отношения слов, подобно тому как Себастьян Бах утвердил ее в музыке» [там же, с. 187].

На четвертом месте по количеству лексем в «Общественно-государственной сфере» идет класс «**Транспорт**» (17/20). Самой

наполненной является ДИГ «Транспортное средство и его часть» (6/7: *каreta* (2), *мотор*, *паровоз* и др.), следом идут ДИГ «Приспособление, устройство, связанное с движением транспорта» (4/5: *седло* (2), *подкова*, *упряжь* и др.), «Человек по отношению к транспорту» (3: *пешеход*), «Часть транспортного средства» (2: *каюта* и *стекло*), «Человек, связанный с транспортом» (2: *кучер* и *путник*), «Действие, мероприятие, связанные с транспортом» (1: *править*), «Место, сооружение, предприятие, связанные с транспортом» (1: *док*). В ДИГ «Отрасль, производство, связанные с транспортом», «Направление движения транспорта», «Дорога, путь и их характеристика», «Часть дороги, определенное место на ней» и «Животное, используемое для перевозок» не представлено ни одной лексемы.

Частотными для класса «Транспорт» стали лексемы *пешеход* (3), *каreta* (2) и *седло* (2).

В стихотворениях, составляющих первое издание книги «Камень», О. Э. Мандельштам в основном упоминает традиционный для начала 20 века транспорт: *каreta* (2), *паровоз*, *пароход*, *сани*, *ялик*. Только лексема *мотор* («Летит в туман *моторов* вереница...») номинирует новый для того времени транспорт – автомобиль. Как отмечают комментаторы академического издания: «Мандельштам ввел это слово в свой поэтический словарь вслед за Блоком» [Мандельштам, 1990, с. 297].

Самой частотной в классе «Транспорт» оказалась лексема *пешеход*. Она встречается в одноименном стихотворении («И, кажется, старинный *пешеход*, // над пропастью, на гнущихся мостках, // я слушаю – как снежный ком растет // и вечность бьет на каменных часах»), а также в стихотворении «Петербургские строфы» («Самолубивый, скромный *пешеход* – // чужак Евгений – бедности стыдится, // бензин вдыхает и судьбу клянет!»). Существует точка зрения, что в стихотворении «Пешеход» под «старинным пешеходом» и «путником» О. Э. Мандельштам подразумевал «Батюшкова, автора «Прогулки по Москве» [там же, с. 294]. Если принимать эту точку зрения, то в анализируемом ПТ появляется противопоставление лирического

героя (акмеиста) и Батюшкова (романтика), которое так же присутствует в стихотворении «Нет, не луна, а светлый циферблат...».

Пешеход из ПТ «Петербургские строфы» – чудака Евгений – отсылает читателя к герою поэмы «Медный всадник» А. С. Пушкина (лексема *чудака*, скорее, подходит к нему, нежели к главному герою романа в стихах «Евгений Онегин», хотя выше в стихотворении и упоминается «Онегина старинная тоска»). О. Э. Мандельштам актуализирует в создании читателя сразу же два произведения, входящих в петербургский текст русской литературы, а также вписывает в него свою дебютную книгу.

В классе «**Экономика**» (16/18) из 11 ДИГ представлены только три: «Финансы и финансовая деятельность» (9/10: *бумажка, продавать, червонец* и др.), «Человек в сфере экономики» (6: *бедность, бродяга, мот* и др.) и «Собственность» (2: *богатство* и *казна*, перен.). В ДИГ «Сферы экономической деятельности», «Виды экономической деятельности, мероприятия в сфере экономики», «Товар и его свойства, признаки», «Экономические объединения, предприятия, учреждения», «Способ ведения хозяйства», «Экономическое состояние хозяйства», «Экономические показатели» и «Документ, связанный с экономической деятельностью» не представлено ни одного слова.

Частотными лексемами для класса «**Экономика**» стали *золотой* (2) и *разменять* (2).

В рецензии «Андрей Белый. Записки чудака. Берлин, 1922» О. Э. Мандельштам писал: «Русский символизм так много и громко кричал о несказанном», что это «несказанное» пошло по рукам, как бумажные деньги» [Мандельштам, 1990, Т. 2, с. 293]. Это статья написана гораздо позже стихотворений, опубликованных в первом издании «Камня», однако развернутая метафора «*несказанное обесценилось и пошло по рукам, подобно бумажным деньгам*» тесно связана с образным строем стихотворения «Золотой», лирический герой которого восклицает: «Будьте так любезны, разменяйте, // убедительно его прошу – // только мне бумажек не давайте, – //

трехрублевок я не выношу!» Большинство лексем в классе «Экономика» представлены именно в этом стихотворении: *казна, червонцы, бумажка, трехрублевка, золотой, разменять* и др.

В классе «**Военная служба**» (10/12) из 10 ДИГ лексика представлена в 6: «Оружие и боеприпасы» (4/5: *пушечный, сабля, штык* и др.), «Военное сооружение и его часть» (2: *казарма*), «Человек по отношению к военной службе» (2: *генерал* и *офицер*), «Военное подразделение и род войск» (1: *улан*), «Военная техника» (1: *броненосец*), «Военное приспособление» (1: *таран*). В ДИГ «Общие понятия, связанные с военной службой», «Военные действия, мероприятия, их особенности и результат», «Воинское звание», «Амуниция, знак отличия, награда» не представлено ни одной лексемы.

Частотными для класса «Военная служба» оказались существительные *стрела* (2) и *казарма* (2).

Лексика класса «Военная служба» является не столь важной для первого издания «Камня». Лексемы *улан, сабля, казарма* (2), *генерал, офицер*, то есть половина лексем этого класса, представлены в стихотворении «Царское село». Как отмечено в комментариях к этому ПТ в академическом издании «Камня», в этом стихотворении передается «парадно-гвардейский колорит, который так ярко окрашивал в былое время этот город» [Мандельштам, 1991, с. 295].

Лексема *стрела* встречается в двух контекстах. Первый из стихотворения «Сегодня дурной день...»: «Мелькающих *стрел* звон // и вещей ворон крик... // Я вижу дурной сон, // за мигом летит миг». Второй – из «Я ненавижу свет...»: «Будет и мой черед – // чую размах крыла. // Так – но куда уйдет // мысли живой *стрела*?» В первом стихотворении существительное *стрела* употреблено в прямом значении, во втором – в переносном, в контексте метафоры *мысли живой стрела* актуализируются семы «скорость», «стремительность».

В классах «**Государство, власть и общественный порядок**» (5), «**Право**» (5), «**Сфера обслуживания**» (4), «**Медицина**» (2), «**Развлечения и**

отдых» (2), «Производство» (1), «Техника» (1) представлено от 5 до 1 лексем.

В классе «Государство, власть и общественный порядок» представлено 5 лексем: *государство, Россия, правительственный, посольство и царь*. К классу «Право» относятся 5 лексем: *судить, судья, теоретик, узник и правовед*. В классе «Сфера обслуживания» выявлено 4 лексем: *бар, ресторан, свита, прилавок*. В классе «Медицина» представлено 2 лексем – *лекарство и сладкий*. В классе «Техника» представлена одна лексема – *часы*. К классу «Развлечения и отдых» относится одна лексема – *прогулка*. В классе «Производство» представлена всего одна лексема – *рабочий*. Все эти лексем оказываются на периферии «Общественно-государственной сферы» и не являются концептуально важными для ИАКМ, репрезентированной в первом издании книги «Камень».

Ближайшая периферия: «Неживая природа», «Человек как живое существо» и «Конкретная физическая деятельность»

В *ближайшей периферии* представлены следующие идеографические сферы: «Неживая природа», «Человек как живое существо» и «Конкретная физическая деятельность».

Сфера «Неживая природа»

В сфере «**Неживая природа**» представлено 84 лексем (118), больше всего в ДИГ «Оптические явления и их признаки» (32/45: *облако, радуга, туча* и др.), следом представлены ДИГ «Водное пространство, водный поток, их части и признаки» (16/22: *волна, дно, пенить* и др.), «Небесное пространство и небесные тела» (10/16: *вышина, небеса, твердь* и др.), «Ветер и его признаки» (7/12: *ветер* (6), *западный, метель* и др.), «Минералы» (7/8: *камень* (2), *алмаз, гранит* и др.), «Атмосферные осадки и их признаки» (7/8: *снежный* (2), *дождь, ледяной* и др.), «Погода, климат и их признаки» (6/7: *мороз, светлый, солнечный* и др.), «Возвышенности, их части и признаки» (4: *гора, дюна, скала* и др.), «Углубления» (3: *грот, недра, перен., пропасть*), «Земная поверхность и ее признаки» (2: *берег и песок*), «Общие

понятия, связанные с природой» (1: *земной*), «Атмосфера и ее состояние» (1: *душный*), «Стихии и их признаки» (1: *лавина*), «Огонь и его признаки» (1: *костер*). В ДИГ «Материки и части света», «Почва и ее признаки», «Функциональное состояние природных явлений и объектов» не представлено ни одной лексемы.

В ДИГ «Оптические явления и их признаки» лексема *туман*, встречающаяся заметно чаще остальных, является маркером символизма, который, по замечанию С. Голдберга, О. Э. Мандельштам пытался преодолеть: «Поэзия Мандельштама 1912 года <...> представляет собой процесс длительного и неуловимого «преодоления» [символизма]» [Голдберг, 2020, с. 77]. Д. В. Фролов отмечает, что лексемы *туман* и *туманный* в стихах, написанных до 1913 года, сохраняют «свою обычную символистскую семантику» [Фролов, 2009, с. 83]. Однако миру туманному, неопределенному, навязанному символистской картиной мира, поэт пытается противопоставить ясный логический мир, увиденный сквозь призму акмеизма: «Мы не летаем, мы поднимаемся только на те башни, какие сами можем построить» [Мандельштам, 1990, с. 190]. Именно этот факт определил использование поэтом лексем *свет*, *луч*, *светлый*, *сиять*, *солнечный*, *солнце*, *светло*.

На втором месте по количеству лексем в денотативной сфере «Неживая природа» представлена ДИГ «Водное пространство, водный поток, их части и признаки» – 10 лексем (16): *морской* (3), *пена* (3), *вода* (2), *Нева* (2), *волна*, *дно*, *зыбь*, *море*, *пенить*, *пучина*. Появление лексем, связанных с водным пространством, определяется тематикой ряда стихотворений: «Silentium» и «Раковина» (топос этих ПТ – морской берег), «Петербургские строфы» и др.

На третьем месте по количеству словоупотреблений представлена ДИГ «Небесное пространство и небесные тела» – 6 лексем (13): *звезда* (5), *небо* (3), *Луна* (2), *вышина*, *небеса*, *твердь*.

В первом издании книги «Камень» символизм преодолевается не только противопоставлением тумана и света, но и тем, что

О. Э. Мандельштамом «отрицаются культовые для символистов «звезды» [Бреева, 2018, с. 11]. «Я ненавижу свет однообразных звезд» [Мандельштам, 1991, с. 29], – так начинается одно из стихотворений сборника. Однако было бы неверным утверждать, что поэт полностью отрекается от опыта предшественников. В стихотворении «Нет, не луна, а светлый циферблат...», по мнению О. А. Лекманова, акмеизм утверждается как «прежде всего не противопоставление “звездного” “земному”, “млечному”, а «живое равновесие» (цитата из самого Мандельштама)» [цит. по: Лекманов, 2016, с. 75].

На четвертом месте по количеству словоупотреблений находится ДИГ «Ветер и его признаки» – 7 лексем (12): *ветер* (6), *западный*, *играть*, перен., *кружиться*, перен., *метель*, *черный*, перен., *широкий*, перен. Как отмечает Д. Лебедев, в ранней поэзии О. Э. Мандельштама «творчество предстает <...> как забвение смерти в “маленьком царстве”, в котором отсутствует ее угроза, отсутствует ветер» [Лебедев, 2022, с. 74]. Этот факт обуславливает малое количество словоупотреблений в группе «Ветер и его признаки».

Далее идут ДИГ, в каждой из которых представлено менее 8 словоупотреблений. «Минералы» (7/8): *камень* (2), *гранит*, *мраморный*, *песок*, *каменный*, *алмаз*, *хрусталь*. Обратим внимание на лексему *камень*, которая вынесена в заглавие книги. В первом издании она встречается всего в двух стихотворениях. Первый контекст из концептуально важного стихотворения «Я ненавижу свет однообразных звезд», в котором О. Э. Мандельштам демонстративно «присягает» новому литературному направлению – акмеизму: «Кружевом, камень, будь, и паутиной стань...» [Мандельштам, 1990, с. 29]. Второй контекст – из стихотворения «Змей», которое не было взято автором во второе и третье издания книги: «На жестких камнях пляшет больной удав, свиваясь и клубясь...».

В ДИГ «Атмосферные осадки и их признаки» представлено 7 лексем (8): *алмаз*, перен., *дождь*, *ледяной*, *снежный*, *струиться*, перен., *сугроб*, *улей*, перен. В ДИГ «Погода, климат и их признаки» – 6 лексем (7): *сырой* (2),

мороз, светлый, солнечный, темный, холодный. В ДИГ «Возвышенности, их части и признаки» – 4 лексемы: *гора, дюна, сени, скала*. В ДИГ «Углубления» – 3 лексемы: *грот, недра, перен., пропасть*. В ДИГ «Земная поверхность и ее признаки» (2 лексемы): *берег, песок*. В остальных группах представлено по одной лексеме: «Общие понятия, связанные с природой» – *земной*; «Атмосфера и ее состояние» – *душный*; «Стихии и их признаки» – *лавина*; «Огонь и его признаки» – *костер*.

Чаще других в сфере «Неживая природа» встречались лексемы *ветер* (6), *туман* (6), *звезда* (5), *свет* (4), *луч* (3), *морской* (3), *небо* (3), *пена* (3), *вода* (2), *камень* (2), *луна* (2), *Нева* (2), *светлый* (2), *сиять* (2), *сумрак* (2), *сырой* (2), *снежный* (2).

Сфера «Человек как живое существо»

Сфера «**Человек как живое существо**» (79/148) состоит из классов: «Физиологические и бытовые потребности человека» (45/50), «Человек как живой организм» (34/42) и «Процесс жизненного существования человека» (10/56).

В классе «Физиологические и бытовые потребности человека» представлено 45 лексем (50), в нем выделяются ДИГ: «Питание» (14/18: *пьяный* (4), *вино, ужинать* и др.), «Быт» (10/11: *стул, ваза, кубок* и др.), «Одежда и обувь» (9: *вуаль, платок, шинель* и др.).

Поэты-символисты писали о небесном, неземном. Акмеисты, к которым относил себя О. Э. Мандельштам, считали, что и в земной жизни можно найти поэзию. Немыслимыми для символистской поэзии были, например, стихотворения «Старик», «Казино» и «Золотой». В этих ПТ молодой стихотворец подробно описывает предметы быта, которые окружают его лирического героя (*скатерть, сосуд, стул* и др.), еду (*бисквит, сайка, сбитень* и др.), напитки и состояние опьянения (*вино, опьянение, пьяный* и др.).

В классе «Человек как живой организм» представлено 34 лексем (42), самой заполненной ДИГ является «Форма и строение организма человека»

(17/20: *тело* (3), *глаз* (2), *сердце* (2) и др.). Следом представлена ДИГ «Физиологические состояния и процессы, характерные для человека», к ней было отнесено 15 лексем (20), среди них самые часто встречающиеся: *дышать* (4) (а также ряд однокоренных – *вдыхать* (2), *дыхание*) и *сон* (2). На последнем месте по количеству лексем в классе «Человек как живой организм» представлены ДИГ «Жесты и движения живого существа и их характеристики» (*жест* и *широкий*, перен.) и «Совокупность людей» (*орава* и *сброд*).

О. Э. Мандельштам открывает свою дебютную книгу вопросом: «Дано мне *тело* – что мне делать с ним // с таким единым и таким моим?» Лирический герой стихотворения «Дыхание» остро осознает свою телесность, неразрывную связь физиологического и духовного. Об этом поэт писал в «Утре акмеизма»: «Мы не хотим развлекать себя прогулкой в «лесу символов», потому что у нас есть более девственный, более дремучий лес – божественная физиология, бесконечная сложность нашего темного организма» [Мандельштам, 1991, с. 189]. Особое внимание к физиологичности, телесности – акмеистическая черта в ранней поэзии О. Э. Мандельштама. Именно поэтому можно утверждать, что лексика ДИГ, составляющих класс «Человек как живой организм», является концептуально важной для первого издания «Камня».

Особое место среди лексики ДИГ «Физиологические состояния и процессы, характерные для человека» занимают слова, номинирующие дыхание человека: *дышать* (4), *вдыхать* (2) и *дыхание*. Лирический герой чуток не только к своему дыханию (например, «Целый день сырой осенний воздух // Я *вдыхал* в смятенье и тоске»), но и к ритмическим процессам, напоминающим его: движению морских волн («Спокойно *дышат* моря груди») и качанию древесных ветвей («Смутно-*дышащими* листьями // Черный ветер шелестит»).

К классу «Процесс жизненного существования человека» отнесено 10 лексем (56), в нем выделяются ДИГ «Человек определенного возраста или

пола» (9: *я* (48), *дама*, *мужик* и др.) и ДИГ «Периоды жизни человека» (1: *мощи*, перен.)

Лидирует по количеству словоупотреблений лексема *я* (48), с помощью которой лирический герой «Камня» называет себя. Из 23 стихотворений, составляющих первое издание «Камня», 4 стихотворения начинаются с местоимения *я* («Пешеход», «Я ненавижу свет...», «Казино» и «Лютеранин») еще в 2 стихотворениях оно встречается в первом же стихе («Дыхание», «Раковина»). Всего в поэзии О. Э. Мандельштама с местоимения *я* начинаются 29 стихотворений [Мандельштам, 1990, с. 623]. Первое издание «Камня» – это книга о формировании личности поэта, становлении его как художника, именно поэтому молодому стихотворцу было очень важно говорить от первого лица.

Сфера «*Конкретная физическая деятельность*»

Сферу «**Конкретная физическая деятельность**» (65/72) составляют классы «Перемещение» (24/27), «Движение» (19/21), «Физическое воздействие на объект» (10), «Помещение» (7/9) и «Созидательная деятельность» (5).

В классе «Перемещение» доминирует ДИГ «Направленное перемещение» (16/19: *вылететь*, *спуститься*, *уходить* и др.), следом за ней представлена ДИГ «Ненаправленное перемещение» (8: *блуждать*, *бродить*, *круг* и др.).

В классе «Движение» по количеству лексем лидирует ДИГ «Направленное движение» (9/11: *лечь* (2), *бросить*, *стекать* и др.), следом идет ДИГ «Характер движения» (10: *клубиться*, *медлительный*, *лететь* и др.). Отметим, что в ДИГ «Ненаправленное движение» и «Направление движения» не представлено ни одной лексем.

Класс «Физическое воздействие на объект» состоит из ДИГ «Отрицательное воздействие на любой объект и его результат» (5: *зачеркнуть*, *разъедать*, *ранить*, перен. и др.) и «Соединение и разделение» (3: *ломать*, *распутывать* и *снять*), также в нем представлены ДИГ

«Нанесение удара» (1: *стучать*), «Прикосновение» (1: *ранить*, перен.), «Повреждение тела живого существа» – в каждой по одной лексеме. В ДИГ «Давление», «Очищение и удаление объекта», «Обработка объекта и рытье», «Пропитывание» и «Избавление» не представлено ни одной лексемы.

В классе «Помещение» по количеству лексем доминирует ДИГ «Покрытие объекта» (5/6: *одевать* (2), *нацепить*, *опоясывать* и др.), следом представлены ДИГ «Открытие объекта» (2: *открыть* (2)) и «Помещение объекта» (1: *забиться*). В ДИГ «Помещение субъекта», «Включение субъекта в состав чего-либо», «Скрывание объекта», «Закрытие объекта» лексемы не представлены.

ДИГ «Сохранение объекта» (3: (не) *покоробить*, (не) *сокрушить* и *пережить*, перен.) доминирует по количеству лексем в классе «Созидательная деятельность», следом представлены ДИГ «Отчуждение объекта» (1: *похитить*) и «Наполнение объекта» (1: *наполнить*). Обратим внимание на тот факт, что из 11 ДИГ класса «Созидательная деятельность», представленных в Синописе, в первом издании «Камня» встречается лексика только трех ДИГ: в ДИГ «Создание объекта в результате трудовой деятельности», «Собирание объекта», «Приведение объекта в прежнее состояние», «Поиск объекта», «Приобретение объекта», «Обладание объектом», «Утрата объекта», «Лишение объекта» и «Передача объекта» не представлено ни одной лексемы.

Дальнейшая периферия: «Живая природа», «Язык и речь», «Вещества и материалы», «Социальная сфера жизни человека», «Нации», «Населенный пункт», «Сверхъестественное» и «Родственные и семейные отношения»

В *дальнейшей периферии* представлены идеографические сферы «Живая природа», «Язык и речь», «Вещества и материалы», «Социальная сфера жизни человека», «Нации», «Населенный пункт», «Сверхъестественное» и «Родственные и семейные отношения».

Сфера «Живая природа»

Идеографическая сфера «Живая природа» (33/42) состоит из двух классов: «Живое существо» (24/30) и «Растительный мир» (9/12).

В классе «Живое существо» доминирует ДИГ «Животное как организм» (13/17: *ворона, крыло, паутина* и др.), следом за ним представлена ДИГ «Живое существо (человек и животное) как организм» (11/13: *бездыханный, больной, трепетание* и др.). Больше всего лексем относится к подгруппам «Птицы» (6/10) и «Физиологические процессы и состояния живого существа, их признаки» (6).

В ДИГ «Животное как организм» больше всего лексем представлено в подгруппе «Птицы»: *птица* (3), *ласточка* (2), *чайка* (2), *ворона, крыло, размах*; а также в подгруппе «Физиологические процессы и состояния живого существа, их признаки»: *больной, рост, трепетание, трепетать, усталый, утомляться*.

В поэзии О. Э. Мандельштама птицы встречаются достаточно часто, это и ласточки («Я слово позабыл, что я хотел сказать...» и др.), и воробьи («Московский дождик» и др.), и щеглы («Мой щегол, я голову закину...» и др.), и чайки («Петербургские строки»), и многие другие. Стоит вспомнить, что поэт планировал назвать свою вторую книгу «Слепая ласточка». В первом издании книги «Камень» поэт использует лексему *птица* только в сравнениях («Божье имя, как большая *птица* // вылетело из моей груди...», «Я печаль, как *птицу* серую // в сердце медленно несу»). В остальных случаях он всегда указывает вид птицы: *ласточка* («И трепещущая *ласточка* // В темном небе круг чертит», «Я *ласточкой* доволен в небесах, // И колокольни я люблю полет!», *чайка* («Люблю следить за *чайкою* крылатой!», «Черпали воду ялики, и *чайки* // Морские посещали склад пеньки»), *ворона* («И вещей *ворон* крик»).

В первом издании «Камня» встречаются насекомые в метафорических контекстах «кузнечиков хор спит» и «здесь – трепетание *стрекоз*», а также

змея («Я как змеей танцующей измучен» и «На жестких камнях пляшет // больной удав, свиваясь и клубясь»).

В ДИГ «Живое существо (человек и животное) как организм» представлена лексика, номинирующая усталость человека (*усталый, утомляться*), болезненное состояние живого существа (*больной, раненый*) и его смерть (*бездыханный, покойный, смерть*). Разделяя теорию С. Голдберга о том, что порядке расположения стихотворений в книге «Камень» О. Э. Мандельштам пытался добиться эффекта маятника [Голдберг, 2020, с. 76], в выборе лексики из ДИГ «Живое существо (человек и животное) как организм», которую поэт употребил в своей книге, мы видим попытку создать декадентско-символистский полюс книги (см. подробнее в теоретической главе).

В классе «Растительный мир» самой заполненной является ДИГ «Части растения и его плодов» (4: *лист, листва, цветок* и др.), остальные ДИГ представим в порядке убывания количества лексем: «Совокупность растений» (2/4: *лес* (3) и *чаща*), «Названия растений» (2/3: *роза* (2) и *сирень*), «Общие понятия, связанные с растениями» (1: *дерево*). В ДИГ «Грибы», «Признаки, свойства растения и его плодов» лексемы не представлены.

В классе «Растительный мир» больше всего представлена лексема *лес* (3) ДИГ «Совокупность растений»; в первом издании «Камня» лес предстает не только как часть хронотопа («И над лесом вечереющим // Стала медная луна...», «Скудный луч, холодной мерою, // Сеет свет в сыром лесу...»), но и как отражение стихийности природы, которой, по мнению поэта, уподоблялся готический стиль («Стихийный лабиринт, непостижимый лес, // Души готической рассудочная пропасть...»).

Сфера «Язык и речь»

Сферу «Язык и речь» (25/33) составляют два класса: «Язык» (5/9) и «Речь» (20/24). Больше всего лексем относится к ДИГ «Речевое сообщение» – 10 лексем (13: *сказать* (2), *имя, ответить* и др.). Остальные ДИГ укажем в порядке убывания количества лексем: в классе «Язык» – «Язык, языковые

единицы и явления» (2/6: *слово* (5) и *тяжесть*, перен.), «Текст» – 2 лексемы (*гимн* и *признание*) и «Знак и его использование» (1: *имя*); в классе «Речь» – «Речевое воздействие» (5/6: *о* (2), *да*, *убедительно* и др.), «Речевое общение» – 2 лексемы (*беседа* и *речь*), «Характеристики речи человека» (2: *витийствовать* и *несвязный*) и «Отсутствие навыка устной речи» (*немота*).

Обратим внимание, что в классе «Язык» в ДИГ «Языковые категории», «Уровни языка», «Языки, подязыки» не представлено ни одной лексемы. В классе «Речь» незаполненной является ДИГ «Характеристика человека по особенностям речи».

В ДИГ «Речевое сообщение» представлено 5 глаголов речевого сообщения: *вылететь* (перен.; «Божье имя, как большая птица, // *Вылетело* из моей груди»), *ответить*, *спросить*, *просить*, *сказать* (2). Первое издание книги «Камень» – книга монологов и аутодиалогов лирического героя, только в стихотворении «Нет, не луна, а светлый циферблат...» представлен обмен репликами: «Который час, его спросили здесь – // А он ответил любопытным: вечность!» Но эта вопросно-ответная конструкция относится к разговору Батюшкова с некими собеседниками, а не к лирическому герою стихотворения, который в текстах первого издания «Камня» либо ведет аутодиалог («Дыхание»: «Дано мне тело – что мне делать с ним, // Таким единым и таким моим?»), либо задает риторические вопросы, как, например, в стихотворении «В душном баре иностранец...»: «Кто, скажите, мне сознанье // Виноградом замутит, // Если явь – Петра созданье, // Медный всадник и гранит?» Отметим, что О. Э. Мандельштам использует риторические вопросы в 8 стихотворениях из 23 («Дыхание», «Смутно-дышащими листьями...», «Отчего душа – так певуча...», «Скудный луч, холодной мерою...», «Змей», «Нет, не луна, а светлый циферблат...», «Золотой» и «Айя-София»).

Концептуально важной лексемой для первого издания книги «Камень» является существительное *немота* ДИГ «Отсутствие навыка устной речи».

О. Э. Мандельштам употребляет эту лексему в стихотворении «Silentium»: «Да обретут мои уста // Первоначальную *немоту* – // Как кристаллическую ноту, // Что от рождения чиста!» Как уже отмечалось выше, в этом стихотворении поэт продолжает традицию, начатую В. А. Жуковским и Ф. И. Тютчевым. В этом стихотворении *немота* является контекстным синонимом к слову тишина, которое ни разу не упоминается в тексте (только в заглавии – «Silentium»).

В классе «Язык» во всех ДИГ представлено от 1 до 2 лексем, однако в ДИГ «Язык, языковые единицы и явления» представлено 6 словоупотреблений. Лексема *тяжесть* употреблена поэтом в стихотворении «Notre Dame» в переносном значении: отстаивая акмеистическое представление о том, что написание стихотворения является не стихийным, бессознательным, а планомерным и выверенным процессом, подобному тому, как каменщик возводит готический собор, лирический герой стихотворения «Notre Dame» уподобляет слова *тяжести*, из которой ему предстоит создать прекрасное.

Также для «Камня» концептуально важна лексема *слово*. О. Э. Мандельштам в программной статье «Утро акмеизма» пишет об этом следующее: «И, если у футуристов слово как таковое еще ползает на четвереньках, в акмеизме оно впервые принимает более достойное вертикальное положение и вступает в каменный век своего существования» [Мандельштам, 1991, с. 188]. Поэт использует эту лексему в четырех стихотворениях: «Silentium» («Она еще не родилась, // Она и музыка и *слово*» и «Останься пеной, Афродита, // И, *слово*, в музыку вернись»), «Змей» («Нет стройных *слов* для жалоб и признаний, // И кубок мой тяжел и неглубок!»), «Старик» («Он богохульствует, бормочет // Несвязные *слова*») и «Лютеранин» («Без *слов*, без слез, скупая на приветы, // Осенних роз мелькнула бутоньерка»), однако только в «Silentium» О. Э. Мандельштам наполняет эту лексему собственным содержанием, делает ее важным элементом своей картины мира. По мысли поэта, граница между *музыкой*,

тишиной и *словом* зыбка, поскольку тишина может быть и музыкой, и словом («Она и музыка, и слово»), а *слово* в первую очередь должно восприниматься как акустический факт («И слово в музыку вернись»). Безусловно, молодой поэт развивает здесь мысли Ф. И. Тютчева («*Silentium*») и Поля Верлена («*Ars Poetica*»: «*De la musique avant toute chose*» – «Музыка превыше всего»).

Сфера «Вещества и материалы»

В сфере «**Вещества и материалы**» (17/19) представлены только 8 ДИГ из 20, представленных в Синописе. Больше всего словоупотреблений в ДИГ «**Металлы**» – (4/5: *железо* (2), *золотой*, *ржавый* и др.), на втором месте ДИГ «**Жидкие вещества**» (2/3: *узор*, перен. (2) и *муть*) и «**Затвердевающие вещества, вязкие массы и смеси**» (3: *стекло*, *стеклянный* и *окно*, перен.). Остальные ДИГ представим в порядке убывания количества лексем: «**Газы**» (2: *воздух* и *дым*), «**Бумага**» (2: *бумажный* и *листва*, перен.), «**Часть вещества**» (2: *ком* и *пыль*), «**Органические вещества**» (1: *жемчужина*) и «**Волокно**» (1: *пенька*).

В ДИГ «**Вещество по физическим и химическим свойствам, биологической активности**», «**Металлические сплавы**», «**Кристаллические и порошкообразные вещества**», «**Жировые, маслянистые вещества**», «**Красящие вещества**», «**Ядовитые, отравляющие, наркотические вещества**», «**Горючие вещества и вещества, образовавшиеся в результате горения**», «**Взрывчатые вещества**», «**Древесина**», «**Кожа и мех**», «**Ткань и ее признаки**», «**Структура вещества**» не представлено ни одного словоупотребления.

В сфере «**Вещества и материалы**» доминируют по количеству словоупотреблений лексемы *железо* (2), *узор*, перен. (2).

В первом издании книги «**Камень**» лексика сферы «**Вещества и материалы**» встречается нечасто. В ДИГ «**Металлы**» входят лексемы *железо* (2), *золотой*, *позолота* и *ржавый*. Сразу два слова – *железо* и *ржавый* – встречаются в первом стихе «**Змея**»: «Осенний сумрак – ржавое железо // Скрипит, поет и разъедает плоть». Сумрак осени погружает лирического

героя в тоску и действует на него разрушительно, подобно тому, как ржавчина разъедает металл. О. Э. Мандельштам убрал это стихотворение из последующих изданий «Камня», на наш взгляд, именно из-за этого слишком ярко-экспрессивного образа, который выглядит чужеродно для его поэтики. В этом же стихотворении О. Э. Мандельштам уподобляет сумрак оковам, которые сковывают лирического героя: «Я слушаю, как узник без боязни, // Железа визг и ветра темный стон!»

Прилагательное *золотой* вынесено в сильную позицию – в заглавие одного из стихотворений. Лирический герой уподобляет звезды монетам: «Я хочу поужинать, – и звезды // Золотые в темном кошельке!» При этом в стихотворении субстантив *золотой* развивает двуденотативность: это и денежный знак, и талант лирического героя (основой этого образа является фразеологизм *разменять талант*). Существительное *позолота* употреблено в стихотворении «Айя-София» в метафоре «и серафимов гулкое рыданье // не покоробит темных позолот».

В остальных ДИГ сферы «Вещества и материалы» употреблено от одной до трех лексем. Концептуально важной для «Камня» является лексема *узор*, употребленная поэтом в переносном значении. *Узор* в стихотворении «Дыхание» – влага, которую человек оставляет дыханием на стекле. Этой метафорой О. Э. Мандельштам прочно связывает в своей картине мира жизнь, смерть, искусство и время.

Лексема *жемчужина*, отнесенная к ДИГ «Органические вещества», так же концептуально важна для первого издания книги «Камень», поскольку изначально поэт хотел назвать свою дебютную книгу «Раковина». «Быть может я тебе не нужен, // Ночь; из пучины мировой, // Как раковина без жемчужин, // Я выброшен на берег твой», – уподобляя себя раковине без жемчужины, то есть без того содержания, которое делает раковину ценной, поэт предлагает «наполнить» себя «шопотами пены, // Туманом, ветром и дождем», тем самым он утверждает, что в его ИАКМ нет вещей, которые не важны.

«Социальная сфера жизни человека»

К идеографической сфере «**Социальная сфера жизни человека**» относятся 16 лексем (17). Больше всего лексем содержит ДИГ «Социальные качества, свойства человека, особенности поведения» (9: *ветренный, детский, лукавый* и др.), за ней следует ДИГ «Человек по социальному положению, мировоззрению, социальным качествам, поведению» – 4 лексемы (5: *князь* (2), *сноб, фрейлина* и др.), в группах «Социальные и межличностные отношения» (*позволять*), «Социальная деятельность» (*этикет*) и «Трудовая деятельность, ее отдельные виды, сферы и аспекты» (*чиновник*) представлено по одной лексеме.

В ДИГ «Общие социальные понятия и категории» идеографической сферы «Социальная сфера жизни человека» не вошло ни одной лексемы.

В ДИГ «Социальные качества, свойства человека, особенности поведения», которая доминирует по количеству лексем в анализируемой сфере, представлена лексика, характеризующая поведение человека по отношению к социальным нормам. В этой ДИГ доминируют прилагательные: *любезный, приличный, скупой, ветренный, детский* и *лукавый*. Обратим внимание, что все эти лексемы относятся не к поведению лирического героя, а к описанию поведения людей, с которыми встречается лирический герой: уланов в «Царском селе», старика в одноименном стихотворении, а также иностранцев, которых встретил лирический герой стихотворения «Лютеранин». В ДИГ «Социальные качества, свойства человека, особенности поведения» представлены не только имена прилагательные, но и глаголы *вымогать* и *привязываться*, а также существительное *чудак* (*снобом* и *чудаком* поэт называет героя стихотворения «Петербургские строфы»).

В ДИГ «Человек по социальному положению, мировоззрению, социальным качествам, поведению» представлены существительные *князь* (2), *сноб* и *фрейлина*, а также прилагательное *мелкий* («мелкие чиновники»). Лексемы *князь* и *фрейлина* употреблены О. Э. Мандельштамом в стихотворении «Поедем в Царское село!». Описывая Царское село, поэт

обращает внимание читателя не только на здания («Казармы, парки и дворцы»), но и на людей, которые встречаются там (*князь, фрейлина* и др.).

Сфера «Нации»

В идеографической сфере «Нации» представлены 6 лексем (9). ДИГ «Племена, нации и народы» (*египетский, римский и японец*) и «Общие понятия, связанные с нациями» (*народ* (3), *чужой* (2) и *иностранец*) совпадают по количеству лексем – по три в каждой, однако в последней представлено 6 словоупотреблений. Отметим, что в сфере «Нации» оказались представлены все ДИГ из Синописа.

В ДИГ «Общие понятия, связанные с нациями» выявлены два имени существительных – *народ* (3) и *иностранец*, а также прилагательное *чужой* (2). Существительное *народ* встречается в двух акмеистических стихотворениях-манифестах О. Э. Мандельштама: «Айя-София» и «Notre Dame». Величие собора Айя-София подчеркивается тем, что на месте, на котором он построен, «остановиться судил Господь *народам* и царям», а самое здание «*народы* и века переживает». В стихотворении «Notre Dame» существительное *народ* и прилагательное *чужой* употреблены в первом стихе: «Где римский судия судил чужой *народ*». Подчеркивая, что судим был не отдельный человек, а целый народ, лирический герой О. Э. Мандельштама обращает внимание читателя на масштаб творения, созданного людьми «из тяжести недоброй», подобно тому, как поэт создает свои стихотворения.

В стихотворении «Лютеранин» лирический герой наблюдает за похоронной процессией *иностранцев*, чужая речь которых ему не слышна. Перед ним люди, говорящие на другом языке, исповедующие другую религию, именно поэтому он может наблюдать лишь внешние проявления эмоций в их поведении. Ему кажется, что прощающиеся почти безразличны («Был взор слезой *приличной* затуманен», т. е. неискренней, требуемой обстоятельствами), однако в последнем катрене он принимает их эмоциональную сдержанность: «И думал я: витийствовать не надо. // Мы не

пророки, даже не предтечи, // Не любим рая, не боимся ада, // И в полдень матовый горим, как свечи».

Сфера «Населенный пункт»

В идеографической сфере «Населенный пункт» представлено 3 лексем (4) и 3 номинативных словосочетания (5): 2 словосочетания (4) относятся к ДИГ «Тип населенного пункта» (Царское село (3), Петра создание), 3 лексем (4) и словосочетание представлены в ДИГ «Часть населенного пункта и место в населенном пункте» (парк (2), мостовая, подворотня, Сенатская *площадь*).

В ДИГ «Совокупность населенных пунктов», «Место расположения населенного пункта», «Человек по месту обитания, по отношению к населенному пункту», «Характеристика населенного пункта по количеству жителей» не представлено ни одной лексемы.

Номинативные словосочетания *Царское село, Петра создание, площадь Сената* сферы «Населенный пункт» позволяют включить «Камень» в петербургский текст русской литературы. В «Петербургских строфах» О. Э. Мандельштам продолжает традицию (начатую А. С. Пушкиным в поэме «Медный Всадник») изображения Петербурга как города, вызывающего одновременно и восхищение («А над Невой — посольства полумира, // Адмиралтейство, солнце, тишина!»), и тревогу, страх. И хотя лирический герой напрямую не говорит о том, что город пугает его, но использование лексем *чудовищна, власяница, холодок итыка* косвенно на это указывает.

В сильную позицию одного из поэтических текстов книги «Камень», в название, вынесено словосочетание *Царское село*, повторяющиеся в рефрене: «Поедем в Царское Село!» Общеизвестно, что О. Э. Мандельштам и его друзья часто посещали это место. Безусловно, это стихотворение так же дополняет петербургский текст русской литературы.

Сфера «Сверхъестественное»

В идеографической сфере «Сверхъестественное» представлено 5 лексем: 4 лексемы представлены в ДИГ «Сверхъестественные существа» (*вещая, муза, сирена* и др.), одна лексема – *таинственный* – относится к группе «Признак сверхъестественности».

В группах «Сверхъестественные явления», «Сверхъестественные способности и процессы» и «Человек, обладающий сверхъестественными способностями» не представлено ни одной лексемы.

В первом издании книги «Камень» редко встречаются сверхъестественные существа. В ироническом стихотворении «Старик» поет *сирена*, существо из древнегреческих мифов, в «Змее» лирический герой отказывается от традиционной для русской поэзии XIX века *Музы*: «Я не хочу души своей излучин, // И разума, и Музы не хочу...». Имя бога северного ветра в древнегреческой мифологии, *Аквилона*, упоминается в стихотворении «Отчего душа – так певуча...» как номинация неожиданного ритмического рисунка стихотворения. Прилагательное *вещие* относится к воронам, которые в поэзии и фольклоре часто наделяются сверхъестественными способностями.

Таинственными лирический герой О. Э. Мандельштама называет «высоты» в стихотворении «Пешеход»: «Я чувствую непобедимый страх // В присутствии таинственных высот...» Поэт в очередной раз подчеркивает свое сложное отношение к символизму, представители которого утверждали, что искусство должно воспевать таинственное и непознаваемое. Лирический герой О. Э. Мандельштама предпочитает вместо этого запечатлеть полет ласточки и красоту храма: «Я ласточкой доволен в небесах, // И колокольни я люблю полет!»

Сфера «Родственные и семейные отношения»

В сфере «Родственные и семейные отношения» представлена лексема *жена*, она относится к группе «Люди по отношению к браку, супружеству и виды супружеских отношений».

В ДИГ «Люди, связанные наличием общих предков», «Семья и ее члены, человек по отношению к семье», «Люди, ставшие родственниками через христианский обряд крещения» и «Вид брака» лексемы не представлены.

Лексема *жена* является именем существительным, она употреблена в прямом значении («Встречает пьяного Сократа // Суровая жена!»). Употребление существительного *жена* в контексте иронического стихотворения «Старик» неслучайно: эта лексема номинирует супругу героя стихотворения, и символизирует домашний быт, от которого пытается скрыться старик, праздный гуляка.

2.3. Обобщение по идеографическим сферам, формирующим ИАКМ О. Э. Мандельштама в первом издании книги «Камень»

Итак, нами был представлен опыт структурирования и интерпретации ИАКМ О. Э. Мандельштама, репрезентированной в его дебютном сборнике «Камень» (1913 г.). Обобщим полученные результаты.

Лексика денотативной сферы «**Восприятие окружающего мира**» количественно преобладает в первом издании книги О. Э. Мандельштама «Камень», она формирует *ядро* ИАКМ. Доминирующее положение в этой сфере занимает лексика, относящаяся к денотативному классу «**Время**», больше всего в нем представлено лексем в ДИГ «Время относительно момента речи».

Темпоральная картина мира в ПТ первого издания книги «Камень» О. Э. Мандельштама характеризуется однообразием описываемых времен года (лирические сюжеты в сборнике в основном развиваются осенью и зимой). В ряде стихотворений, относящихся к философской лирике (например, в ПТ «Дыхание», «Silentium», «Раковина» и др.), определить время года затруднительно, поскольку лирические сюжеты разворачиваются в них *вне времени*. Незначительное преобладание в ДИГ «Часть суток» лексики, номинирующей светлое время суток (*день* (4), *утро* (2), *полдень*),

над лексикой, номинирующей ночное время (*ночь (2), вечереть, полуночный, сумерки*), подчеркивает преобладание «светлого», аполлонического, полюса акмеизма над «темным», дионисийским полюсом символизма. Важной оппозицией для *темпоральной картины мира* О. Э. Мандельштама является *миг – вечность*: пытаюсь найти свое место в истории, в культуре, лирический герой ранних стихов О. Э. Мандельштама сталкивает текущий момент времени с вечностью.

Далее представлен класс «**Акустическое восприятие**», в нем доминирует лексика ДИГ «Звуки, их разновидности и источник». Попадание анализируемого класса в ядро ИАКМ подтверждает важность для О. Э. Мандельштама *звучания* стиха (поэт сочинял стихотворения в уме, множество раз проговаривая каждое слово).

Знаковой оппозицией для *акустической картины мира* О. Э. Мандельштама в первом издании книги «Камень» является *говорить – молчать*: поэт развивает мотив *молчания*, который начал в русской поэзии В. А. Жуковский в стихотворении «Невыразимое» и продолжил Ф. И. Тютчев в стихотворении «Silentium».

Следом представлен класс «**Пространство**», самой наполненной в нем является ДИГ «Расположение в пространстве». *Пространственная картина мира* в дебютном сборнике поэта разнообразна, в ПТ описаны как реальное географическое, так и психологическое пространство, как природные ландшафты (морской берег, лес и др.), так и городские локации (казино, бар и др.). Лексика классов «**Время**» и «**Пространство**» формирует *хронотон* стихотворений дебютного сборника.

В классе «**Восприятие предмета**» доминирует лексика ДИГ «Величина, размер, вес», знаковой оппозицией является *большой – малый*: соизмеряя масштабы окружающих предметов, лирический герой пытается найти свое место в мире (он и *цветок* в бескрайней темнице мира в ПТ «Дыхание», он и *раковина*, выброшенная на берег из «пучины мировой» в ПТ

«Silentium», он и робкий молодой поэт, стоящий перед величественным и древним собором Notre Dame).

Далее представлен класс **«Зрительное восприятие»**, в нем доминирует лексика ДИГ «Цвет». *Цветовая картина мира* анализируемых ПТ разнообразна (представлены как светлые, так и темные тона). Ряд лексем, относящихся к этому классу, определяют символистский пафос первого издания «Камня»: *затуманить, мутный, туманный* и др.

Меньше всего лексем в сфере «Восприятие окружающего мира» представлено в классах «Количество, мера», «Осязательное восприятие», «Обонятельное восприятие». В стихотворениях первого издания книги «Камень» точное количество чего-либо указывается лишь в четырех контекстах, чаще лирический герой использует лексику ДИГ «Много/мало». Малое количество словоупотреблений в классах «Осязательное восприятие» и «Обонятельное восприятие» подчеркивает, что для ИАКМ О. Э. Мандельштама *слух и зрение* были намного важнее, чем *обоняние и осязание*.

Вхождение в *приядерную* зону денотативной сферы **«Человек и его внутренний мир»** (классы «Эмоции», «Интеллект» и «Оценка») вполне закономерно: на наш взгляд, оно свидетельствует о важности *самопознания* для ИАКМ О. Э. Мандельштама, реализованной в первом издании книги «Камень». Лирический герой дебютного сборника поэта проходит путь становления: от человека, ищущего свое место в мире («Дыхание»: «Дано мне тело – что мне делать с ним? <...> За радость тихую дышать и жить // кого, скажите, мне благодарить?»), до поэта, создающего прекрасное («Notre Dame»: «Но чем внимательней, твердыня Notre Dame, // Я изучал твои чудовищные ребра, – // Тем чаще думал я: из тяжести недоброй // И я когда-нибудь прекрасное создам»). Он исследует не только мир вокруг, но и свой внутренний мир. В эмоциональной палитре дебютной книги О. Э. Мандельштама преобладают отрицательные эмоции (*печаль* (4), *тоска* (3), *страх* (2) и негативные оценки (*дурной* (2), *проклятый, грузный*).

Отметим, что эмоциональное постижение мира лирическим героем О. Э. Мандельштама значительно доминирует над интеллектуальным (лексем, относящихся к классу «Эмоции», представлено в два раза больше, чем лексем класса «Интеллект»).

Сфера «**Универсальные представления, смыслы и отношения**» (классы «Универсальные смыслы», «Универсальные представления», «Универсальные отношения» и «Онтологические явления») также входит в приядерную зону ИАКМ О. Э. Мандельштама. Концептуально важной для дебютной книги поэта является лексика ДИГ «Интенсивность/неинтенсивность», при этом доминирует лексика подгруппы «Интенсивность» («И *страстно* стучит рок // в запретную дверь, к нам...»). Также важной оказывается лексика ДИГ «Вопрос/отрицание/согласие»: в 23 стихотворениях сборника отрицательная частица *не* употребляется 28 раз, этот факт подтверждает мнение Ю. И. Левина о том, что поэтику О. Э. Мандельштама следует характеризовать как «негационную».

Первое издание «Камня» – это книга о становлении поэта: от рождения до осознания себя творцом (от «Дано мне тело...» до «И я когда-нибудь прекрасное создам»). Поэтому для сборника особенно концептуально важна лексика ДИГ «Начало бытия, существования, действия». Такие лексемы, как *родиться, рождение, дать* (тело) и *первоначальный* подчеркивают начало пути поэта в стихотворениях «Дано мне тело – что мне делать с ним...» и «Silentium».

В ДИГ «Существование» представлена лексика, номинирующая в прямом или переносном значении жизнь лирического героя или других людей, встречающийся в стихотворениях «Камня». Особое внимание поэта к мотиву *жизни* обусловлено акмеистическим пафосом ряда стихотворений сборника.

Для раннего периода поэзии О. Э. Мандельштама важен опыт поэта-метафизика Ф. И. Тютчева. Для метафизической поэзии характерно особое внимание к таким онтологическим категориям, как *вечность, жизнь, душа,*

вдохновение, судьба, свобода, смерть и др. Большое количество словоупотреблений в классе «Онтологические, бытийный категории» позволяет отнести творчество О. Э. Мандельштама к философской лирике.

Третьей сферой, входящей в приядерную зону ИАКМ О. Э. Мандельштама, является «**Общественно-государственная сфера**». В этой сфере доминирующее положение занимает лексика классов «Строительство», «Религия» и «Искусство». Акмеистическая концепция поэзии предполагала, что стихотворец подобен зодчему, возводящему величественный собор. Также в ранний период творчества О. Э. Мандельштам находился в процессе напряженного духовного поиска. Это обусловило тесную связь лексики сфер «Строительство», «Религия» и «Искусство». Концептуально важными для анализируемой сферы являются лексемы *музыка* и *узор*: первая связывает в ИАКМ такие категории, как искусство, душа, бездна, вторая – искусство, жизнь и вечность.

В ближайшей периферии доминирующее положение занимает лексика сферы «**Неживая природа**». Больше всего словоупотреблений представлено в ДИГ «Оптические явления и их признаки», в которой отразилась борьба символизма и акмеизма: традиционным маркерам первого (*туман* (6), *сумрак* (2), *туманный* и др.) противопоставлены маркеры нового литературного направления (*свет, луч, светло* и др.). Употребление лексемы *звезда* также отражает сложную позицию лирического героя: он и «отрекается» от традиционных для символизма звезд («Я ненавижу свет однообразных звезд...»), и утверждает их «близость» для него («... и чем я виноват, // Что слабых звезд я осязаю млечность?»).

Следом представлена сфера «**Человек как живое существо**», в которой доминирующее положение занимает лексика ДИГ «Форма и строение организма человека». О. Э. Мандельштам начинает свой дебютный сборник стихотворением «Дыхание», в котором в первом же стихе лирический герой остро ощущает свою *телесность*: «Дано мне *тело* – что мне делать с ним // таким единым и таким моим?» Именно принятие своей

физиологичности, телесности отличает поэзию акмеизма от символизма, для которого было характерно возвеличивать духовное над телесным. Такие ПТ, как «Старик», «Казино» и «Золотой», в которых особое место занимает лексика ДИГ «Быт» и «Питание» были бы просто невозможны в рамках символистской парадигмы, отрицающей важность бытовой жизни человека. Ключевой лексемой для сферы «Человек как живое существо» является *дыхание*: это слово концептуально объединяет в поэзии О. Э. Мандельштама духовное и телесное, вечное и сиюминутное.

Лексика сферы **«Конкретная физическая деятельность»** (классы «Перемещение», «Движение», «Физическое воздействие на объект», «Помещение» и «Созидательная деятельность», функционируя в ПТ первого издания книги «Камень», создает не статичную, а динамичную ИАКМ О. Э. Мандельштама.

К дальнейшей периферии ИАКМ О. Э. Мандельштама, репрезентированной в первом издании книги «Камень», относится лексика сфер **«Живая природа»**, **«Язык и речь»**, **«Вещества и материалы»**, **«Социальная сфера жизни человека»**, **«Нации»**, **«Населенный пункт»**, **«Сверхъестественное»** и **«Родственные и семейные отношения»**.

Лексика сферы **«Живая природа»** используется поэтом для описания топоса стихотворений (*лес* (3), *чаща*), окружающего пейзажа (*дерево*, *цветок* и др.).

В сфере **«Язык и речь»**, на наш взгляд, наиболее концептуально важной лексемой является *слово*: развивая идеи Ф. И. Тютчева («*Silentium*») и Поля Верлена («*Ars Poetica*»), молодой поэт стирает границу между *музыкой*, *тишиной* и *словом*, поскольку тишина может быть, по его мнению, и музыкой, и словом («Она и музыка, и слово»), а *слово* в первую очередь должно восприниматься как акустический факт («И слово в музыку вернись»).

В сфере **«Вещества и материалы»** концептуально важной лексемой являются *жемчужина*, поскольку О. Э. Мандельштам изначально хотел

назвать свою книгу не «Камень», а «Раковина». Эта лексема встречается в следующем контексте: «Быть может я тебе не нужен, // Ночь; из пучины мировой, // Как раковина без жемчужин, // Я выброшен на берег твой». Уподобляя себя раковине без жемчужины, поэт предлагает «наполнить» себя «шопотами пены, // Туманом, ветром и дождем», тем самым он утверждает, что в его ИАКМ нет вещей, которые не важны: все в мире ценно не из-за своих особых качеств, а само по себе, просто благодаря самому факту существования.

В «Социальной сфере жизни человека» больше всего лексем содержат ДИГ «Социальные качества, свойства человека, особенности поведения» и ДИГ «Человек по социальному положению, мировоззрению, социальным качествам, поведению», с помощью которых лирический герой номинирует или характеризует людей вокруг: *князь, сноб, ветреный* и т. д.

В каждой из сфер «Нации», «Населенный пункт», «Сверхъестественное» и «Родственные и семейные отношения» представлено менее 10 словоупотреблений. На наш взгляд, среди этих сфер концептуальное значение для первого издания «Камня» имеют словосочетания из сферы «Населенный пункт»: *Царское село, Петра создание, Сенатская площадь*. Они позволяют отнести дебютный сборник поэта к *петербургскому тексту русской литературы*.

Выводы по второй главе исследования

В данной главе исследования нами:

1. Был описан метод поэтической идеографии, который опирается на общую теорию идеографической лексикографии, концепцию идеографических словарей, разработанную Л. Г. Бабенко и реализованную авторским коллективом ученых-лексикографов УСП, а также на достижения в области традиционной авторской лексикографии.

2. Метод поэтической идеографии позволяет выявить системно организованную лексику анализируемых ПТ, которая отображает внешний и

внутренний мир поэта, что, соответственно, является основой структурирования и формирования ИАКМ; метод ПИ дает возможность *структурировать* и *интерпретировать* ИАКМ.

3. С помощью метода поэтической идеографии нами была проанализирована лексика, функционирующая в 23 стихотворениях первого сборника О. Э. Мандельштама «Камень» (первое издание, 1913 г.).

4. С помощью полевого моделирования нами была структурирована ИАКМ О. Э. Мандельштама, репрезентированная в первом издании книги «Камень»: в *приядерной зоне* представлены лексемы, относящиеся к идеографическим сферам «Человек и его внутренний мир» (203/230), «Универсальные представления, смыслы и отношения» (165/389) и «Общественно-государственная сфера» (164/199). В *ближайшей периферии* представлены следующие идеографические сферы: «Неживая природа» (84/118), «Человек как живое существо» (79/148) и «Конкретная физическая деятельность» (65/72). В *дальнейшей периферии* представлены идеографические сферы «Живая природа» (33/42), «Язык и речь» (26/35), «Вещества и материалы» (17/19), «Социальная сфера жизни человека» (16/17), «Нации» (6/9), «Населенный пункт» (6/8), «Сверхъестественное» (5) и «Родственные и семейные отношения» (1).

5. Была интерпретирована каждая идеографическая сфера, входящая в ИАКМ О. Э. Мандельштама, репрезентированную в первом издании книги «Камень».

Глава 3. Концепция авторского идеографического словаря языка

О. Э. Мандельштама: принципы составления, структура словарной статьи

Целью данной главы является разработка концепции авторского идеографического словаря как способа отображения индивидуально-авторской картины мира. Реализация этой цели предполагает создание модели идеографического описания лексики в поэтическом тексте, разработку глобальной структуры, макро- и микроструктуры планируемого словаря языка О. Э. Мандельштама на материале первого издания книги «Камень», а также написание словарных статей к стихотворениям «Дыхание», «Нет, не луна, а светлый циферблат...» и «Notre Dame».

3.1. Глобальная структура, макро- и микроструктура словаря языка О. Э. Мандельштама

Авторский идеографический словарь языка поэта является словарем нового типа, при работе над которым мы обращались как к лексикографическим традициям, так и к инновациям в лексикографии конца XX – начала XXI века.

Словарь языка О. Э. Мандельштама на материале книги «Камень» представляет собой комплексный словарь, совмещающий черты традиционного толкового словаря, словаря языка писателя и идеографического словаря. Это новый по концепции словарь, отображающий картину мира исследуемого автора в лексикографических параметрах. Специфика идеографического словаря языка поэта заключается в том, что в нем представлена лексика, функционирующая в одной книге, это позволяет исследовать картину мира, репрезентированную в том или ином сборнике.

Л. Л. Шестакова представила типологию авторских словарей [Шестакова, 2011, с. 53], согласно которой авторский идеографический словарь языка О. Э. Мандельштама (книга «Камень») имеет следующие типологические признаки: 1) по характеру сведений о лексеме словарь – филологический; 2) словарь – монографический (одноавторский); 3) по охвату описываемого материала словарь – *дифференциальный*; 4) по основному объекту описания – *словарь языка поэта*; 5) по основной цели описания – *объяснительный*; 6) единицей описания является *лексема*; 7) по способам описания, наполнения словарной статьи словарь –

многопараметровый; 8) по расположению заголовочных единиц словарь – *неалфавитный* (словарные статьи располагаются в идеографическом порядке, по семантическим полям, сферам, группам); 9) словарь – *одноязычный*; 10) по временной перспективе словарь языка О. Э. Мандельштама – *синхронный*; 11) данный словарь может быть адресован специалистам-филологам, а также использован в учебных целях; 12) по типу информационного носителя возможен как книгопечатный, так и электронный вариант словаря.

Концепция авторского идеографического словаря в соответствии с лексикографическими традициями УСШ предполагает деление структуры словаря на две части. В первой представлено идеографическое описание выявленной лексики с учетом иерархии денотативных сфер, классов, групп и подгрупп, формирующих глобальную структуру словаря. Во второй – словник, включающий выявленную из анализируемых текстов знаменательную лексику в алфавитном порядке.

Главной задачей лексикографа при составлении авторского идеографического словаря является выявление ИАКМ: как отмечает Н. А. Кожевникова, «идеографический словарь может помочь исследователю воссоздать художественную или индивидуально-авторскую картину мира» [Кожевникова, 2004, с. 105]. Глобальная структура авторского идеографического словаря связана с отображением реального мира во всей совокупности групп, подгрупп и т. д.

ИАКМ, отображенная в сборнике О. Э. Мандельштама «Камень», представляет собой «субъективный образ объективного мира действительности» [Бабенко, 2003, с. 50]. Поэт, как и любой носитель языка, «для проникновения в смысл мира и познания его сущности <...> вынужден вырабатывать собственный образ мира [Роль человеческого фактора в языке, 1988, с. 29].

Изучение индивидуально-авторской картины мира поэта включает в себя последовательное исследование каждого стихотворения, входящего в анализируемый поэтический сборник, поэтому **макроструктура** авторского идеографического словаря представляет собой словарную статью отдельно взятого стихотворения, анализ фрагмента картины мира поэта. Макроструктура авторского идеографического словаря состоит из следующих словарных зон:

1. Заглавная единица – анализируемый поэтический текст вместе с названием.
2. Необходимый культурологический и текстоведческий комментарий.
3. Поэтико-идеографический анализ лексики отдельного стихотворения, включающий следующие лексикографические параметры:
 - 3.1. Семантический анализ лексического значения слова и его контекстуальных реализаций с целью выявления основных текстовых смыслов и способов их репрезентации.
 - 3.2. Грамматическая интерпретация используемых лексем в аспекте концепции категориально-грамматических и рематических доминант.
 - 3.3. Денотативно-идеографический анализ лексики с целью выявления в ее составе парадигматических группировок разного типа.
 - 3.4. Когнитивно-дискурсивный анализ, нацеленный на выявление концептуальной информации и способов ее репрезентации в тексте.
4. Интерпретация особенностей фрагмента индивидуально-авторской картины мира, воссозданного в анализируемом тексте, формулировка его общего когнитивно-дискурсивного смысла в виде концепта.

Основные принципы и предлагаемая логика поэтико-идеографического анализа каждого отдельного стихотворения позволяет раскрыть специфику исследуемого ПТ как отображения уникального фрагмента внешнего бытийного и внутреннего психологического мира.

Микроструктура авторского идеографического словаря включена в его макроструктуру и представляет собой словарную статью отдельно взятой лексемы, функционирующей в одном из ПТ книги и участвующей в отображении ИАКМ. Данная статья учитывает основные аспекты планов выражения и содержания, грамматики и текстовых функций лексических знаков, она является составной частью, микрокомпонентом макроструктуры большой словарной статьи, а также имеет определенную логику описания каждого отдельного слова стихотворения по лексикографическим параметрам, указанным в общей модели анализа (см. п. 3.1. – 3.4.).

Словарная статья идеографического словаря языка поэта включает в себя следующие лексикографические параметры:

1. Заглавная единица – слово в начальной форме.
2. Часть речи.
3. Словарное значение.
4. При необходимости – указание стилистических, семантических, функциональных помет.
5. Контекстное значение лексемы.
6. Идеографический анализ слова.

Прокомментируем необходимость каждого из параметров словарной статьи авторского идеографического словаря языка О. Э. Мандельштама. Указание минимальных грамматических характеристик анализируемых лексем, во-первых, способствует выделению предметной, процессуальной и признаковой и др. картин мира, репрезентированных в книге «Камень», во-вторых, изучению часто используемых грамматических форм в поэзии О. Э. Мандельштама, в-третьих, способствует использованию словаря в учебных целях.

В словарной статье словаря языка О. Э. Мандельштама у многозначного слова указывается только то его значение, которое реализовано в анализируемом ПТ. Необходимость уточнения в ряде случаев контекстного значения слова определяется тем, что от этого зависит последующее отнесение лексемы к денотативной сфере, группе, подгруппе и т. д. Идеографический анализ служит для выявления сфер, формирующих ИАКМ исследуемого автора.

Для апробации модели статей будущего словаря нами были выбраны стихотворения «Дыхание», которое открывает дебютный сборник, «Нет, не Луна, а светлый циферблат», являющееся переломным для О. Э. Мандельштама, а также «Notre Dame» – последнее стихотворение книги, акмеистический манифест молодого поэта.

3.2. Материалы к словарной статье стихотворения «Дыхание»

Представим поэтико-идеографический анализ стихотворения «Дыхание» («Дано мне тело – что мне делать с ним...»).

1. Текст стихотворения:

*Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?*

*За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?*

*Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.*

*На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.*

*Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.*

*Пускай мгновения стекает муть –
Узора милого не зачеркнуть.*

1909

2. Необходимый культурологический и текстологический комментарий

Исследуемый поэтический текст открывает первое издание книги «Камень», опубликованное в 1913 году. Впервые стихотворение было напечатано в № 9 журнала «Аполлон» за 1910 год в дебютной подборке поэта. Однако при включении стихотворения в первую редакцию «Камня» О. Э. Мандельштам изменил два слова:

Имею тело: что мне делать с ним (1909);

Дано мне тело – что мне делать с ним (1913);

а также

Пока мгновения стекает муть (1909);

Пускай мгновения стекает муть (1913).

По мнению О. А. Лекманова, первая правка (*имею* на *дано*) подчеркивает, что лирический герой только выращивает «свою жизнь из уже данного <...> семечка» [Лекманов, 2000, с. 454]. Далее исследователь отмечает – вторая правка была сделана из-за «появившегося ощущения нерасторжимой связи с Высшей Созидательной Силой»; в исправленном варианте «правду жизни» сменяет «правда судьбы» [там же, с. 456]. Также следует отметить – в первом издании стихотворение имело название «Дыхание», снятое в последующих вариантах «Камня» [Мандельштам, 1990, с. 289].

Д. В. Фролов отмечает связь между стихотворением «Дано мне тело – что мне делать с ним...» и статьей О. Э. Мандельштама «Франсуа Виллон», которая была опубликована в 1913 году в «Аполлоне» (то есть через четыре года после публикации дебютной подборки), однако исследователь считает, что статья была написана в 1909–1910 годах, а в журнале опубликован «переделанный или дополненный в 1912–1913 года вариант [Фролов, 2009, с 118]. Обратимся к отрывку из данной статьи: «Настоящее мгновение может выдержать напор столетий и сохранить свою целость, оставаться тем же “сейчас”. Нужно только уметь вырвать его из почвы времени, не повредив его корней – иначе оно завянет» [Фролов, 2009, с 118]. Действительно, соседство в данном фрагменте существительных *мгновение, столетие, почва, время, корни* тематически сближает его со стихотворением «Дыхание».

В. Н. Топоров в статье «О «психофизиологическом» компоненте поэзии Мандельштама», рассматривая стихотворение «Дано мне тело – что мне делать с ним...» в контексте «поэтической антропологии», отмечает, что второе четверостишие «очередным вопросом поселяет в сознании идею Творца» [Топоров, 1991, с. 12].

По замечанию Т. Н. Бреевой, в «Камне» для О. Э. Мандельштама важным является «вопрос о самоощущении его лирического «я», которое воспринимает себя одновременно и в качестве субъекта, и в качестве объекта» [Бреева, 2018, с. 24]. Этот факт особенно ярко проявился в двустишии «Я и садовник, я же и цветок // в темнице мира я не одинок». Далее исследователь отмечает, что О. Э. Мандельштам «нагнетает признаки телесного существования» [там же], используя лексику, относящуюся к идеографической сфере «Человек как живое существо» (*дыхание, тело, тепло*). По мнению Т. Н. Бреевой, следствием этого становится «перенос акцента с индивидуальности на саму категорию существования» [там же].

Д. Лебедев в книге «Молодой Мандельштам» так же, как и Т. Н. Бреева, отмечает: «Поэт с первых слов заявляет о своей телесности, материальности. Однако материя эта пронизана неповторимым дыханием, жизнью» [Лебедев, 2022, с. 49]. Появление существительных *садовник* и *цветок* в стихотворении «Дыхание» неслучайно, исследователь отмечает их связь с «витализмом Бергсона» [там же]. Сравнивая себя с цветком, лирический герой О. Э. Мандельштама «идентифицирует себя в первую очередь не как человека, а как живой организм» [там же, с. 50]. Это

представление противоречит господствующему символистскому убеждению, что поэт – «проводник мира к Богу», стихотворец «как таковой противопоставлен всему живому» [там же].

Стихотворение «Дыхание», открывающее первое издание книги «Камень», представляет собой монолог человека-поэта, осознавшего свою причастность к вечности. По мысли О. Э. Мандельштама, подлинное искусство будет сохранено, эта мысль подчеркивается риторическим восклицанием в последней строфе стихотворения: «Пускай мгновения стекает муть // Узора милого не зачеркнуть!» Два первые двустишия анализируемого ПТ выражают риторический вопрос, адресованный мирозданию, вечности, Творцу. Четыре последующие строфы являются монологом, в целом, стихотворение следует рассматривать как аутодиалог поэта. Вопросы, которые задает лирический герой, не имеют прямого ответа, однако он пытается найти на них ответы: перед нами философская лирика.

3.1. Поэтико-идеографический анализ лексики стихотворения. Семантический анализ лексических значений и их контекстных реализаций

Давать/дать, гл. Этот глагол в форме краткого страдательного причастия акцентирует внимание читателя на отсутствии субъекта действия (дано кем?). Лирического героя данного стихотворения беспокоит смысл существования. Именно поэтому в тексте происходит трансформация словарного значения (3. Наделить кого-л. какими-л. способностями, возможностями и т. п.): погашение сем «способностями» и «возможностями» и наведения сем «телом», «жизнью». В контексте реализуется следующее значение: «наделить кого-л. телом, жизнью». Лексема *дано* относится к денотативной сфере «Конкретная физическая деятельность», ДИГ «Передача объекта».

Я, мест. Личное местоимение, употребленное в дательном падеже, в данном контексте реализует основное словарное значение: «Употр. для обозначения говорящим самого себя». Словоформа *мне* акцентирует внимание на пассивности адресата. Лексема *я* относится к денотативной сфере «Человек как живое существо», подгруппе «Человек определенного возраста или пола».

Тело, сущ. Это существительное реализует прямое значение: «2. Организм человека или животного в его внешних физических формах и проявлениях» (в

контексте происходит погашение сем «животного» и «проявлениях»). Лексема *тело* относится к сфере «Человек как живое существо», подгруппа «Форма и строение организма человека».

Что, вопр. сл. Это вопросительное слово, которое «употребляется для формирования вопроса, с помощью которого говорящий хочет получить информацию о предмете, признаке, действии» [БУСРЯ, 2020, с. 1398]. Оно относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», ДИГ «Вопрос».

Делать, гл. Его словарное значение: «3. Поступать, действовать каким-л. образом.». Однако в данном контексте глагол лишен конкретно-физического значения, он относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», т. е. риторический вопрос «Что мне делать с ним?» можно заменить синонимичным – «Как мне жить?», который беспокоит лирического героя. Лексема *делать* относится к подгруппе «Бытие-существование в определенном времени и пространстве».

С, предл. Данный предлог реализует значение совместности, относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», ДИГ «Совокупность, единство».

Он, мест. Используется как местоименная замена лексемы *тело*.

Такой, мест. прил. Эта лексема реализует неосновное словарное значение: «2. Выражает сильную степень свойства, состояния или усиления оценки» (в контексте погашаются семы «состояния», «усиления оценки»). Относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Интенсивность».

Единый, прил. В контексте реализуется словарное значение «1. Целостный, нераздельный; сплоченный» (погашается сема «сплоченный»). Лексема *единый* относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Завершенность, целостность».

И, союз. В исследуемом контексте он «употр. для соединения двух слов, обозначающих однородные в определенном отношении предметы, признаки, действия» [Морковкин, с. 364]. Союз *и* относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Соединение».

Мой, мест. Это местоимение реализует основное словарное значение: «1. Принадлежащий мне, свойственный мне». *Мой*, т. е. свойственный лирическому герою

как одно из его качеств, признаков. Относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Принадлежность».

За, предл. Данный предлог реализует следующее значение: «11. Указывает на предмет, обстоятельство и т. п., являющийся поводом, основанием для какого-л. действия, отношения и т. п.». Относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Причина».

Радость, сущ. Словарное значение данной лексемы: «1. Чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения». Существительное *радость* относится к денотативной сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Радость».

Тихий, прил. Это прилагательное реализует следующее словарное значение: «5. Без значительных событий, неприятных происшествий, без волнений и тревог, безмятежный». В контексте стихотворения актуализируется сема «спокойная» (спокойная, тихая радость), лексема *тихий* относится к денотативной сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Степень проявления эмоций».

Дышать, гл. Этот глагол реализует прямое значение: «1. Вбирать и выпускать лёгкими воздух, делать вдохи и выдохи»). Он относится к сфере «Человек как живое существо», подгруппе «Физиологические состояния и процессы, характерные для человека».

И, союз. В исследуемом контексте он «употр. для соединения двух слов, обозначающих однородные в определенном отношении предметы, признаки, действия» [Морковкин, с. 364]. Союз *и* относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Соединение».

Жить, гл. Данная лексема реализует основное значение (1. Существовать, быть живым) и относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Бытие-существование в определённом времени и пространстве».

Кто, мест. сущ. В этом контексте местоимение «употр. для формирования вопроса, с помощью к-рого говорящий хочет получить информацию об имени...» [Морковкин, с. 473]. Лексема *кто* относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Вопрос».

Сказать, гл. Этот глагол в данном контексте выполняет контактоустанавливающую функцию: лирический герой обращается уже не только к самому себе, как в первом двустишии, но и к читателю. Реализуется основное значение глагола: «1. Выразить словесно мысли, мнения, сообщить (устно или письменно); произнести». Лексема *сказать* относится к сфере «Язык и речь», подгруппе «Речевое общение».

Благодарить, гл. Описываемый глагол реализует основное словарное значение («Выражать благодарность»), однако в контексте глагол относится не к сфере речевой деятельности, а к внутреннему миру лирического героя. Лексема *благодарить* относится к денотативной сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Одобрение».

И, союз. Этот союз реализует следующее словарное значение: «Соединяет слова, которые повторяются для усиления значения или для выражения длительности действия, интенсивности, проявления признака, качества, чрезмерного изобилия, количества чего-л.». Лексема *и* относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Усиление».

Садовник, сущ. В рамках развернутой метафоры (я и садовник, я же и цветок) существительное *садовник* реализует обобщенно-символическое значение: человек как творец (см. текстологический комментарий). Лексема *садовник* относится к классу «Искусство» «Общественно-государственной сферы», подгруппа «Автор художественного произведения».

Же, част. В контексте реализовано словарное значение: «1. Употр. для смыслового выделения, подчеркивания значения слова, после которого ставится». Частица относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Усиление».

Цветок, сущ. Это существительное функционирует в рамках развернутой метафоры («Я и садовник, я же и цветок»), реализует как прямое словарное значение (1. Часть растения; орган размножения, обычно имеющий вид венчика из лепестков, окружающих пестик с тычинками), так и переносное: человек как творение, который ассоциативно-образно уподобляется цветку, произрастающему из семени. Существительное *цветок* относится к сфере «Живая природа», подгруппе «Части

растения и его плодов» и к сфере «Общественно-государственная сфера», классу «Искусство», подгруппе «Создание произведений искусства».

В, предл. Данный предлог реализует основное словарное значение: «1. Указывает на место, пространство, вместилище, среду, сферу деятельности и т. п. в пределах или внутри которых находится кто-, что-л., происходит что-л». Предлог *в* относится к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Расположение в пространстве».

Темница, сущ. Данное существительное реализует основное словарное значение: «Место заключения, пространство, ограничивающее физическое существование человека» (в контексте погашаются семы «место заключения»). В рамках метафоры *темница мира* ярко проявляется отрицательная оценочная семантика, поэтому лексема относится к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Общая оценка», а также к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Часть пространства».

Мир, сущ. Это существительное в стихотворении реализует неосновное словарное значение: «3. Земной шар, Земля со всем существующим на ней». Лексема *мир* относится к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Часть пространства».

Не, част. Контекстное значение отрицательной частицы *не* совпадает с основным словарным: «1. Выражает полное отрицание того, что обозначает слово или сочетание, перед которым она стоит». Частица *не* относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Отрицание».

Одинокий, прил. В данном контексте прилагательное *одинокий* реализует неосновное словарное значение («3. Имеющий мало общего с окружающими, чуждый им, далёкий от них»). Перед прилагательным стоит отрицательная частица *не*, поэтому лексема *одинокий* относится к группе «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Совокупность, единство».

На, предл. Данный предлог реализует следующее словарное значение: «2. Указывает на предмет, место, явление, лицо и т. п., на которые направлено действие» (в контексте наводится сема «объект», а также погашаются семы «предмет», «лицо»,

«явление», «место»). Предлог *на* относится к идеографической сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Расположение в пространстве».

Стекло, сущ. Лексема *стекло*, функционируя в рамках развернутой метафоры «*На стекла вечности легло дыхание, тепло*», реализует как прямое словарное значение («2. Изделие из этого материала»), так и переносное контекстное значение: «Жизнь, собственно бытие». Следовательно существительное *стекло* относится к двум денотативным классам: «Вещества и материалы» и «Универсальные представления, смыслы и отношения» (подгруппы «Затвердевающие вещества, вязкие массы, смеси» и «Собственно бытие» соответственно).

Вечность, сущ. Лексема *вечность* («2. Течение времени, не имеющее ни начала ни конца») в стихотворении «Дыхание» в структуре метафоры «*на стекла вечности легло дыхание, тепло*» реализует свое словарное значение и относится к классу «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Промежуток времени и единицы измерения времени».

Уже, нареч. В контексте стихотворения это наречие реализует основное словарное значение: «Случилось наступило, совершилось (какое-л. действие, состояние)». Лексема относится к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Время относительно момента речи».

Лечь, гл. Лексема *ложиться* в рамках развернутой метафоры «*На стекла вечности легло дыхание, тепло*» реализует словарное значение («3. Распространиться по поверхности, покрыть собой что-л.») и относится к классу «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Расположение в пространстве».

Мой, мест. Это местоимение реализует основное словарное значение: «1. Принадлежащий мне, свойственный мне». *Мой*, т. е. принадлежащий лирическому герою. Относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Принадлежность».

Дыхание, сущ. Лирический герой стихотворения «Дыхание» осознает свою причастность к вечности, поэтому в данном контексте у лексемы *дыхание* проявляется двуденотатность. С одной стороны, в тексте реализуется прямое словарное значение («Процесс поглощения кислорода и выделения углекислоты живыми организмами» [Морковкин, с. 285]), с другой, переносное («Жизнь отдельно взятого человека»)

значение; существительное *дыхание* относятся к двум денотативным классам: «Человек как живое существо» (подгруппа «Физиологические состояния и процессы, характерные для человека») и «Универсальные представления, смыслы и отношения» (подгруппа «Бытие-существование в определенном времени и пространстве»).

Мой, мест. Это местоимение реализует основное словарное значение: «1. Принадлежащий мне, свойственный мне». *Мой*, т. е. принадлежащий лирическому герою. Относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Принадлежность».

Тепло, сущ. Это существительное реализует неосновное словарное значение: «3. Тёплый воздух, исходящий от нагретого, горячего предмета» (в контексте погашаются семы «от нагретого, горячего предмета»). Также эта лексема реализует переносное значение в рамках развернутой метафоры «на стекла вечности легло дыхание, тепло» (тепло ассоциативно-образно связано с жизнью лирического героя). Поэтому она относится к двум сферам: «Человек как живое существо» (подгруппа «Физиологические состояния и процессы, характерные для человека») и «Универсальные представления, смыслы и отношения» (подгруппа «Бытие-существование в определенном времени и пространстве»).

Запечатлевать/запечатлеть, гл. Эта лексема напрямую связаны с темой искусства. Глагол запечатлеть реализует основное словарное значение: «1. Передать, воплотить в произведении искусства, рисунке, фотографии и т. п.)». Однако в данном контексте реализуется также переносное значение – жить (в рамках развернутой метафоры на стекло вечности ложатся дыхание и тепло, которые запечатлевают узор); поэтому данная лексема относится и к «Общественно-государственной сфере» (подгруппа «Создание произведений искусства»), и к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения» (подгруппа «Бытие-существование в определенном времени и пространстве»).

На, предл. В анализируемом ПТ реализуется основное словарное значение предлога: «1. Указывает на место, где что-л. находится, располагается, происходит». Предлог *на* относится к денотативной сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Расположение в пространстве».

Он, мест. Выступает в роли местоименной замены лексемы *стекло*.

Узор, сущ. Лексема *узор* (1. Рисунок, представляющий собой определенные переплетения линий, фигур, сочетание красок и т. п.) в данном контексте реализует ряд переносных значений: влага (от дыхания) на запотевшем стекле (в рамках развернутой метафоры «на стекла вечности легло дыхание, тепло»); творчество поэта (актуализировано семой рисунок); бытие, жизнь (связь с лексемами из предыдущей строфы – дыхание и тепло). Следовательно, лексема *узор* относится к трем денотативным сферам: «Вещества и материалы» (подгруппа «Жидкие вещества»), «Общественно-государственная сфера» (подгруппа «Создание произведений искусства») и «Универсальные представления, смыслы и отношения» (подгруппа «Бытие-существование в определенном времени и пространстве»).

Неузнаваемый, прич. Страдательное причастие *неузнаваемый* образовано от глагола узнавать/узнать (5. Обнаружить в ком-л. кого-л. знакомого или в чем-л. что-л. знакомое) и относится к денотативному классу «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Процессы понимания и их результат».

С, предл. Реализует неосновное словарное значение: «11. Указывает на время, период, срок осуществления какого-л. действия». Предлог *с* относится к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Время относительно момента речи».

Недавний, прил. В исследуемом ПТ прилагательное *недавний* реализует неосновное словарное значение: «2. Существующий еще немного времени, возникший незадолго до настоящего момента». Оно относится к денотативному классу «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Время относительно момента речи».

Пора, сущ. Это существительное реализует основное словарное значение: «Время, период; какой-либо определенный момент, период для чего-либо». Оно относится к денотативному классу «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Время относительно момента речи».

Пусть, част. Данная частица реализует в контексте стихотворения модальное значение долженствования, необходимости («Употр. для выражения долженствования, приказания» [Морковкин, с. 960]); она относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппа «Обязательность».

Мгновение, сущ. Лексема *мгновение* (словарное значение: «Очень короткий промежуток времени; миг, момент») в данном ПТ выступает как антоним к

существительному вечность из четвертой строфы, т. е. контекстное значение данной лексемы: «Текущий момент времени, противопоставленный вечности». *Мгновение* относится к денотативному классу «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Время относительно момента речи».

Стекать/стечь, гл. Этот глагол реализует основное словарное значение: «Переместиться вниз, сбегать (о жидкости)». Лексема относится к сфере «Конкретная физическая деятельность», подгруппе «Движение, ориентированное относительно конечного пункта».

Муть, сущ. Данная лексема в рамках метафоры «муть мгновения» реализует основное словарное значение: «1. Мелкие, нерастворимые частицы, находящиеся в жидкости и лишаящие ее прозрачности; осадок из таких частиц»). Существительное *муть* относится к денотативному классу «Вещества и материалы», подгруппе «Жидкие вещества».

Узор, сущ. Лексема реализует то же значение, что описано выше.

Милый, прил. Эта лексема реализует значение: «3. Близкий сердцу, родной». Данное прилагательное относится к классу «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Общая оценка».

Не, част. Контекстное значение отрицательной частицы *не* совпадает с основным словарным: «1. Выражает полное отрицание того, что обозначает слово или сочетание, перед которым она стоит». Частица *не* относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Отрицание».

Зачеркивать/зачеркнуть, гл. Данная лексема реализует основное словарное значение: «1. Провести черту или ряд черт, уничтожая написанное, изображённое» (в контексте погашаются семы «провести черту или ряд черт», «написанное»). Однако отрицательная частица, стоящая перед глаголом, указывает – то, что было сотворено, не будет уничтожено, оно будет сохранено. Глагол *зачеркнуть* относится к сфере «Конкретная физическая деятельность», подгруппе «Сохранение объекта».

3.2. Грамматическая интерпретация используемых лексем в аспекте концепции категориально-грамматических и рематических доминант

Лексический состав стихотворения – 61 слово, при этом представлены почти все части речи: существительные (16), глаголы (9), прилагательные (7), предлоги (6),

союзы (5), частицы (4), причастия (2), наречия (1). С учетом количественной характеристики можно отметить, что основу стихотворения составляют существительные. Можно утверждать, что рематическая доминанта здесь – предметная. Она репрезентируется как конкретными, так и отвлеченными существительными, а также дейктическими средствами: *тело, радость, садовник, цветок, темница, мир, стекло, я* (6), *он* (2), *мой* (2) и др. В ее составе доминирует лексика, называющая внешний мир (*темница, мир, садовник* и др.), лексика, называющая внутренний мир лирического героя, представлена меньше: *радость, тихий* и *благодарить*.

Процессуальную картину мира формируют девять глаголов и два причастия. В ПТ представлены как глаголы, обозначающие конкретную физическую деятельность (*лечь, стечь, зачеркнуть*), так глаголы, обозначающие бытие (*жить, дышать, делать*), эмоции лирического героя (*благодарить*), а также относящийся к сфере искусства – *запечатлеть*. Краткое страдательное причастие *дано* открывает дебютную книгу поэта, акцентируя внимания читателя на теме «Творец и творение».

Признаковая картина мира отображена в стихотворении прилагательными, обозначающими внутренний мир героя (*тихий, милый*), а также прилагательными, отображающими бытийное состояние лирического героя (*одинок*), описание его тела (*единый*) и времени (*недавний*).

3.3. Денотативно-идеографический анализ лексики с целью выявления в ее составе парадигматических группировок разного типа

Проведенный парадигматический анализ позволил выявить основные денотативные сферы, а в их составе денотативно-идеографические группировки слов, отображающие авторскую локальную картину мира, ее основные параметры и ориентиры, зафиксированные в этом стихотворении. К ним относятся следующие денотативные сферы и денотативно-идеографические группы:

Универсальные представления, смыслы и отношения: «Начальная фаза бытия, существования»; «Собственно бытие»; «Интенсивность»; «Завершенность, целостность»; «Исключительность»; «Соединение»; «Причина»; «Бытие-существование в определённом времени и пространстве»; «Вопрос»; «Усиление»; «Отрицание»; «Обычность/исключительность»; «Принадлежность»; «Уступка» (*тело*

(перен.), *делать* (перен.), *такой* (2), *единый*, *и* (4), *за*, *жить*, *кто*, *же*, *не* (2), *одинокий*, *стекло* (перен.), *мой* (2), *дыхание* (перен.), *тепло* (перен.), *запечатлеть* (перен.), *пусть*).

Человек и его внутренний мир: «Радость»; «Степень проявления эмоций»; «Проявление эмоций в речи»; «Общая оценка»; «Процессы понимания и их результат» (*радость*, *тихий*, *благодарить*, *темница*, *неузнаваемый*, *милый*).

Человек как живое существо: «Человек определенного возраста или пола»; «Форма и строение организма человека»; «Физиологические состояния и процессы, характерные для человека» (*я* (6), *тело*, *дышать*, *дыхание*, *тепло*).

Восприятие окружающего мира: «Расположение в пространстве»; «Часть пространства»; «Промежуток времени и единицы измерения времени»; «Время относительно момента речи» (*в*, *темница*, *мир*, *на* (2), *вечность*, *уже*, *с*, *недавний*, *пора*, *мгновение*).

Общественно-государственная сфера: «Автор художественного произведения»; «Создание произведений искусства»; «Создание произведений искусства» (*садовник*, *цветок* (перен.), *запечатлеть*, *узор* (2)).

Вещества и материалы: «Затвердевающие вещества, вязкие массы, смеси»; «Жидкие вещества» (*стекло*, *узор* (перен.) (2), *муть*).

Конкретная физическая деятельность: «Собственно покрытие объекта»; «Перемещение, ориентированное относительно конечного пункта»; «Отрицательное воздействие на объект» (*лечь*, *стечь*, *зачеркнуть*).

Живая природа: «Части растения и его плодов» (*цветок*).

Язык и речь: «Речевое общение» (*сказать*).

Итак, денотативно-идеографический анализ лексики стихотворения О. Э. Мандельштама «Дыхание» выявил своеобразный набор групп слов, участвующих в изображении уникального фрагмента мира. Он формируется комбинацией лексики девяти денотативных сфер, представленных в тексте с учетом их количественной представленности следующим образом: «Универсальные представления, смыслы и отношения», «Человек и его внутренний мир», «Человек как живое существо», «Восприятие окружающего мира», «Общественно-государственная

сфера», «Вещества и материалы», «Конкретная физическая деятельность», «Живая природа» и «Язык и речь».

Следует отметить, что в данном ПТ доминируют такие сферы, как «Человек как живое существо», «Человек и его внутренний мир», «Восприятие окружающего мира» и «Универсальные представления, смыслы и отношения». Этот результат вполне закономерен: данное стихотворение следует рассматривать как текст-инициацию, в котором лирический герой впервые осознает себя не только как человек («Человек как живое существо», «Человек и его внутренний мир»), но и как поэт, который связан с вечностью больше, чем с текущим моментом («Восприятие окружающего мира», «Универсальные представления, смыслы и отношения»).

Отметим высокую степень пересекаемости идеографических сфер. Выделим лексемы, которые относятся к нескольким денотативным классам:

- *тело* («Человек как живое существо» и «Универсальные представления, смыслы и отношения»);
- *цветок* («Общественно-государственная сфера» и «Живая природа»);
- *стекло* («Вещества и материалы» и «Универсальные представления, смыслы и отношения»);
- *дыхание* («Человек как живое существо» и «Универсальные представления, смыслы и отношения»);
- *тело* («Человек как живое существо» и «Универсальные представления, смыслы и отношения»);
- *запечатлеть* («Общественно-государственная сфера» и «Универсальные представления, смыслы и отношения»);
- *узор* («Вещества и материалы», «Универсальные представления, смыслы и отношения», «Общественно-государственная сфера»).

Нами было выявлено две модели сочетаемости денотативных сфер в стихотворении «Дыхание»:

1. Сфера «Универсальные представления, смыслы и отношения» пересекается со сферами «Человек как живое существо», «Вещества и материалы», «Общественно-государственная сфера».

2. Сфера «Живая природа» пересекается с «Общественно-государственной сферой».

Пересечение денотативных сфер «Человек как живое существо» и «Универсальные представления, смыслы и отношения» напрямую связано с основной темой стихотворения: осознание поэтом себя как части вечности. Пересечение «Общественно-государственной сферы», в которую входит класс «Искусство», со сферами «Живая природа», «Универсальные представления, смыслы и отношения», «Вещества и материалы» также закономерно: именно благодаря своему искусству поэт становится частью вечности, противопоставленной мгновению.

Вечность, к которой приобщен поэт, и мгновение – вот основная смысловая оппозиция, которая лежит в основе данного фрагмента поэтической индивидуально-авторской картины мира.

3.4. Когнитивно-дискурсивный анализ, нацеленный на выявление концептуальной информации и способов ее репрезентации в тексте

Когнитивно-дискурсивный анализ стихотворения учитывает, во-первых, проведенное выше категориально-грамматическое рассмотрение ПТ, во-вторых, денотативно-идеографическую интерпретацию стихотворения О. Э. Мандельштама и включает их результаты. Опираясь на них, мы можем описать ментальную структуру ключевого концепта данного стихотворения и специфику его репрезентации, которые в УСШ принято отображать в виде полевой структуры. Ключевым концептом этого стихотворения является **ТВОРЕНИЕ**.

Ядро концепта репрезентируется лексемами *цветок* и *узор*, – эти слова связаны с образом лирического героя, который осознает себя одновременно и как творец (*узор*), и как творение (*цветок*). *Узор* – это то, что останется после жизни поэта – его творчество; при этом сам лирический герой осознает себя как творение – цветок, который выращивается кем-то.

Приядерная структура включает в себя лексемы *дано, тело, дышать, жить, садовник, радость, благодарить*. Лирический герой, осознавая себя чьи-то творением, словно впервые осознает свою телесность: ему даровано (*дано*) *тело* какместилище духа, ему дарована *жизнь*, способность *дышать*, он способен испытывать *радость*

жизни и готов *благодарить* создателя за нее. Лирический герой стихотворения «Дыхание» осознает себя не только творением – *цветком*, но и творцом – *садовником*.

К **ближайшей периферии** относятся лексемы *вечность* и *мгновение*, являющиеся оппозицией в исследуемом фрагменте картины мира О. Э. Мандельштама: лирический герой осознает себя творением, которое является частью мига и бесконечности.

К **дальнейшей периферии** относятся модальные смыслы отрицания (*Не одинок*), вопроса (*Что мне делать?*), уступки (*Пускай мгновения стекает муть*). В стихотворении явно выражена эмоционально-оценочная позиция лирического субъекта как по отношению к себе (*За радость тихую дышать и жить // Кого, скажите, мне благодарить?*).

3.3. Материалы к словарной статье стихотворения «Нет, не Луна, а светлый циферблат...»

Представим поэтико-идеографический анализ стихотворения «Нет, не луна, а светлый циферблат...», которое является концептуально важным для книги «Камень», поскольку именно в этом тексте лирический герой О. Э. Мандельштама отстаивает свою поэтическую установку: полностью не отрицая символизм, постулировать новое литературное направление – акмеизм.

1. Текст стихотворения

Нет, не луна, а светлый циферблат

Сияет мне, и чем я виноват,

Что слабых звезд я осязаю млечность?

И Батюшкова мне противна спесь:

Который час, его спросили здесь –

А он ответил любопытным: «вечность»!

1912

2. Необходимый культурологический и текстологический комментарий

Исследуемый поэтический текст был опубликован в первом издании книги «Камень» в 1913 году. Стихотворение «Нет, не луна, а светлый циферблат...»

представляет собой аутодиалог лирического героя, переосмысляющего символистский канон. Исследуемый поэтический текст обращен к стихотворцам-акмеистам, вместе с которыми О. Э. Мандельштам входил в Цех поэтов: Н. С. Гумилеву, А. А. Ахматовой, С. М. Городецкому. Лирический субъект, с одной стороны, совершает «литературное покаяние», с другой – утверждает возможность совмещения двух литературных направлений. С. Голдберг, рассуждая о борьбе двух литературных направлений – символизма и акмеизма в поэтике О. Э. Мандельштама, пишет: «Поэзия Мандельштама 1912 года <...> представляет собой процесс длительного и неуловимого “преодоления”» [Голдберг, 2020, с. 77]. Стихотворение «Нет, не луна, а светлый циферблат...» не является строго акмеистическим поэтическим текстом, в нем проявились черты обоих литературных направлений, однако именно в этом стихотворении и начинается «борьба» двух канонов: символистского и акмеистического. По мнению Н. С. Гумилева, именно в стихотворении «Нет, не луна, а светлый циферблат...» О. Э. Мандельштам заявляет о переходе своей поэтики от символизма к акмеизму. Однако следует отметить, что в понимании О. Э. Мандельштама «акмеизм – это прежде всего не противопоставление “звездного” “земному”, “млечному”, а “живое равновесие”» (цитата принадлежит Мандельштаму) [цит. по: Лекманов, 2016, с. 75].

В рецензии на дебютную книгу поэта Н. С. Гумилев отмечал особое значение данного стихотворения для творчества О. Э. Мандельштама: «Этим он открыл двери в свою поэзию для всех явлений жизни, живущих во времени, а не только в вечности или мгновении» [Мандельштам, 1990, с. 216].

Отдельным вопросом для исследователей этого стихотворения стала семантика необычного отвлеченного существительного *млечность*, которое не является авторским неологизмом, так как оно встречалось, например, у В. И. Иванова в стихотворении «Вечность и миг» («...но всходит выше роковая млечность») и у К. Д. Бальмонта в стихотворении «Огнепоклонником я прежде был когда-то ...» («... и в их сокровищах, сквозь ласковую млечность, / молниеносные рождаются цветы»). Отметим, что и В. И. Иванов, и К. Д. Бальмонт были поэтами-символистами. Существительное *млечность* образовано от прилагательного млечный (от неосновного словарного значения «2. Белый, цвета молока»). Как отмечал В. С. Баевский,

существительное *млечность* функционирует в тексте в рамках оппозиции «звезды – млечность» [Баевский, 1990, с. 318]. Далеким, недоступным, «символистским» звездам противопоставлена их почти физически ощущаемая млечность.

По замечанию В. С. Баевского, в исследуемом поэтическом тексте «луна семантизируется как метафора вечности, циферблат – как метонимия времени» [Баевский, 1990, с. 315], также исследователь выделяет ряд частных воплощений оппозиции «свое-чужое»: «луна – циферблат», «звезды – млечность», «вечность – час», «Батюшков – я», «символизм – акмеизм» и др. Л. Г. Кихней и Е. В. Меркель, развивая эту мысль, утверждают, что «отрицательное построение», заявленное в начале, реализуется в смысловой структуре всего стихотворения» [Кихней, 2013, с. 62]. Они согласны с Ю. И. Левиным, который охарактеризовал поэтику О. Э. Мандельштама как «негационную» [там же]. Кроме того, в комментарии к этому стихотворению в академическом издании сборника «Камень» его составители отмечают: «В ст-ии, по-видимому, оспаривается отождествление Батюшковым “вечности” и “часа” (определитель времен), которым Мандельштам усваивает значение оппозиций (нерасчлененной вечности и исторического “времени”) <...> Многочисленные мемуарные свидетельства и прямые признания (ст-ние “Батюшков”, 1932) говорят о том, что Батюшков был “вечным спутником” Мандельштама; отмеченный “спор” с ним, был, как видно, “отправной точкой у последующего диалога с его позицией у Мандельштама”» [Мандельштам, 1990, с. 293–294].

3.1. Поэтико-идеографический анализ лексики стихотворения

Нет, част. Эта отрицательная частица, занимающая сильную позицию в тексте – начала стихотворения, акцентирует внимание на категорическом отрицании чего-то того, что являлось главным и важным для лирического героя и что составляло предмет его глубоких рассуждений, пережитых ранее и полемически направленных против иной точки зрения. Она обычно употребляется в начале реплики, прерывающей собеседника, или в начале возражения собеседнику, что соответствует ее значению и функции, которое формулируется следующим образом: «2. Употр. в повествовательной речи при передаче итогов размышления, приведшего к решительному отрицанию одного из предположений», что подтверждается использованием контекстно-вариативной формы диалога, частью которого является

отрицательное утверждение. В словаре отмечается еще одно значение этой частицы: «5. Подчеркивает переход к какой-то теме, мысли или перерыв в течение темы, мысли». Представляется, что в данном тексте она, действительно, одновременно реализует два значения: отрицание и переход к новому утверждению, предполагающему полемическую направленность. Данная частица *нет* относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Отрицание» и подгруппе «Логическая последовательность».

Не, част. Это еще одна отрицательная частица, которая употребляется в контексте рядом с частицей *нет*, контактное расположение которых формирует двойное отрицание: конструкция «Нет, не» способствует выражению возрастающей градации, усилению семантики отрицания. Контекстное значение отрицательной частицы не совпадает с основным словарным: «1. Выражает полное отрицание того, что обозначает слово или сочетание, перед которым она стоит». Частица *не* также относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Отрицание».

Луна, сущ. Это существительное в исследуемом поэтическом тексте реализует основное словарное значение: «1. Небесное тело, естественный спутник Земли, светящийся отражённым солнечным светом». При этом значение слова в поэтической фразе расширяется, обогащается за счет наведенных контекстом сем, актуализирующих признаки постоянности как самого источника света, так и процесса его излучения, а также неизменности временной длительности, вечности. В результате существительное *луна* в данном контексте, сохраняя основное, развивает ассоциативно-образное значение ночного светила как символа вечности. Вследствие контекстуальной двуденотативности лексема луна относится к двум денотативным сферам: она входит и в сферу «Неживая природа», группу «Небесное пространство и небесные тела», а также в сферу «Восприятие окружающего мира», подгруппа «Время».

А, союз. Сочинительный союз *а* включается в конструкцию двойного отрицания, усложняя ее структурно (нет не, а) и семантически, добавляя к семантике отрицания семантику уступительности, что соответствует его основному словарному значению: «1. Выражает противопоставление, сопоставление (обычно с уступительным

оттенком)». Союз а относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Сопоставление».

Светлый, прил. Оно употребляется в стихотворении в неосновном номинативно-производном значении: «2. Хорошо освещённый, наполненный светом». Контекстное значение лексемы *светлый*: «Хорошо освещённый или нетёмного цвета». Происходит погашение сем «наполненный светом» при наведении семы «нетемного цвета». Если учитывать сочетаемость прилагательного со словом циферблат, можно однозначно утверждать, что актуализируется признак цвета, а не освещенность. Прилагательное *светлый* относится к сфере «Неживая природа», группе «Оптические явления и их признаки», а также к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Проявление цветового признака (оттенки, качество)».

Циферблат, сущ. Данное слово имеет следующее основное значение, зафиксированное в словаре: «Пластина какого-л. измерительного прибора с нанесёнными на ней делениями, предназначенная для указания значения измеряемой величины (обычно при помощи стрелки)». В поэтическом контексте стихотворения О. Э. Мандельштама наблюдаются его семантические преобразования и реализуется следующий смысл: «Пластина часов с нанесёнными на ней делениями, предназначенная для определения и указания конкретного времени, фиксирующая актуальный миг, мгновение, момент настоящего преходящего времени». Наблюдается погашение сем: «какой-л. измерительный прибор», «значение измеряемой величины», «обычно при помощи стрелки», а также наведение сем «часы», «время», «точность измерения», «изменчивость», «настоящий момент», «миг», «мгновение», при этом актуализируется свойство часов точно фиксировать мгновения преходящего актуального времени. Кроме того, в данном стихотворении это слово встраивается в антонимическую оппозицию с усилительно-выделительным значением: «Не луна – а циферблат», которая, занимая вершинную позицию, выполняет текстообразующую функцию и организует последовательную иерархию значений с семантикой противоположности. Анализируемое слово относится к денотативной сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Счет времени».

Сиять, гл. В контексте стихотворения имеет неосновное номинативно-производное значение: «2. Блестеть, сверкать, отражая свет, лучи; блистать». В этом

значении глагол *сиять* относится к денотативной сфере «Неживая природа», группе «Оптические явления и их признаки».

Я, мест. Личное местоимение повторяется в этом небольшом, состоящем из шести строк стихотворении 4 раза: 2 раза в именительном и 2 раза в дательном падеже (*мне, я (2), мне*), что говорит о его концептуальной текстовой значимости. Конечно, оно используется прежде всего для выражения позиции лирического субъекта, который в самой первой поэтической фразе прямо и открыто заявляет о приверженности реальному времени, мгновениям бытия («*светлый циферблат сияет мне*»). Относится к денотативной сфере «Человек как живое существо», группе «Искусство», подгруппе «Поэзия».

И, союз. В исследуемом поэтическом тексте он реализует следующее значение: «3. Внутренне связывает сообщение с предшествующей ситуацией, предопределяющей положительную или отрицательную оценку». В данном случае союз *и* соединяет в одно поэтическое высказывание утверждение о значимости при восприятии и осознании внешнего мира семантики конкретного времени, его мгновений с рассуждением о собственной невинности и естественности подобного ощущения времени.

Союз *и* относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Соединение».

Что (чем), мест. Находясь в начальной позиции поэтической фразы, вопросительное местоимение актуализирует причинный аспект чувства вины, о котором размышляет лирический герой («*и чем я виноват*»). Местоимение *что* относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Причинно-следственные отношения».

Виноват, прил. Краткое прилагательное виноват реализует в контексте стихотворения основное словарное значение: «1. Совершивший проступок, провинившийся в чём-л.». В контексте употребляется в вопросительной конструкции, связанной с образом лирического субъекта, пытающегося найти и осознать воображаемую и приписываемую себе вину. Оно относится к денотативной сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Раскаяние».

Слабый, прил. Прилагательное слабый реализует неосновное номинативно-производное значение: «9. Незначительный по степени своего проявления; малозаметный», которое связано с указанием на слабую степень проявления какого-либо признака. В контексте стихотворения оно конкретизируется, сужается: «Слабо светящий, малозаметный (о свете; объектах, излучающих свет, а также с трудом воспринимаемых зрением». Как видим, в семной структуре погашается обобщенная сема «незначительный по степени своего проявления», не имеющая указаний на ограничения по набору характеризующих признаков и обладающих ими объектов. В то же время наводятся семы «слабо», «светящий» и сохраняется, актуализируясь, сема «малозаметный». При этом указываются объекты, обладающие этими признаками слабой степени проявления, воспринимаемые лирическим субъектом («слабых звезд я осязаю млечность»). В данном значении лексема слабый относится к денотативной сфере «Неживая природа», группе «Оптические явления и их признаки», а также к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Внешние качества предмета, воспринимаемые зрением».

Звезда, сущ. Слово реализует основное словарное значение: «1. Небесное тело, светящееся собственным светом, представляющееся взору человека светящейся точкой на небесном своде». Слово звезда относится к денотативной сфере «Неживая природа», группе «Небесное пространство и небесные тела».

Осязать, гл. Его основное значение – конкретно-физическое: «Воспринимать на ощупь, путем непосредственного прикосновения, осязания», но в анализируемом поэтическом тексте он употребляется в сочетании с отвлеченным существительным *млечность*, в результате чего у него развивается обобщенно-переносное значение «Чувствовать, замечать, воспринимать что-л.». При этом редуцируются все признаки физического процесса восприятия («на ощупь», «путем непосредственного прикосновения», «осязания») и актуализируется интеллектуально-психологическая способность лирического героя тонко воспринимать внешний мир, даже свет слабых звезд.

Слово относится к денотативной сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппам «Восприятие предмета» и «Пространство».

Млечность, сущ. Это структурно необычное существительное признаковой семантики, отображающее свойство звезд – *млечность*. Как отмечалось ранее на этапе культурологического комментария, это существительное встречалось в поэзии символистов еще до О. Э. Мандельштама, в котором оно употребляется в сочетании слов: млечность слабых звезд. Есть версия, что в данном случае у слова развивается значение цвета, так как одно из значений слова млечный – «цвета молока, белоснежный», которое поддерживается контекстом («слабых звезд я осязаю млечность») и которое можно сформулировать как «белоснежность». В то же время следует отметить, что в русском языке имеется устойчивое сочетание *Млечный путь*, которое связано с небесным явлением скопления звезд, расположенных в определенном пространстве и отражающих слабый свет: «Постоянное явление светлой полосы, пересекающей всё звёздное небо, видимое в тёмную безлунную ночь вдали от городских огней». В этом случае слово *млечность* интерпретируется так: «Отраженный слабый свет от излучения скопления звезд, расположенных в виде полосы в безлунное ночное время». Но при этом и в первом, и во втором случае свет звезд воспринимается как преходящий, присущий определенному периоду – безлунному ночному времени.

Лексема *млечность* относится к денотативным сферам «Неживая природа», группе «Небесное пространство и небесные тела», «Оптические явления и их признаки», а также к сфере «Восприятие окружающего мира», группе «Внешние признаки предмета, воспринимаемого зрением».

И, союз. Он занимает важную позицию в структуре данного стихотворения: начинает вторую строфу, реализуя следующее значение: «3. Внутренне связывает сообщение с предшествующей ситуацией, предопределяющей положительную или отрицательную оценку». В данном контексте он выполняет функцию переключения со спора-рассуждения по вопросу восприятия времени на указание антагониста, противника лирического героя, и выражение оценочного отношения к нему: «И Батюшкова мне противна спесь». В этом переключении изображенная в предшествующем контексте ситуация предопределяет отрицательную оценку названного в последующем контексте лица, имеющего противоположный взгляд на ход времени.

Относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Соединение».

Батюшков. Имя русского поэта, который, по многочисленным мемуарным свидетельствам, а также прямым и поэтическим признаниям О. Мандельштама (см. стихотворение «Батюшков»), был «вечным спутником» Мандельштама, с которым он во многом не соглашался и спорил. Денотативная сфера «Искусство», ДИГ «Человек в сфере искусства».

Я, мест. Личное местоимение в форме дательного падежа *мне* указывает на лирического героя, выступающего пассивным объектом переживания эмоционально-оценочного отношения неприязни: мне противна спесь. Денотативная сфера «Человек и его внутренний мир», подгруппа «Обозначение лица, объекта-источника эмоций».

Противный, прил. Краткая форма этого прилагательного – *противна* – в контексте реализует основное оценочное значение: «Очень неприятный, отвратительный». Относится к денотативной сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Общая оценка».

Спесь, сущ. Оно реализует в контексте основное словарное значение: «Чрезмерное самомнение, уверенность в своём превосходстве перед другими; высокомерие, чванство, кичливость». Относится к денотативной сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Высокомерие».

Который, мест. Вопросительное местоимение реализует свое основное значение: «1. Какой по порядку или какой именно из нескольких». В устойчивом этикетном вопросе «Который час?» оно нацелено на получение информации относительно актуального времени. Денотативная сфера «Универсальные представления, смыслы и отношения», ДИГ «Вопрос».

Час, сущ. В контексте стихотворения реализует значение «2. Мера времени, часть суток в 60 минут, исчисляемая от полудня или от полуночи, а также от полуночи в течение суток». Употребляется в этикетной формуле «Который час?», которая представляет собой намерение узнать с определенной точностью конкретное текущее время, мгновение, противоположное вечному времени. Относится к денотативной сфере «Восприятие окружающего мира», ДИГ «Счет времени», а также к ДИГ «Время относительно момента речи».

Он, мест. Личное местоимение третьего лица, которое употребляется в стихотворении в винительном падеже с целью замещения собственного имени ранее названного поэта. Денотативная сфера «Речь», ДИГ «Человек – участник речевой деятельности».

Спрашивать/спросить, гл. Глагол в контексте стихотворения реализует основное словарное значение: «1. *Обратиться с вопросом с целью узнать, выяснить что-л.*». Относится к денотативной сфере «Язык и речь», подгруппе «Речевое сообщение».

Здесь, нареч. Оно реализует в контексте основное значение «*в этом месте (противоп.: там)*», то есть на земле, в реальном мире, противоположном иному вечному миру. Оппозиция передается эксплицитно и подтекстово дейктическими средствами: *здесь – там*. Относится к идеографической сфере «Восприятие окружающего мира», группе «Пространство».

А, союз. Сочинительный союз *а* выражает сопоставительные отношения, которые соотносят и связывают участников отображаемой ситуации: любопытных людей и Батюшкова. В то же время семантика сопоставления этого союза в контексте осложняется дополнительным смыслом, который фиксируется и словарями: «В разговоре в начале реплики обозначает противоположение, несовпадение мыслей собеседников». Относится к идеографической сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Противопоставление».

Он, мест. Личное местоимение третьего лица выполняет заместительную функцию, употребляясь при повторной номинации лица, ранее обозначенного собственным именем.

Отвечать/ответить, гл. Глагол *ответить* в контексте имеет значение: «Дать ответ на заданный вопрос, обращение», в контексте его значение расширяется, наводятся семы «неожиданный ответ», «не тот, который ожидали». Глагол относится к денотативной сфере «Язык и речь», подгруппе «Речевое сообщение».

Любопытный, сущ. Субстантив *любопытные* реализует в контексте значение: «Тот, кто проявляет любопытство, отличается любопытством». Относится к денотативной сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Интерес».

Вечность, сущ. Существительное *вечность* реализует в тексте неосновное словарное значение: «2. Течение времени, не имеющее ни начала ни конца». В контексте стихотворения лексема *вечность* относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», группе «Онтологические, бытийные категории».

3.2. Грамматическая интерпретация используемых лексем в аспекте концепции категориально-грамматических и рематических доминант

Лексический состав стихотворения – 33 слова, при этом представлены почти все части речи: существительные (7), прилагательные (5), глаголы (4), местоимения (7), союзы (5), наречие (1), частицы (2), собственное имя (1).

С учетом количественной характеристики можно отметить, что основу стихотворения составляют существительные. Можно утверждать, что рематическая доминанта здесь – предметная. Она репрезентируется как конкретными, так и отвлеченными существительными, а также дейктическими средствами и антропонимом: *луна, циферблат, звезда, млечность, спесь, час, любопытный, вечность, я* (4), *он* (2), *Батюшков*. В ее составе доминирует лексика внешнего мира, предельно обобщенно и символически передающая картину бытия, именующая его участников.

Процессуальную картину мира формируют четыре глагола. Первые два участвуют в изображении внешнего мира (*сиять*) и внутреннего мира лирического героя (*осязать*), а вторые два являются ключевыми в организации речевого жанра спора и небольшой беседы (*спросить, ответить*), которые выполняют текстообразующую функцию и играют большую роль в формировании содержания стихотворения.

Признаковая картина мира очень скупо отображена в стихотворении, в описании внешнего мира ключевыми лексемами являются прилагательные *светлый (о свете) и слабый (о свете)*, а внутреннего мира лирического героя – *виноват, противен*.

Итак, анализ категориально-грамматического состава лексики стихотворения О. Э. Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат...» показал, что его формирует предметная доминанта, актуализирующая приметы внешнего мира с тенденцией его

репрезентации существительными и дейктическими словами, что способствует ее предельной минимизации и обобщенности.

3.3. Денотативно-идеографический анализ лексики с целью выявления в ее составе парадигматических группировок разного типа

Проведенный парадигматический анализ позволил выявить основные денотативные сферы, а в их составе денотативно-идеографические группировки слов, отображающие авторскую локальную картину мира, ее основные параметры и ориентиры, зафиксированные в этом стихотворении. К ним относятся следующие денотативные сферы и денотативно-идеографические группы:

Восприятие окружающего мира: «Время»; «Счет времени»; «Время относительно момента речи»; «Проявление цветового признака»; «Восприятие предмета»; «Внешние качества предмета»; «Восприятие зрением»; «Пространство» (*луна, светлый, циферблат, слабый, осязать, млечность, час, здесь*);

Универсальные представления, смыслы и отношения: «Отрицание», «Сопоставление»; «Противопоставление»; «Соединение»; «Уступка», «Вопрос», «Ответ», «Причинно-следственные отношения» (*нет, не, а, и, и, а, вечность*);

Неживая природа: «Небесное пространство и тела», «Оптические явления и признаки» (*луна, светлый, сиять, слабый, звезда, млечность*);

Язык и речь: «Участники речевой деятельности: адресант, адресат», «Речевая деятельность»; «Речевое сообщение» (*спрашивать, отвечать*);

Человек и его внутренний мир: «Эмоции», «Общая оценка» (*виноват, противный, спесь, любопытный*).

Итак, денотативно-идеографический анализ лексики стихотворения О. Э. Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат...» выявил своеобразный набор групп слов, участвующих в изображении уникального фрагмента мира. Он формируется комбинацией лексики пяти денотативных сфер, представленных в тексте с учетом их количественной представленности следующим образом: «Восприятие окружающего мира»; «Универсальные представления, смыслы и отношения»; «Неживая природа»; «Язык и речь»; «Человек и его внутренний мир». Как видим, в иерархии текстовой категориальной структуры доминанта – восприятие окружающего мира, представленного в его разнообразных универсальных связях и отношениях:

сопоставления, противопоставления, отрицания, причины и следствия, уступки. При этом выделяется зрительное и ментальное восприятие. Внутренний мир человека представлен ограниченно, так же, как и внешний мир, в котором актуализируется пространство и то, что символизируется как основа временного потока, хода времени: Луна и Циферблат.

3.4. Когнитивно-дискурсивный анализ, нацеленный на выявление концептуальной информации и способов ее репрезентации в тексте

Когнитивно-дискурсивный анализ стихотворения учитывает результаты категориально-грамматической и денотативно-идеографической интерпретации стихотворения О. Э. Мандельштама, опираясь на которую мы представляем ментальное содержание ключевого концепта данного стихотворения и его репрезентации в виде полевой структуры.

Ключевым концептом этого стихотворения является ВРЕМЯ. Ментальная структура этого концепта включает концептуальные признаки разного ранга и значимости.

Ядро ментальной структуры данного концепта двухкомпонентно, можно сказать, что он имеет двухъядерную оппозитивную структуру, репрезентируемую в самой первой поэтической фразе стихотворения: *«Нет, не луна, а светлый циферблат...»*. Имена-репрезентанты здесь не только называются – *луна* и *циферблат* – но, включенные в реплику явно полемической направленности с семантикой отрицания и предпочтительного утверждения, они несут дополнительные концептуальные смыслы. В их оппозиции зашифрованы две модели мифологического представления времени: постоянно повторяющегося панхронического времени-вечности, символом которого является ЛУНА, и актуального, динамически протекающего временного потока, состоящего из мгновений, моментов, фиксируемых как сознанием, так и специальными приборами, символом которого является ЦИФЕРБЛАТ.

Приядерная зона концепта. Ее репрезентируют атрибуты указанных выше символических оппозитивных концептов. В первом случае это само слово *вечность*, *звезды*, *млечность*, а также приверженец вечности – Батюшков. Концептуальная

важность лексемы вечность обуславливает также ее принадлежность к ДИГ «Универсальные представления, смыслы и отношения». В фокусе поэтического познания О. Э. Мандельштама в исследуемом фрагменте индивидуально-авторской картины мира оказываются небесные тела (*луна, звезды*) и оптические явления и их признаки (*светлый, сиять, слабый, млечность*). Упоминание поэтом небесных тел в концептуально важном для него стихотворении (с одной стороны, декларация перехода от поэтики символизма к поэтике акмеизма, с другой, утверждение возможности их сосуществования в рамках одного поэтического текста неслучайно: для символистов небесные тела являлись маркером высшей, неземной жизни, адептом которой должен быть подлинный поэт.

Во втором случае с представлением актуального времени соотносится обозначение отрезка (мига) времени (час), указание на земное пространство (здесь) и на циферблат как механизм фиксации и определения точного актуального времени, который так же, как и луна, сияет и светит. О. Э. Мандельштам с помощью двойного отрицания (Нет, не луна...) смещает внимание читателя с «небесной», «эфемерной» жизни на конкретно-предметную окружающую действительность (Нет, не луна, а светлый циферблат...).

Лексема час в рамках данного ПТ функционирует в оппозиции час – вечность: если в первой строфе лирический герой утверждает важность и небесного, и земного миров, то во второй строфе утверждается важность настоящего момента (часа) относительно безграничной, «эфемерной» вечности. Первый стих исследуемого ПТ постулирует доминирование предметного окружающего мира над неживой природой, однако далее О. Э. Мандельштам утверждает равновесие двух миров: лирический герой настаивает, что свет звезд («*слабых звезд я осязаю млечность...*») является таким же реально-осязаемым, как и отражающийся от циферблата часов свет луны (или солнца). Обратим внимание на «равновесие» двух миров: две лексемы (*светлый* и *сиять*) относятся к земному миру, две лексемы (*слабый* и *млечность*) – к небесному.

Ближайшую периферию концепта формируют ДИГ «Восприятие окружающего мира» и ДИГ «Универсальные представления, смыслы и отношения». Отметим, что сочинительный союз и, с которого начинается вторая строфа, делает акцент на

неоднозначности эстетической позиции О. Э. Мандельштама: и млечность звезд важна (маркер символизма), и час (важно то, что происходит сейчас – маркер акмеизма).

К этой же зоне ментальной структуры концепта относится ДИГ «Язык и речь», глаголы которой (*спросить* и *ответить*) усиливают и конкретизируют семантику полемичности, заявленную в первой строфе стихотворения, в аспектах субъектно-объектных отношений: участников (любопытные, Батюшков), содержания вопросно-ответной конструкции (*вечность*). Неслучайно О. Э. Мандельштам обращается к фигуре К. Н. Батюшкова: в стихотворении «Нет, не луна, а светлый циферблат...» воспроизводится факт из биографии поэта, который, спрашивая: «Который час?» – отвечал сам себе: «Вечность!» Второй терцет поэтического текста «Нет, не луна, а светлый циферблат...», являясь содержательно диалогом Батюшкова и неизвестных нам слушателей, выводит О. Э. Мандельштама на диалог с предшественником: автор «Камня» противопоставляет абстрактной вечности – текущий момент (оппозиция «вечность – час»).

Отметим случай пересеканности ДИГ «Восприятие окружающего мира» и ДИГ «Неживая природа»: лексемы *луна*, *светлый*, *слабый*, *млечность* входят одновременно в обе ДИГ.

Дальнейшая периферия заполняется национально-культурными пресуппозициями, ассоциативно-образными, модальными и оценочными смыслами. В стихотворении явно выражена эмоционально-оценочная позиция лирического субъекта по отношению и к себе, собственной рефлексии («*И чем я виноват*»), и к своему оппоненту («*И Батюшкова мне противна спесь*»). Есть модальные смыслы отрицания (*Нет, Не*), вопроса («Который час?»). Образные символические смыслы аккумулируются вокруг двух символов времени, которыми являются ВЕЧНОСТЬ и ЦИФРБЛАТ.

3.4. Материалы к словарной статье стихотворения «Notre Dame»

Представим поэтико-идеографический анализ стихотворения «Notre Dame» – последнего в первом издании «Камня».

1. Текст стихотворения

Notre Dame

Где римский судья судил чужой народ –

*Стоит базилика – и, радостный и первый,
Как некогда Адам, распластывая нервы,
Играет мышцами крестовый легкий свод.*

*Но выдает себя снаружи тайный план!
Здесь позаботилась подпругных арок сила,
Чтоб масса грузная стены не сокрушила,
И свода дерзкого бездействует таран.*

*Стихийный лабиринт, непостижимый лес,
Души готической рассудочная пропасть,
Египетская мощь и христианства робость,
С тростинкой рядом – дуб и всюду царь – отвес.*

*Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра, –
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам.*

1912

2. Необходимый культурологический и текстологический комментарий

Стихотворение «Notre Dame» является последним в первом издании книги «Камень». Впервые оно было опубликовано в 1913 году в журнале «Аполлон». Ранняя редакция стихотворения содержала первую строфу, которая значительно отличается от итоговой версии [Мандельштам, 1990, с. 296]:

*Ажурных галерей заманчивый пролет –
И, жилы вытянув и напрягая нервы,
Как некогда Адам, таинственный и первый,
Играет мышцами крестовый легкий свод.*

Как отмечается в академическом издании «Камня», в основе сюжета стихотворения «разыграна ситуация исторического порога, в искусстве сказавшегося возникновением стиля ранней готики» [там же].

Стихотворение О. Э. Мандельштама «Notre Dame» тематически тесно связано с его программной статьей «Утро акмеизма». Поэт писал: «Акмеизм – для тех, кто обуянный духом строительства, не отказывается малодушно от своей тяжести, а радостно принимает ее, чтобы разбудить и использовать архитектурно спящие в ней силы» [там же, с. 188]. Именно в этой программной статье поэт обосновывает глубокую связь между процессом написания стихотворения и возведением собора: «Но камень Тютчева <...> –слово» [там же].

«В свете постулата тождественности слова и камня», – как отмечает Л. Г. Кихней, – «каждая поэтическая реальность этого стихотворения обретает второй план» [Кихней, 2016, с. 52]. Невозможно не согласиться с исследователем в том, что «в развернутом образе храма можно усмотреть метафору стихотворения как целостного художественного высказывания» [там же]. Как храм строится из камней, так и стихотворение состоит из слов обыденного, бытового языка. В первой строфе стихотворения «Notre Dame» подчеркивается «органическая первозданность, несотворенность» храма, во второй – «образ храма <...> предстает как рукотворное создание» [там же, с. 53].

Как утверждает А. А. Чевтаев: «Принцип тождества “камня” и “слова”, “природы” и “культуры”, утверждаемый в мандельштамовском творчестве в период становления акмеизма, реализуется практически во всех стихотворениях поэта первой половины 1910-х годов и определяет сущностные черты формируемой в них картины мира» [Чевтаев, 2018, с. 70].

О. А. Лекманов обратил внимание на то, что источником образности исследуемого ПТ «почти наверняка послужило предисловие Валерия Брюсова к книге стихов <...> Николая Клюева “Сосен перезвон”» [Лекманов, 2016, с. 77]. Действительно, В. Я. Брюсов пишет о готических соборах, «строящихся по одному глубоко обдуманному плану», о тяжелых камнях, которые, «громоздясь один на другой, образовывали легкие своды», о диком лесе, в котором «ничего не предусмотрено, не предрешено заранее, на каждом шагу ждет неожиданность» [цит. по: Лекманов, 2016, с. 77]. Но в отличие от концепции В. Я. Брюсова, который противопоставлял друг другу строгую готическую архитектуру и лес, у О. Э.

Мандельштама «лес предстает фрагментом общего архитектурного замысла» [там же, с. 78].

М. Л. Гаспаров в статье «Две готики и два Египта в поэзии О. Мандельштама» писал: «Notre Dame не противопоставляется римскому храму Юпитера, а продолжает дело римского судилища» [Гаспаров, 2001, с. 270]. Исследователь отмечает, что поэту «важна не религиозная, а социально-культурная преемственность трех культур – не культура вписывается в религию, а наоборот, религия в культуру. Notre Dame делается знаком культурной традиции и в то же время он – знак новаторства, он первый, как Адам» [там же].

Неслучайно стихотворение «Notre Dame» закрывает дебютную книгу поэта: лирический герой стихов О. Э. Мандельштама проходит путь от рождения в первом стихотворении («Дано мне тело – что мне делать с ним...») до осознания себя поэтом, творцом – в последнем («И я когда-нибудь прекрасное создам»).

3.1. Поэтико-идеографический анализ лексики стихотворения. Семантический анализ лексических значений и их контекстных реализаций

Где, союз. сл. В контексте стихотворения реализуется основное словарное значение: «В каком месте». Союзное слово *где* относится к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Расположение в пространстве».

Римский, прил. Это прилагательное реализует основное словарное значение: «Относящийся к Древнему Риму (государству) и к современному (столице Италии)». В контексте стихотворения редуцируются семы «и к современному (столице Италии)», контекстное значение: «Относящийся к Древнему Риму (государству)». Лексема *римский* относится к сфере «Нации», группе «Племена, нации и народы».

Судья, сущ. Эта лексема в исследуемом ПТ реализует основное словарное значение: «Должностное лицо, разрешающее дела в суде». Она относится к «Общественно-государственной сфере», подгруппе «Работник правоохранительных органов».

Судить, гл. Он употребляется в стихотворении в неосновном значении: «Рассматривать чей-л. проступок, преступление в судебном порядке». Глагол *судить* относится к «Общественно-государственной сфере», подгруппе «Деятельность по осуществлению правосудия».

Чужой, прил. Это прилагательное реализует неосновное словарное значение: «Не местный (обычно иностранный)». В исследуемом контексте происходит актуализация семы «иностранность». Лексема *чужой* относится к сфере «Нации», группе «Общие понятия, связанные с нациями».

Народ, сущ. В исследуемом ПТ реализуется неосновное словарное значение: «2. Нация, национальность, народность». Существительное *народ* относится к сфере «Нации», подгруппе «Общие понятия, связанные с нациями».

Стоять, гл. Этот глагол реализует неосновное значение: «5. Быть, находиться, располагаться где-л.». Он относится к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Расположение в пространстве».

Базилика, сущ. В контексте исследуемого ПТ реализуется основное словарное значение: «Античный и средневековый тип постройки (обычно храм) в виде удлиненного прямоугольника с двумя продольными рядами колонн внутри, расчленяющими пространство на три помещения». Существительное *базилика* относится к двух подгруппам «Общественно-государственной сферы»: «Религиозные сооружения» и «Строительное сооружение».

И, союз. В первой строфе исследуемого ПТ союз *и* используется два раза, однако выполняет разные синтаксические функции. Первый союз соединяет разные грамматический основы (*базилика стоит* и *свод играет мышцами*) и реализует основное словарное значение: «1. Соединяет однородные члены предложения и предложения, представляющие собой однородные сообщения». Он относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Соединение».

Радостный, прил. В стихотворении «Notre Dame» происходит наделение собора антропоморфными свойствами: *радостный свод играет мышцами*. Прилагательное *радостный* реализует основное словарное значение: «1. Испытывающий радость. // Выражающий радость. // Наполненный радостью». В данном контексте прилагательное реализует значение «выражающий радость и вселяющий ее в других». Оно относится к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Радость».

И, союз. В исследуемом контексте союз *и* соединяет однородные определения (*радостный* и *первый*), реализует основное словарное значение: «1. Соединяет

однородные члены предложения и предложения, представляющие собой однородные сообщения». Он относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Соединение».

Первый, прил. В исследуемом ПТ прилагательное *первый* обозначает очередность, а не качество свода, на это указывает сравнение «как некогда Адам». Это прилагательное реализует основное словарное значение: «1. Первоначальный, самый ранний; происходящий, действующий раньше других». В контексте данного стихотворения *первый* – «первоначальный, появившийся раньше других» (погашение сем «происходящий» и «действующий»). Оно относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Очерёдность».

Как, союз. сл. Выражает неосновное словарное значение: «2. Употр. для присоединения сравнительных оборотов и сравнительных придаточных предложений; словно, будто». Относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Сравнение».

Некогда, мест. нареч. Данное наречие реализует основное значение: «1. Когда-то, давно, в прошлом». Оно относится к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Время относительно момента речи».

Адам. По библейскому преданию, имя первого человека, сотворенного Богом. Имя собственное относится к «Общественно-государственной сфере», подгруппе «Догмат».

Распластывать/распластать, гл. Этот глагол реализует неосновное словарное значение: «4. Широко раздвинуть, развести в стороны». В контексте реализуется переносное значение, т.к. происходит наделение свода собора антропоморфными свойствами (*играет мышцами*). Лексема относится к «Общественно-государственной сфере», подгруппе «Свойство строительного сооружения или его части».

Нерв, сущ. В первой строфе стихотворения «Notre Dame» происходит метафорическое сближение фонетически сходных слов: нерв («1. Анат., физиол. Отросток-волокно или сплетение волокон, которые отходят от головного и спинного мозга и образуют разветвлённую систему, служащую средством управления деятельностью живого организма») и нервюра («Выступающее ребро готического каркасного крестового свода»). В контексте реализуется значение: «Ребро готического

крестового свода, напоминающие нерв человека». Существительное *нерв* относится к «Общественно-государственной сфере», подгруппе «Часть строительного сооружения», а также к сфере «Человек как живое существо», подгруппе «Форма и строение организма человека».

Играть, гл. В контексте реализуется значение: «8. чем. Обращаться с каким-л. предметом как с игрушкой; бесцельно вертеть, перебирать, двигать». Лирический герой стихотворения «Notre Dame» метафорически номинирует то, как устроен готический свод – *играть мышцами*. Лексема *играть* относится к «Общественно-государственной сфере», подгруппе «Свойство строительного сооружения или его части», а также к сфере «Человек как живое существо», подгруппе «Физиологические состояния и процессы, характерные для человека».

Мышца, сущ. Это существительное реализует основное словарное значение: «Состоящий из мышечной ткани орган (или часть органа) тела человека и животных, способный сокращаться и обеспечивающий выполнение важнейших физиологических функций всего организма; мускул». В контексте стихотворения это существительное метафорически номинирует конструкцию свода собора. Лексема *мышца* относится как к «Общественно-государственной сфере», подгруппе «Часть строительного сооружения», так и к сфере «Человек как живое существо», подгруппе «Форма и строение организма человека».

Крестовый, прил. Это прилагательное реализует неосновное словарное значение: «2. Напоминающий по форме крест». Оно относится к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Внешняя форма предмета».

Легкий, прил. В исследуемом ПТ реализуется основное словарное значение: «1. Незначительный по весу (противоп.: тяжёлый). // Кажущийся невесомым, изящный (о постройках, сооружениях и т. п.)». Контекстное значение: «Кажущийся невесомым, изящный» (погашение сем «незначительный по весу»). Лексема *легкий* относится к двум сферам: «Человек и его внутренний мир» (подгруппа «Эстетическая оценка») и «Восприятие окружающего мира» (подгруппа «Величина, размер, вес»).

Свод, сущ. Это существительное реализует неосновное словарное значение: «3. Архитектурная конструкция, криволинейное перекрытие, соединяющее стены, опоры

какого-л. сооружения». Оно относится к «Общественно-государственной сфере», подгруппе «Часть строительного сооружения».

Но, союз. В данном контексте союз *но* «3. Выражает дополнительный характер присоединительного высказывания, развивающего предыдущее». Относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Соединение».

Выдавать/выдать, гл. В исследуемом ПТ реализуется неосновное значение: «3. Сделать известным; открыть, обнаружить». В контексте происходит наведение семы «понятным» и погашение сем «известным», «открыть», «обнаружить», контекстное значение: «Сделать понятным». Лексема *выдавать* относится к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Характер протекания процесса понимания».

Себя, мест. сущ. В стихотворении реализуется основное словарное значение: «Указывает на отношение действия к самому производителю действия (подлежащему), соответствуя по смыслу личным местоимениям любого лица и числа». Возвратное местоимение *себя* используется в словосочетании «выдавать себя».

Снаружи, нареч. В контексте реализуется неосновное словарное значение: «2. Вне пределов какого-л. помещения (на улице, на воздухе и т. п.)». Наречие относится к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Расположение в пространстве».

Тайный, прил. Это прилагательное реализует основное словарное значение: «1. Представляющий тайну для кого-л., скрываемый от кого-л., известный немногим». Оно относится к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Характер протекания процесса понимания».

План, сущ. В исследуемом ПТ реализуется неосновное словарное значение: «3. Предположение, замысел, предусматривающие ход, развитие чего-л». Контекстное значение: «Замысел архитектора» (наведение семы «архитектора»; погашение сем «предположение», «предусматривающий ход, развитие»). Существительное *план* относится к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Мыслительные процессы, характер и результаты».

Здесь, мест. нареч. В стихотворении реализуется основное словарное значение: «1. В этом месте (противоп.: там)». Лексема *здесь* относится к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Расположение в пространстве».

Позаботиться, гл. В исследуемом стихотворении глагол *позаботиться* («1. Проявить внимание, заботу по отношению к кому-, чему-л.; оказать покровительство, помощь») метафорически номинирует то, как арки собора держат свод. Лексема *позаботиться* относится к «Общественно-государственной сфере», подгруппе «Свойство строительного сооружения или его части».

Подпружный, прил. Это прилагательное реализует основное словарное значение: «Вспомогательная арка, укрепляющая или поддерживающая свод в различных типах сводчатых конструкций» [СТА, 1994, с. 237]. Контекстное значение лексемы: «Служащий для поддержания свода». Она относится к «Общественно-государственной сфере», подгруппе «Свойство строительного сооружения или его части».

Арка, сущ. В стихотворении реализуется основное словарное значение: «1. Дугообразное перекрытие проёма в стене или пролёта между двумя опорами». Лексема *арка* относится к «Общественно-государственной сфере», подгруппе «Часть строительного сооружения».

Сила, сущ. В исследуемом ПТ реализуется неосновное словарное значение: «5. Способность производить какую-л. работу; энергия, мощность». Контекстное значение: «Физическая характеристика арки, указывающая на её способность выдерживать большие массы». Лексема *сила* относится к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Физические характеристики предмета»???

Чтоб, союз. В стихотворении представлено основное словарное значение: «Присоединяет к главному предложению придаточные цели» [МАС]. Союз *чтобы* относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Цель».

Масса, сущ. Это существительное реализует основное словарное значение: «1. Количество, объём вещества, составляющего, образующего тот или иной предмет; само вещество, материя, из которых состоит предмет». Лексема относится к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Величина, размер, вес».

Грузный, прил. Это прилагательное реализует неосновное словарное значение: «2. Громоздкий, тяжёлый». В контексте акцентируется и вес, и эстетическая оценка лирическим гером (масса *грузная*, *громоздкая*) частей собора. Лексема *грузный* относится к сферам «Человек и его внутренний мир» («Эстетическая оценка») и «Восприятие окружающего мира» («Величина, размер, вес»).

Стена, сущ. Лексема реализует в контексте основное словарное значение: «1. Вертикальная часть здания, служащая для поддержания перекрытий и разделения помещения на части». Она относится к «Общественно-государственной сфере», подгруппе «Часть строительного сооружения».

Не, част. Контекстное значение отрицательной частицы *не* совпадает с основным словарным: «1. Выражает полное отрицание того, что обозначает слово или сочетание, перед которым она стоит». Частица *не* относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Отрицание».

Сокрушить, гл. В стихотворении реализовано основное словарное значение: «1. Полностью разбить, разрушить, уничтожить». Глагол *сокрушить* относится к сфере «Конкретная физическая деятельность», подгруппе «Отрицательное воздействие на объект».

И, союз. Этот союз соединяет простые предложения, реализует основное словарное значение: «1. Соединяет однородные члены предложения и предложения, представляющие собой однородные сообщения». Он относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Соединение».

Свод, сущ. Эта лексема реализует в контексте неосновное словарное значение: «3. Архитектурная конструкция, криволинейное перекрытие, соединяющее стены, опоры какого-л. сооружения». Она относится к «Общественно-государственной сфере», подгруппе «Часть строительного сооружения».

Дерзкий, прил. Это прилагательное реализует неосновное словарное значение: «2. Безрассудно смелый, отважный; отчаянный, рискованный». В контексте погашаются семы «безрассудно», «смелый», «отважный», в стихотворении «Notre Dame» прилагательное *дерзкий* относится, скорее, не к своду, а к архитектору, который его проектировал; контекстное значение лексемы: «Выражающий

отчаянность, готовность архитектора пойти на риск». Прилагательное относится к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Эстетическая оценка».

Бездействовать, гл. Данный глагол реализует основное словарное значение: «1. Пребывать в бездействии, ничего не предпринимать». В контексте стихотворения лирический герой метафорически называет нерушимость собора – «*бездействует таран*». Эта лексема относится к «Общественно-государственной сфере», подгруппе «Свойство строительного сооружения или его части».

Таран, сущ. В стихотворении реализуется неосновное словарное значение: «3. Древнее орудие для разрушения крепостных стен – бревно с металлическим наконечником, укрепленное цепями на передвижной башне». В контексте актуализируется большая масса бревна, которым разрушали крепостные стены: лирический герой метафорически номинирует большую массу свода собора – тараном. Лексема *таран* относится к сфере «Восприятие окружающего мира» (подгруппа «Величина, размер, вес»), к «Общественно-государственной сфере» (подгруппы «Часть строительного сооружения» и «Военное приспособление»).

Стихийный, прил. Это прилагательное реализует неосновное словарное значение: «2. Отмеченный чертами стихии, слепой, бессознательный». В контексте актуализируется сема «бессознательный» (погашение сем «слепой», «отмеченный чертами стихии», т. е. будто бы не продуманный никем заранее. Лексема *стихийный* относится к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Интеллектуальная оценка».

Лабиринт, сущ. В контексте реализовано неосновное словарное значение: «3. То, что имеет сложное, запутанное расположение». Существительное *лабиринт* относится к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Интеллектуальная оценка».

Непостижимый, прил. В стихотворении «Notre Dame» реализуется основное словарное значение: «1. Недоступный пониманию, непонятный, необъяснимый». В контексте наводится сема «из-за сложности строения», контекстное значение: «Недоступный пониманию из-за сложности строения». Лексема *непостижимый* относится к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Интеллектуальная оценка».

Лес, сущ. В стихотворении представлено неосновное словарное значение: «2. Большое количество, множество (о возвышающихся предметах)». В рамках развернутой метафоры («непостижимый лес, <...> с тростинкой рядом дуб») лес – метафорическая номинация большого количества ребер собора. Лексема *лес* относится к «Общественно-государственной сфере» (подгруппа «Часть строительного сооружения») и к сфере «Живая природа» (подгруппа «Совокупность растений»), а также к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Много/мало».

Душа, сущ. В анализируемом ПТ реализуется неосновное словарное значение: «5. Главное в чём-л., суть, основа чего-л». Лексема *душа* относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Сущность».

Готический, прил. В контексте стихотворения представлено основное словарное значение: «Относящийся к готике (архитектурный стиль европейского средневековья, характеризующийся остроконечными сооружениями, стрельчатыми сводами, обилием витражей и скульптурного орнамента)». Лексема *готический* относится к «Общественно-государственной сфере», подгруппе «Направление в искусстве».

Рассудочный, прил. В контексте реализовано неосновное словарное значение: «2. Отличающийся преобладанием рассудка над чувством». Лексема *рассудочный* относится к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Интеллектуальная оценка».

Пропасть, сущ. В стихотворении «Notre Dame» это существительное реализует основное значение: «1. Крутой, глубокий обрыв, очень глубокая расселина, бездна». Лирический герой метафорически номинирует сущность готического стиля – *рассудочная пропасть*, актуализируя сему «бездна» (погашение сем «крутой, глубокий обрыв», «очень глубокая расселина»). Лексема *пропасть* относится к сфере «Неживая природа», подгруппе «Углубления».

Египетский, прил. В анализируемом ПТ прилагательное реализует основное словарное значение: «К египтяне (Народ семито-хамитской языковой группы, составляющий основное население Египта; представители этого народа)». Контекстное значение: «Такой же, как в Египте». Прилагательное *египетский*

относится к сфере к «Общественно-государственной сфере», подгруппе «Направление в искусстве».

Мощь, сущ. В контексте реализуется основное словарное значение: «Чрезвычайно большая степень, сила проявления каких-л. свойств чего-л.». Лирический герой метафорически номинирует *мощью* сильное впечатление, производимое собором на человека. Лексема *мощь* относится к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Эстетическая оценка».

И, союз. Этот союз соединяет однородные члены предложения, реализует основное значение: «1. Соединяет однородные члены предложения и предложения, представляющие собой однородные сообщения». Союз *и* относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Соединение».

Христианство, сущ. В контексте представлено основное словарное значение: «Одна из наиболее распространённых религий мира». Лексема *христианство* относится к «Общественно-государственной сфере», подгруппе «Вероучение».

Робость, сущ. В стихотворении «Notre Dame» представлено основное значение: «1. к Робкий (Несмелый, боязливый)». Лирический герой метафорически номинирует *робостью* непритязательную архитектурную манеру раннехристианских храмов, тем самым сравнивая их с готическими. Лексема *робость* относится к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Эстетическая оценка». Нет!

С, предл. В контексте реализуется неосновное словарное значение предлога: «В составе сложных предлогов и предложно-падежных сочетаний: рядом с, начиная с, вровень с». Предлог функционирует в составе сложного предлога «рядом с», относится к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Расположение в пространстве».

Тростинка, сущ. В контексте стихотворения «Notre Dame» лирический герой метафорически номинирует ребра храма – *тростниками* (основное словарное значение: «тонкий стебель тростника, камыша; вообще стебелёк кустарника»). Контекстное значение лексемы *тростинка*: «Тонкое ребро храма». Существительное *тростинка* в исследуемом ПТ антитетично существительному *дуб*: части храма противопоставлены друг другу по размеру. Лексема относится к «Общественно-

государственной сфере» (подгруппа «Часть строительного сооружения») и к сфере «Восприятие окружающего мира» (подгруппа «Величина, размер, вес»).

Рядом, нареч. В контексте реализуется основное лексическое значение: «1. Возле, около». Наречие *рядом* относится к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Расположение в пространстве».

Дуб, сущ. Лирический герой стихотворения «Notre Dame» метафорически номинирует толстое ребро храма – *дубом* («1. Крупное листовое дерево сем. буковых, с плотной древесиной, дающее плоды – жёлуди»). Как отмечалось выше, «дубу» противопоставлена «тростинка». Лексема *дуб* относится к «Общественно-государственной сфере» (подгруппа «Часть строительного сооружения»), к сфере «Восприятие окружающего мира» (подгруппа «Величина, размер, вес»).

И, союз. В контексте реализуется основное словарное значение: «1. Соединяет однородные члены предложения и предложения, представляющие собой однородные сообщения». Союз *и* относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Соединение».

Всюду, нареч. Это наречие в контексте реализует основное словарное значение: «Везде, повсеместно» (в контексте происходит наведение семы «в храме»). Оно относится к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Расположение в пространстве».

Царь, сущ. В контексте стихотворения реализуется неосновное словарное значение: «3. О чём-л. выдающемся среди других подобных». Лирический герой стихотворения «Notre Dame» метафорически номинирует превосходство свода собора перед другими храмами. Лексема *царь* относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Значимость», а также к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Эстетическая оценка».

Отвес, сущ. В стихотворении «Notre Dame» существительное *отвес* («1. Вертикальный склон») используется как контекстный синоним к существительному *свод*. Лексема *отвес* относится к «Общественно-государственной сфере», подгруппе «Часть строительного сооружения».

Но, союз. Этот союз, использованный в начале четвертой строфы, реализует неосновное значение: «3. Выражает дополнительный характер присоединительного

высказывания, развивающего предыдущее». Относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Соединение».

Чем, союз. В анализируемом ПТ это союз реализует неосновное словарное значение: «2. (в составе сложного союза чем..., тем). Присоединяет придат. предл. со значением сопоставления чего-л. с тем, о чём говорится в главном предложении». Он относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Причина».

Внимательно, нареч. Это наречие образовано от прилагательного внимательный: «2. Выполняемый со вниманием; тщательный». Контекстное значение наречия: «Выполнять с вниманием, тщательно». Наречие *внимательно* относится к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Характер протекания процесса понимания».

Твердыня, сущ. В стихотворении реализовано неосновное словарное значение: «2. Прочная опора, оплот // О том, что несокрушимо, прочно». Лирический герой оценивает собор как нерушимый (в контексте погашаются семы «прочная опора, оплот»). Существительное *твердыня* относится к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе –«Прагматическая, утилитарная оценка».

Notre Dame. Собор Парижской Богоматери. Название парижского собора относится к двум подгруппам «Общественно-государственной сферы»: «Религиозные сооружения» и «Строительное сооружение».

Я, мест. В контексте представлено основное словарное значение: «1. Употр. для обозначения говорящим самого себя». Личное местоимение *я* относится к «Общественно-государственной сфере», группе «Искусство», подгруппе «Человек в сфере искусства».

Изучать/изучить, гл. Этот глагол реализует основное словарное значение: «Овладеть чем-л., освоить что-л». Рассматривая устройство готического собора, лирический герой пытается понять, как из неотесанных камней было сооружен величественный храм. Лексема *изучать* относится к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Процессы понимания и их результат».

Твой, мест. Притяжательное местоимение *твой* реализует основное словарное значение: «1. Принадлежащий тебе». Относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Принадлежность».

Чудовищный, прил. В стихотворении «Notre Dame» у этого прилагательного реализуется комплексное значение, основанное на основном («1. Устрашающе уродливый; безобразный») и неосновном («2. Неимоверно большой, огромный»). Контекстное значение: «Пугающий своими размерами»). Прилагательное *чудовищный* относится к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Величина, размер, вес», к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Эстетическая оценка», а также к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Страх».

Ребро, сущ. Эта лексема в исследуемом ПТ реализует основное словарное значение: «1. Одна из парных дугообразных плоских костей, идущих от позвоночника к грудной кости и образующих грудную клетку. Лирический герой метафорически номинирует элемент конструкции стрельчатого свода собора – *ребром*. Лексема относится к «Общественно-государственной сфере» (подгруппа «Часть строительного сооружения»), а также «Человек как живое существо» (подгруппа «Форма и строение организма человека»).

Тем, союз. Выступает в составе сложного союза «чем... тем» (см. выше). Относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Следствие».

Часто, нареч. Словарь отсылает к значению прилагательного *частый*: «2. Происходящий, повторяющийся через короткие промежутки». Сравнительная степень наречия *часто* относится к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Постоянно/иногда».

Думать, гл. Лексема реализует основное словарное значение: «1. Размышлять, предаваться раздумью». Глагол *думать* относится к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Мыслительные процессы, их характер и результаты».

Я, мест. В контексте представлено основное словарное значение: «1. Употр. для обозначения говорящим самого себя». Личное местоимение *я* относится к «Общественно-государственной сфере», группе «Искусство», подгруппе «Человек в сфере искусства».

Из, предл. В стихотворении реализуется неосновное значение предлога: «3. Указывает на принадлежность, происхождение лица, предмета и т. п. откуда-л». Относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Принадлежность».

Тяжесть, сущ. В рамках развернутой метафоры «из тяжести недоброй прекрасное создать» существительное тяжесть реализует неосновное значение «4. к Тяжёлый», которое отсылает нас к прилагательному тяжелый: «5. Лишённый тонкости, изящества, тяжеловесный, неуклюжий (обычно о речи, форме словесного изложения)». В стихотворении «Notre Dame» лирический герой метафорически номинирует *слова* – тяжестью. Подобному тому, как из неотесанных камней возвели собор, поэт создаст стихотворения, состоящие из обыденных слов. Лексема *тяжесть* относится к сфере «Язык и речь», подгруппе «Язык, языковые единицы и явления»

Недобрый, прил. В стихотворении представлено неосновное словарное значение: «3. Гнетущий, мрачный, дурной». Лексема *недобрый* относится к сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Общая оценка».

И, част. В последней строке частица *и* реализует основное значение: «1. Усиливает значение слова, перед которым стоит, для выделения, подчёркивания его». Она относится к сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Интенсивность».

Я, мест. В контексте реализуется основное словарное значение: «1. Употр. для обозначения говорящим самого себя». В последней строке стихотворения «Notre Dame» лирический герой заявляет себя как поэта, творца, который хочет внести свою лепту в мировое искусство («И я когда-нибудь прекрасное создам»), поэтому личное местоимение *я* относится к «Общественно-государственной сфере», группе «Искусство», подгруппе «Человек в сфере искусства».

Когда-нибудь, нареч. В контексте реализуется основное словарное значение: «В какое-нибудь время». Наречие *когда-нибудь* относится к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Время относительно момента речи».

Прекрасное, субст. Этот субстантив образован от прилагательного прекрасный (2. Полный высокого значения, возвышенный). Контекстное значение: «Полное высокого значения, возвышенное произведения искусства»; лирический герой О. Э.

Мандельштама утверждает, что целью его искусства является создание произведения, которое было бы равновеликим собору Notre Dame. Лексема *прекрасный* относится как к сфере «Человек и его внутренний мир» (подгруппе «Эстетическая оценка»), так и к «Общественно-государственной сфере», группе «Искусство», подгруппе «Поэзия».

Создавать/создать, гл. Данный глагол реализует основное словарное значение: «1. Сделать существующим (изобрести, построить, произвести, основать, организовать и т. п.)». В контексте происходит наведение семы «произведение искусства»; контекстное значение лексемы *создать*: «Сотворить, сделать существующим произведение искусства». Глагол *создать* относится к «Общественно-государственной сфере», группе «Искусство», подгруппе «Создание произведений искусства».

3.2. Грамматическая интерпретация используемых лексем в аспекте концепции категориально-грамматических и рематических доминант

Лексический состав стихотворения – 87 слов, при этом представлены почти все части речи: существительные (28), прилагательные (17), союзы (12), глаголы (11), наречия (8), местоимения (4), предлоги (2), частицы (2), имя собственное (2). С учетом количественной характеристики следует отметить, что основу стихотворения составляют существительные. Рематическая доминанта в исследуемом ПТ – предметная. Она репрезентируется как конкретными, так и отвлеченными существительными, а также дейктическими средствами: *базилика, свод, стена, душа, мощь* и др.

Процессуальную картину мира формируют одиннадцать глаголов. В стихотворении «Notre Dame» представлен всего один глагол, обозначающий конкретную физическую деятельность (*сокрушить*). Большинство глаголов связано с мышлением лирического героя (*выдавать, изучать, думать, создать*), это обусловлено тем, что перед нами стихотворение-манифест молодого стихотворца, который пытается постичь суть поэтического творчества.

Признаковая картина мира отображена в стихотворении семнадцатью прилагательными, преобладают оценочные слова: *грузный, дерзкий, стихийный, чудовищный* и др. Также в исследуемом ПТ представлены слова, характеризующие

строительные сооружения (*крестовый, подпружный*), а также направления в искусстве (*готический, египетский*).

3.3. Денотативно-идеографический анализ лексики с целью выявления в ее составе парадигматических группировок разного типа

Проведенный парадигматический анализ позволил выявить основные денотативные сферы, а в их составе денотативно-идеографические группировки слов, отображающие авторскую локальную картину мира, ее основные параметры и ориентиры, зафиксированные в этом стихотворении. К ним относятся следующие денотативные сферы и денотативно-идеографические группы:

Восприятие окружающего мира: «Расположение в пространстве» «Время относительно момента речи», «Внешняя форма предмета», «Величина, размер, вес», «Физические характеристики предмета», «Постоянно/иногда», «Время относительно момента речи» (*где, стоять, некогда, крестовый, легкий, снаружи, здесь, сила, масса, грузный, таран (перен.), с, рядом, тростинка (перен.), дуб (перен.), всюду, чудовищный, часто, когда-нибудь*).

Нации: «Племена, нации и народы», «Общие понятия, связанные с нациями» (*римский, чужой, народ*).

Общественно-государственная сфера: «Работник правоохранительных органов», «Деятельность по осуществлению правосудия», «Религиозные сооружения», «Строительное сооружение», «Догмат», «Свойство строительного сооружения или его части», «Часть строительного сооружения», «Военное приспособление», «Направление в искусстве», «Вероучение», «Человек в сфере искусства», «Поэзия», «Создание произведений искусства» (*судья, судить, базилика, Адам, распластывать (перен.), нерв (перен.), играть мышцами (перен.), свод (2), позаботиться (перен.), подпружный, арка, стена, бездействовать (перен.), таран, лес (перен.), готический, египетский, христианство, тростинка (перен.), дуб (перен.), отвес, Notre Dame, я (3), ребро (перен.), прекрасное, создать*).

Универсальные представления, смыслы и отношения: «Соединение», «Очерёдность», «Сравнение», «Цель», «Отрицание», «Сущность», «Значимость»,

«Причина», «Принадлежность», «Следствие», «Усиление» (*и (5), первый, как, но (2), чтоб, не, душа, царь (перен.), чем, твой, тем, из, и*).

Человек и его внутренний мир: «Радость», «Эстетическая оценка», «Характер протекания процесса понимания», «Мыслительные процессы, характер и результаты», «Интеллектуальная оценка», «Прагматическая, утилитарная оценка», «Процессы понимания и их результат», «Страх», «Общая оценка» (*радостный, легкий, выдавать, тайный, план, грузный, дерзкий, стихийный, лабиринт (перен.), непостижимый, рассудочный, мощь, робость, царь, внимательно, твердыня, изучать, чудовищный, думать, недобрый*).

Человек как живое существо: «Форма и строение организма человека», «Физиологические состояния и процессы, характерные для человека» (*нерв, играть мышцами, ребро*).

Конкретная физическая деятельность: «Отрицательное воздействие на объект» (*сокрушить*).

Живая природа: «Совокупность растений» (*лес, тростинка, дуб*).

Неживая природа: «Углубления» (*пропасть*).

Язык и речь: «Язык, языковые единицы и явления» (*тяжесть (перен.)*).

Итак, денотативно-идеографический анализ лексики стихотворения О. Э. Мандельштама «Notre Dame» выявил своеобразный набор групп слов, участвующих в изображении уникального фрагмента мира. Он формируется комбинацией лексики десяти денотативных сфер, функционирующих в тексте с учетом их количественной представленности следующим образом: «Общественно-государственная сфера», «Человек и его внутренний мир», «Восприятие окружающего мира», «Универсальные представления, смыслы и отношения», «Человек как живое существо», «Живая природа», «Нации», «Неживая природа», «Язык и речь», «Конкретная физическая деятельность». Как мы видим, в иерархии текстовой категориальной структуры доминанта – «Общественно-государственная сфера». Она включает в себя такие важные для исследуемого поэтического текста подгруппы, как «Строительство», «Искусство», «Религия». Лексика данных групп создает уникальный фрагмент картины мира поэта, который отображает представления Мандельштама-акмеиста о поэзии и шире – искусстве.

Также обратим внимание на гармонию внешнего («Восприятие окружающего мира») и внутреннего («Человек и его внутренний мир») миров О. Э. Мандельштама.

3.4. Когнитивно-дискурсивный анализ, нацеленный на выявление концептуальной информации и способов ее репрезентации в тексте

Когнитивно-дискурсивный анализ стихотворения учитывает проведенные выше категориально-грамматическое и денотативно-идеографическое рассмотрение стихотворения О. Э. Мандельштама и включает их результаты. Опираясь на них, мы можем описать ментальную структуру ключевого концепта данного стихотворения и специфику его репрезентации, которые в УСШ принято отображать обычно в виде полевой структуры. Ключевым концептом этого стихотворения является ПРЕКРАСНОЕ.

Ядро концепта включает себя лексему *прекрасное*, которая номинирует будущие произведения поэта. Лирический герой стихотворения «Notre Dame», рассматривая величественный храм, построенный из грубых камней, утверждает, что его будущие стихотворения, состоящие из обыденных, простых слов, будут так же прекрасны, как и Notre Dame.

В приядерную зону включаются лексемы *я* (т. е. лирический герой, тот, кто создаст прекрасное), *когда-нибудь* (указание на неопределенно-далекое будущее, в котором лирический герой создаст великие произведения), *создам* (прекрасное – это результат тяжелой работы, воплощение замысла создателя; рассматривая внутреннее устройство готического собора, лирический герой осознает – у прекрасного сложное устройство, глубоко обдуманное его архитекторами), *базилика* (прекрасное, увиденное лирическим героем, воплощено в форме готического собора), *свод*, *арки*, *отвес* и *ребра* (элементы собора), *готический* (направление, в котором построен Notre Dame).

К ближайшей периферии относится лексема *тяжесть*: в контексте стихотворения происходит противопоставление *тяжести* камней, из которых построен собор, и *прекрасному* – собору Notre Dame.

Дальнейшая периферия заполняется оценочными смыслами. В стихотворении явно выражена эмоционально-оценочная позиция лирического субъекта по отношению к собору Notre Dame: свод у собора *радостный* и *первый*; камни, из которых построен собор, обладают *грузной* массой, им противопоставлен *легкий* свод;

свод собора, сравниваемый лирическим героем с тараном, назван *дерзким*, а ребра собора – *чудовищными*.

Выводы по третьей главе исследования

В данной главе исследования нами:

1. Были разработаны принципы составления авторского идеографического словаря: описаны глобальная структура, макро- и микроструктура планируемого словаря языка О. Э. Мандельштама на материале первого издания книги «Камень».

2. Составлена словарная статья к стихотворению О. Э. Мандельштама «Дыхание»: в данном ПТ доминируют такие сферы, как «Человек как живое существо», «Человек и его внутренний мир», «Восприятие окружающего мира» и «Универсальные представления, смыслы и отношения»; прокомментирован уникальный фрагмент поэтической картины мира, репрезентированный в этом стихотворении, рассмотренном как текст-инициация, в котором лирический герой впервые осознает себя не просто человеком, но поэтом; описан концепт «Творение» на материале стихотворения «Дыхание».

3. Составлена словарная статья к стихотворению О. Э. Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат...»: в данном ПТ представлены идеографические сферы «Восприятие окружающего мира»; «Универсальные представления, смыслы и отношения»; «Неживая природа»; «Язык и речь»; «Человек и его внутренний мир»; описан уникальный фрагмент поэтической картины мира, репрезентированный в этом стихотворении, рассмотренном как текст-манифест, лирический герой которого пытается примирить символизм и акмеизм; описан концепт «Время» на материале стихотворения «Нет, не луна, а светлый циферблат...».

4. Составлена словарная статья к стихотворению О. Э. Мандельштама «Notre Dame»: в данном ПТ представлены идеографические сферы «Общественно-государственная сфера», «Человек и его внутренний мир», «Восприятие окружающего мира», «Универсальные представления, смыслы и отношения», «Человек как живое существо», «Живая природа», «Нации», «Неживая природа», «Язык и речь», «Конкретная физическая деятельность». Как мы видим, в иерархии текстовой категориальной структуры доминанта – «Общественно-государственная

сфера»; прокомментирован уникальный фрагмент поэтической картины мира, репрезентированный в стихотворении «Notre Dame», которое является концептуально важным для молодого поэта, поскольку в нем он формулирует свое представление о природе поэзии и задаче поэта создавать прекрасное; на материале стихотворения описан концепт «Прекрасное».

Заключение

Следует отметить, что проведенное исследование является только началом многоэтапной работы над словарем языка О. Э. Мандельштама. Данная работа явилась испытательным стендом для освоения методики идеографического анализа поэтического текста и поэтической книги.

В ходе данного исследования:

1. Выявлены основные принципы идеографической и авторской традиций в лексикографии, рассмотрена история развития данных лексикографических направлений в отечественной филологии, кратко освещено положение изучения поэзии О. Э. Мандельштама в отечественной филологии.

2. Описаны особенности функционирования единиц лексического уровня поэтического текста.

3. Представлен метод поэтической идеографии, который позволяет выявить и интерпретировать индивидуально-авторскую картину мира исследуемого автора.

4. Представлена в виде поля и прокомментирована индивидуально-авторская картина мира О. Э. Мандельштама, репрезентированная в первом издании книги «Камень»; это поле обладает следующей структурой: *ядро* – лексика идеографической сферы «Восприятие окружающего мира»; *приядерная зона* – лексика идеографических сфер «Человек и его внутренний мир», «Универсальные представления, смыслы и отношения» и «Общественно-государственная сфера»; *ближайшая периферия* – сферы: «Неживая природа», «Человек как живое существо» и «Конкретная физическая деятельность»; *дальнейшая периферия* – «Живая природа», «Язык и речь», «Вещества и материалы», «Социальная сфера жизни человека», «Нации», «Населенный пункт», «Сверхъестественное» и «Родственные и семейные отношения».

5. Разработаны принципы составления авторского идеографического словаря как способа отображения индивидуально-авторской картины мира.

6. Описаны глобальная структура, макро- и микроструктура планируемого словаря языка О. Э. Мандельштама на материале первого издания книги «Камень».

7. Составлена словарная статья к стихотворению О. Э. Мандельштама «Дыхание»: в данном ПТ доминируют такие сферы, как «Человек как живое

существо», «Человек и его внутренний мир», «Восприятие окружающего мира» и «Универсальные представления, смыслы и отношения»; прокомментирован уникальный фрагмент поэтической картины мира, репрезентированный в этом стихотворении, рассмотренном как текст-инициация, в котором лирический герой впервые осознает себя не просто человеком, но поэтом; описан концепт «Творение» на материале стихотворения «Дыхание».

8. Составлена словарная статья к стихотворению О. Э. Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат...»: в данном ПТ представлены идеографические сферы «Восприятие окружающего мира»; «Универсальные представления, смыслы и отношения»; «Неживая природа»; «Язык и речь»; «Человек и его внутренний мир»; описан уникальный фрагмент поэтической картины мира, репрезентированный в этом стихотворении, рассмотренном как текст-манифест, лирический герой которого пытается примирить символизм и акмеизм; описан концепт «Время» на материале стихотворения «Нет, не луна, а светлый циферблат...».

9. Составлена словарная статья к стихотворению О. Э. Мандельштама и «Notre Dame»: в данном ПТ представлены идеографические сферы «Общественно-государственная сфера», «Человек и его внутренний мир», «Восприятие окружающего мира», «Универсальные представления, смыслы и отношения», «Человек как живое существо», «Живая природа», «Нации», «Неживая природа», «Язык и речь», «Конкретная физическая деятельность». Как мы видим, в иерархии текстовой категориальной структуры доминанта – «Общественно-государственная сфера»; прокомментирован уникальный фрагмент поэтической картины мира, репрезентированный в стихотворении «Notre Dame», которое является концептуально важным для молодого поэта, поскольку в нем он формулирует свое представление о природе поэзии и задаче поэта создавать прекрасное; на материале стихотворения описан концепт «Прекрасное».

Перспективой данного исследования является дальнейшее описание всех стихотворений книги «Камень», структурирование картины мира поэта на материале третьего (самого полного) издания дебютной книги, а также выявление динамики изменения поэтической картины мира О. Э. Мандельштама.

Список использованной литературы

1. Аверинцев С. С. Поэты. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 364 с.
2. Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама / С. С. Аверинцев // О. Э. Мандельштам : сочинения : в 2 томах. – М. : Художественная литература, 1990. – Т. 1. Стихотворения. – С. 5–64.
3. Альтшуллер М. Г. «Спесь» Батюшкова (о стихотворении Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат...») [Электронный ресурс] // Литературный факт. – 2020. – №1 (15). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/spes-batyushkova-o-stihotvorenii-mandelshhtama-net-ne-luna-a-svetlyu-tsiferblat> (дата обращения : 11.06.2022).
4. Амелин Г. Г. Миры и столкновения О. Мандельштама / Г. Г. Амелин, В. Я. Мордерер. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 320 с.
5. Арутюнова Н. Д. Наивные размышления о наивной картине мира : введение / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке. – М. : Языки славянской культуры, 2000. – С. 7–22.
6. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
7. Бабенко Л. Г. Большой словарь-тезаурус русского языка в контексте развития идеографической лексикографии [Электронный ресурс] // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – №3 (45). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshoy-slovar-tezaurus-russkogo-yazyka-v-kontekste-razvitiya-ideograficheskoy-leksikografii> (дата обращения : 08.06.2022).
8. Бабенко Л. Г. Интерпретация лексико-семантических множеств в контексте Уральской идеографической лексикографии / Л. Г. Бабенко // Новая Россия : традиции и инновации в языке и науке о языке : материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л. Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. – М.; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. – С. 3–16.
9. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Издательство Уральского университета, 1989. – 182 с.

10. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : Учебник. Практикум для вузов по специальности «Филология» / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 496 с.
11. Бабенко Л. Г. Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении : динамика интерпретаций // Научный диалог. – 2020. – №9. – С. 9–47.
12. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : Учебник для вузов. – М.; Екатеринбург : Академический Проект : Деловая книга, 2004. – 464 с.
13. Бабенко Л. Г. Эволюция идеографической интерпретации лексики в Уральской семантической школе : от словаря глаголов к Универсальному идеографическому словарю / Л. Г. Бабенко // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография : эволюция интерпретаций : тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной 40-летию образования и научной деятельности кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета, 23–24 октября 2014 г., Екатеринбург, Россия. – М.; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2014. – С. 3–7.
14. Бабушкин А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та. – 2018.
15. Бахтин М. М. Человек в мире слова / Сост. О. Е. Осовский. – М. : Российский открытый университет, 1995. – 140 с.
16. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и гуманитарных науках : опыт философского анализа // Русская словесность : Хрестоматия. – М. : ..., 1997. С. 227–244.
17. Белякова И. Ю. Русскоязычная авторская лексикография : история, типология, современный этап развития [Электронный ресурс] // Преподаватель XXI век. – 2008. – №4. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoyazychnaya-avtorskaya-leksikografiya-istoriya-tipologiya-sovremennyu-etap-razvitiya> (дата обращения : 11.06.2022).

18. Бобрик М. А. Проза Осипа Мандельштама «Холодное лето» (1923) : Языковой комментарий / М. Бобрик. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. – 224 с.
19. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Тамбовский гос. ун-т, 2002. – 123 с.
20. Болотнова Н. С. Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора // Вестник ТГПУ. – 2004. – № 1 (38) – С. 20–27.
21. Болотнова Н. С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 3–4. – С. 198–207.
22. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – 41-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 520 с.
23. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н. С. Болотнова; под ред. С. В. Сыпченко. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992. – 312 с.
24. Болотнова Н. С. Основы теории текста : Пособие для учителей и студентов-филологов. – Томск. : Изд.-во Том. гос. пед. ун-та, 1999. – 100 с.
25. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. – 208 с.
26. Бреева Т. Н. Художественный мир Осипа Мандельштама : учеб. пособие / Т. Н. Бреева. – 3-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2018. – 136 с.
27. Брутян Г. А. Язык и картина мира / Г. А. Брутян // Научные доклады высшей школы. Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108–111.
28. Буров А. А. Индивидуально-авторский аспект языковой картины мира и идиостиль художника слова как языковой личности / А. А. Буров // Язык и социум : Материалы IX Международной научной конференции, Минск, 03–04 декабря 2010 года. Часть 2. – Минск : Белорусский государственный университет, 2011. – С. 43–46.

29. Буров А. А. Художественная языковая картина мира : пролегомены проблемы / А. А. Буров // Актуальные проблемы герменевтики и интерпретации художественного текста. Вып. I. – Пятигорск, 2004.
30. Вайман Н. Шатры страха. Разговоры о Мандельштаме. / Н. Вайман, М. Рувин. – М. : Аграф, 2011. – 640 с.
31. Васильев В. П. Базовый концепт как элемент когнитивно-идеографического областного словаря [Электронный ресурс] / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Слово : фольклорно-диалектологический альманах. – 2007. – №5. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovyyu-kontsept-kak-element-kognitivno-ideograficheskogo-oblastnogo-slovarya> (дата обращения : 11.06.2022).
32. Васильева А. А. Лексический аспект ассоциативного развертывания поэтических текстов О. Э. Мандельштама в сборнике «Камень» [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. – 1998. – №6. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskiy-aspekt-assotsiativnogo-razvertyvaniya-poeticheskikh-tekstov-o-e-mandelshtama-v-sbornike-kamen> (дата обращения : 11.06.2022).
33. Видгоф Л. М. Мандельштам и... Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Мандельштама. – М. : Новый хронограф, 2018. – 312 с.
34. Видгоф, Л. М. Москва Мандельштама. Книга-экскурсия / Л. М. Видгоф. – М. : ОГИ, 2006. – 478 с.
35. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М. : Гослитиздат, 1959. – 652 с.
36. Виноградов В. В. Стиль Пушкина / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1999. – 704 с.
37. Виноградов В. В. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя : избранные труды / В. В. Виноградов; отв. ред. Д. С. Лихачев, А. П. Чудаков; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М. : Наука, 1990. – 386 с.
38. Винокур Г. О. О языке художественной литературы : Учеб. пособие для филол. спец. вузов / Г. О. Винокур; Сост. Т. Г. Винокур; Предисл. В. П. Григорьева. – М. : Высшая школа, 1991. – 448 с.

39. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с.
40. Гаспаров М. Л. Две готики и два Египта в поэзии О. Мандельштама : анализ и интерпретация // Гаспаров М. Л. О русской поэзии : Анализ. Интерпретации. Характеристики. – СПб. : Азбука, 2001. – С. 260—295.
41. Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 3. О стихе / М. Л. Гаспаров. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 603 с.
42. Гаспаров М. Л. Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама / О. Мандельштам. – Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1979. – 336 с.
43. Гинзбург Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – 2-е изд., доп. – Л. : Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1974. – 407 с.
44. Гинзбург Л. Я. Поэтика Осипа Мандельштама // О старом и новом. Статьи и очерки. – Л. : Советский писатель, 1982. – С. 245–301.
45. Голдберг, С. Мандельштам, Блок и границы мифопоэтического символизма / С. Голдберг; авториз. пер. с англ. В. Третьякова. – М. : Новое литературное обозрение, 2020. – 344 с.
46. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания [Электронный ресурс] // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2012. – №2. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya> (дата обращения : 14.07.2023).
47. Городецкий Л. Р. Квантовые смыслы Осипа Мандельштама : семантика взрыва и аппарат иноязычных интерференция. – М. : Таргум, 2012. – 416 с.
48. Городецкий Л. Р. Текст и мир на листе Мёбиуса : языковая геометрия Осипа Мандельштама versus еврейская цивилизация. – М. : Таргум, 2008. – 344 с.
49. Григорьева В. С. Проблемы теории и интерпретации текста. Тамбов : ТГПИ, 1987. – 120 с
50. Грот Я. Сочинения Державина с объяснительными комментариями Я. Грота [Электронный ресурс]. – СПб. : Типография императорской академии наук, 1860–1905. – URL : https://www.prlib.ru/item/900123#v=d&z=2&n=5&i=10509506_doc1.tiff&y=327&x=269.5 (дата обращения : 07.11.2022).

51. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – 314 с.
52. Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама : Воспоминания, материалы к биограф., «новые стихи», коммент., исслед. / Отв. ред. О. Г. Ласунский; вступ. ст. А. Кушнера. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 543 с.
53. Иванов В. В. Два примера анаграмматических построений в стихах позднего Мандельштама / В. В. Иванов Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том II. Статьи о русской литературе. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 880 с.
54. Ильгова Д. А. Влияние картины мира на структуру идеографического словаря / Д. А. Ильгова // Форум молодых ученых. – 2020. – № 9(49). – С. 38-47.
55. Казарин Ю. В. Антополигвистические основы литературной деятельности; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 132 с.
56. Казарин Ю. В. Идеография – зеркало языка и мира. К 40-летию кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики / Ю. В. Казарин // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (133). – С. 262–269.
57. Казарин Ю. В. Мастерская текста. Книга о текстотворчестве / Ю. Казарин; науч. ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург : мАрАфон, 2008. – 294 с.
58. Казарин Ю. В. Поэтическая гармония и внутренний мир Осипа Мандельштама : [монография] / Ю. В. Казарин; науч. ред. Л. Г. Бабенко; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург; М. : Кабинетный ученый, 2019. – 288 с.
59. Казарин Ю. В. Поэтический текст как система / Ю. В. Казарин; Науч. ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 1999. – 259 с.
60. Казарин Ю. В. Уральская семантическая школа : история, люди, события / авт.-сост. Ю. В. Казарин. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 348 с.
61. Казарин Ю. В. Филологический анализ поэтического текста : учебник для вузов / Ю. В. Казарин; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М.; Екатеринбург : Академический Проект : Деловая книга, 2004. – 431 с.

62. Кантор Е. В теплокрылом воздухе картин : Искусство и архитектура в творчестве О. Э. Мандельштама / Е. В. Кантор // Литературное обозрение. –1991. – № 1. – С. 59–68.
63. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : ГНОЗИС, 2004 – 389 с.
64. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1981. – 367 с.
65. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов; АН СССР, Отд-ние литературы и языка, Ин-т языкознания; отв. ред. С. Г. Бархударов. – М. : Наука, 1976. – 354 с.
66. Караулов Ю. Н. Опыт типологизации авторских словарей // Русская авторская лексикография XIX–XX веков : Антология. – М. : Азбуковник, 2003. – С. 3–22.
67. Караулов Ю. Н. От словаря языка писателя к познанию его мира : о некоторых базовых концептах в творчестве Ф. М. Достоевского / Ю. Н. Караулов, И. В. Ружицкий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 4(45). – С. 16–22.
68. Караулов Ю. Н. Русская авторская лексикография XIX–XX веков : антология / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Азбуковник, 2003. – 512 с.
69. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов; отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М. : Наука, 1987. – 262 с.
70. Караулов Ю. Н. Словарь Пушкина и эволюция языковой способности / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1992. – 168 с.
71. Карпова О. М. Отечественная авторская лексикография в процессе поступательного развития (рец. на кн. : Современные проблемы авторской лексикографии : сб. науч. ст. / под ред. Л. Л. Шестаковой. – М. : АКВИЛОН, 2018. – 320 с.) [Электронный ресурс] / О. М. Карпова, К. М. Денисов // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – №3. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennaya-avtorskaya-leksikografiya-v-protssesse-postupatel'nogo-razvitiya-rets-na-kn-sovremennye-problemy-avtorskoj> (дата обращения : 11.06.2022).

72. Кихней Л. Г. Осип Мандельштам : философия слова и поэтическая семантика : монография / Л. Г. Кихней, Е. В. Меркель. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. – 200 с.
73. Кожевникова Н. А. О принципах составления словаря писателя // Русский язык сегодня. – Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. – М., 2004. – С. 104–112.
74. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 108 с.
75. Коробова М. М. Последний проект Юрия Николаевича Караулова (Идиоглоссарий Достоевского : как всё начиналось) [Электронный ресурс] / М. М. Коробова, И. В. Ружицкий, С. Н. Шепелева // Вопросы психолингвистики. – 2020. – №3 (45). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/posledniy-proekt-yuriya-nikolaevicha-karaulova-idioglossariy-dostoevskogo-kak-vsyo-nachinalos> (дата обращения : 13.07.2023).
76. Критика русского постсимволизма / сост., вступ. ст., преамбулы, примеч. О. А. Лекманова. – М. : АСТ : Олимп, 2002. – 381 с.
77. Крутий С. М. «Архитектурность» художественных образов в поэзии акмеистов (О. Мандельштам и А. Ахматова) : дисс. ... канд. филол. наук / С. М. Крутий. – Магнитогорск, 2005. – 171 с.
78. Кубрякова Е. С. Категоризация мира : пространство и время : материалы научной конференции / Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова. – М. : МГУ, 1997. – С. 19–27.
79. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
80. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. – М. : Языки славянской культуры. 2004. – С. 459–533.
81. Кухаренко В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1980. – 188 с.
82. Лекманов О. А. Осип Мандельштам : ворованный воздух / Олег Лекманов. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. – 464 с.

83. Лекманов О. А. Осип Манделъштам. – М. : Молодая гвардия, 2004. – 255 с.
84. Лекманов О. А. Русская поэзия в 1913 году. – М. : Восточная книга, 2014. – 176 с.
85. Летопись жизни и творчества О. Э. Манделъштама / А. Мец. – СПб. : Гиперион, 516 с.
86. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1972. – 271 с.
87. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии : Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 1996. – 846 с.
88. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
89. Лугаськова И. П. Индивидуальная картина мира автора как отображение художественной картины мира эпохи [Электронный ресурс] // Ценности и смыслы. – 2017. – №5. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnaya-kartina-mira-avtora-kak-otobrazhenie-hudozhestvennoy-kartiny-mira-epohi> (дата обращения : 14.07.2023).
90. Манделъштам Н. Я. Собрание сочинений в двух томах Т. 2 : «Вторая книга» и другие произведения (1967–1979) / Ред.-сост. С. Василенко, П. Нерлер, Ю. Фрейдин. Вступ. ст. Ю. Фрейдина. – Екатеринбург : Гонзо, 2014. – 1008 с.
91. Манделъштам О. Э. Камень / О. Э. Манделъштам; изд. подгот. Л. Я. Гинзбург и др. – Л. : Наука, 1990. – 398 с.
92. Манделъштам О. Э. Слово и культура : Статьи. – М. : Советский писатель, 1987. – 320 с.
93. Манделъштамовская энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. – М. : Политическая энциклопедия, 2017.
94. Маслов Б. А. Проблемы лингвистического анализа связного текста / Б. А. Маслов – Таллин, 1975. – 104 с.
95. Мец А. Г. «Камень» О. Э. Манделъштама, новые данные : варианты стихов и авторские пометки [Электронный ресурс] // Вестник ПСТГУ. Серия 3 : Филология. – 2021. – № 66. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kamen-o-e-mandelshtama-novye-dannye-varianty-stihov-i-avtorskie-pometki> (дата обращения : 11.06.2022).

96. Морковкин В. В. Идеографические словари / В. В. Морковкин; Моск. гос. ун-т им. Ломоносова, Науч.-метод. центр рус. яз., Сектор лексикологии и словарей. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 69 с.
97. Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке) / В. В. Морковкин; под ред. Л. А. Новикова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 166 с.
98. Мурзин Л. Н. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 171 с.
99. Мусат Р. П. Художественная картина мира в системе картины мира [Электронный ресурс] // Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – №4. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-kartina-mira-v-sisteme-kartiny-mira> (дата обращения : 11.07.2023).
100. Мусат Р. П. Художественная картина мира : единство в многообразии [Электронный ресурс] // Дискуссия. – 2014. – №4 (45). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-kartina-mira-edinstvo-v-mnogoobrazii> (дата обращения : 14.07.2023).
101. Мухин М. Ю. Лексическая статистика и концептуальная система автора. М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов : монография / М. Ю. Мухин. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 230 с.
102. Нерлер П. М. Осип Манделъштам и его солагерники / П. М. Нерлер. – М. : АСТ, 2015. – 544 с.
103. Нерлер П. М. Con amore : Этюды о Манделъштаме / П. М. Нерлер. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 856 с.
104. Новиков А. И. Семантические расстояния в языке и тексте / А. И. Новиков, Е. И. Ярославцева. – М. : Наука, 1990. – 135 с.
105. Осокина Е. А. Сравнительная авторская лексикография : постановка проблемы. Возможности и перспективы [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – №2. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitel'naya-avtorskaya-leksikografiya-postanovka-problemy-vozmozhnosti-i-perspektivy> (дата обращения : 13.07.2023).

106. Отечественные лексикографы XVIII–XX века / под ред. Г. А. Богатовой. – М. : Наука, 2000. – 508 с.
107. Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. 2-е изд. / Е. Павлов; авториз. пер. с английского А. Скидана. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 224 с.
108. Панкова В. В. Интерпретация картины мира [Электронный ресурс] // Национальная ассоциация учёных. – 2015. – №6-3 (11). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-kartiny-mira> (дата обращения : 11.07.2023).
109. Панова Л. Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 808 с.
110. Пименова М. В. Языковая картина мира : Учебное пособие / М. В. Пименова. – М. : Флинта, 2014. – 108 с.
111. Подвигина Н. Б. Языковая картина мира [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2009. – № 5. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-1> (дата обращения : 11.07.2023).
112. Поцепня Д. М. «Словарь языка русской поэзии XX века» и история поэтического языка // Словоупотребление и стиль писателя / под редакцией Д. М. Поцепни. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. – Вып. 3. – С. 109–118.
113. Поцепня Д. М. Образ мира в слове писателя : автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Д. М. Поцепня. – СПб., 1997.
114. Почепцов Г. Г. Языковая ментальность : способы представления мира / Г. Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110–122.
115. Проект словаря языка Пушкина / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. В. В. Виноградов. – М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – 121 с.
116. Резанова З. И. Метафора в процессах миромоделирования в языке и тексте [Электронный ресурс] // Известия ТПУ. – 2002. – №4. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-protsessah-miromodelirovaniya-v-yazyke-i-tekste> (дата обращения : 06.05.2023).

117. Ружицкий И. В. Языковая личность Ф. М. Достоевского : лексикографическое представление : дисс. ... д-ра филол. наук/ И. В. Ружицкий. – М., 2015. – 647 с.
118. Ружицкий И. В. Идиоглоссарий, тезаурус, эйдос : монография / И. В. Ружицкий. – М. : ЛЕКСРУС, 2015. – 543 с.
119. Русская авторская лексикография XIX–XX веков : антология / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Отв. ред. Караулов Ю. Н. – М. : Азбуковник, 2003. – 512 с.
120. Седакова О. А. Прощальные стихи Мандельштама. «Классика в неклассическое время» / Осип Мандельштам и XXI век : Материалы международного симпозиума. Москва, 1–3 ноября 2016 г. – М. : ООО «АРМ-ПОЛИГРАФ», 2016. – С. 23–50.
121. Седакова О. А. Четыре тома. Том III. Poetica / О. А. Седакова. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 584 с.
122. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б. А. Серебренников; АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. В. М. Солнцев. – М. : Наука, 1988. – 244 с.
123. Сеславинский М. В. Мой друг О. Мандельштам : Избранная иллюстрированная биография и автографы / авт.-сост. М. В. Сеславинский. – М. : Бослен, 2016. – 304 с.
124. Скляр О. Н. К вопросу о специфике и предпосылках онтологизма в ранней поэзии О. Мандельштама [Электронный ресурс] // Вестник ПСТГУ. Серия 2 : История. История РПЦ. – 2005. – №4. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-spetsifike-i-predposylkah-ontologizma-v-ranney-poezii-o-mandelshhtama> (дата обращения : 11.06.2022).
125. Солганик Г. Я. От слова к тексту / Г. Я. Солганик. – М. : Просвещение, 1993. – 186 с.
126. Сошкин Е. П. Гипограмматика : Книга о Мандельштаме. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 512 с.
127. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин; науч. ред. З. Д. Попова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 170 с.

128. Струве Н. А. Осип Манделъштам / Н. А. Струве – Лондон : Overseas Publications Interchange, 1988. – 336 с.
129. Сурат И. З. Опыты о Манделъштаме / И. З. Сурат. – М. : Intrada, 2005. – 128 с.
130. Сухарева Ю. В. Взаимообусловленность картины мира и языковой картины мира [Электронный ресурс] // Вестник ЮУрГУ. Серия : Лингвистика. – 2012. – №2 (261). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimoobuslovlennost-kartiny-mira-i-yazykovoy-kartiny-mira> (дата обращения : 11.07.2023).
131. Твердохлеб О. Г. Эстетические идеи акмеизма и их выражение в поэзии О. Э. Манделъштама [Электронный ресурс] // Язык и культура. – 2016. – №3 (35). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/esteticheskie-idei-akmeizma-i-ih-vyrazhenie-v-poezii-o-e-mandelshtama> (дата обращения : 11.06.2022).
132. Тураева З. Я. Лингвистика текста. Текст : Структура и семантика : Учебное пособие. Изд. 2-е, доп. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 144 с.
133. Уральская семантическая школа : история, люди, события / М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; авт.-сост. Ю. В. Казарин. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 345 с.
134. «Усердней с каждым днем гляжу в словарь...». К юбилею Людмилы Григорьевны Бабенко // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18, № 3 (154). – С. 295–298.
135. Фомичева Ж. Е. Некоторые аспекты понятия «Текстовая художественная картина мира» [Электронный ресурс] // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2013. – №1. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-ponyatiya-tekstovaya-hudozhestvennaya-kartina-mira> (дата обращения : 11.07.2023).
136. Фоякова О. И. Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990) [Электронный ресурс] // Русская авторская лексикография XIX–XX в. – URL : <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5316&a0=1889> (дата обращения : 12.06.2023).
137. Фролов Д. В. О ранних стихах Осипа Манделъштама / Д. В. Фролов. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 312 с.

138. Харджиев Н. И. Примечания / Мандельштам О. Стихотворения. Сост., подготовка текста Н. И. Харджиева, вступ. ст. А. Л. Дымшица. – Л. : Советский писатель, 1979. – 336 с.

139. Чевтаев А. А. «Архитектурные» стихотворения О. Мандельштама : сюжетная динамика и «эпическая» перспектива / А. А. Чевтаев // Известия Смоленского государственного университета. – 2018. – № 2(42). – С. 69–88.

140. Чернова Ю. В. Особенности речевого поведения лирического героя О. Э. Мандельштама (на примере сборника «Камень») [Электронный ресурс] / Ю. В. Чернова, Г. В. Кузнецова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – №1. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rechevogo-povedeniya-liricheskogo-geroya-o-e-mandelshhtama-na-primere-sbornika-kamen> (дата обращения : 11.06.2022).

141. Чернявская В. Е. Лингвистика текста : Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учебное пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009 – 248 с.

142. Шестакова Л. Л. Авторская лексикография в отечественном языкознании [Электронный ресурс] / Л. Л. Шестакова. – URL : http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/slovari/28_102 (дата обращения : 16.05.2023).

143. Шестакова Л. Л. Новое в русской авторской лексикографии : по материалам словарей последних лет [Электронный ресурс] / Л. Л. Шестакова // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2021. – №1 (1). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-v-russkoy-avtorskoy-leksikografii-po-materialam-slova-rey-poslednih-let> (дата обращения : 11.06.2022).

144. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография : Теория, история, современность / Л. Л. Шестакова. – М. : Языки славянских культур, 2011. – 464 с.

145. Шестакова Л. Л. Современное состояние русской авторской лексикографии / Л. Л. Шестакова // Вопросы языкознания. – 2019. – № 2. – С. 126–150.

146. Шестакова Л. Л. Способы подачи стилистической информации в «Словаре языка русской поэзии XX века» [Электронный ресурс] // Вестник НовГУ. – 2010. –

№56. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-podachi-stilisticheskoy-informatsii-v-slovarе-yazyka-russkoy-poezii-hh-veka> (дата обращения : 13.07.2023).

147. Шестакова Л. Л. Обзор международной научной конференции «Современные проблемы авторской лексикографии» [Электронный ресурс] / Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева // Вопросы лексикографии. – 2018. – №14. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-mezhdunarodnoy-nauchnoy-konferentsii-sovremennye-problemy-avtorskoy-leksikografii> (дата обращения : 11.06.2022).

148. Шестакова, Л. Л. «Словарь языка русской поэзии XX века» : От пробного выпуска до VIII тома / Л. Л. Шестакова // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2022. – № 2. – С. 148–164.

149. Школьник Б. А. Я вернулся в мой город... Петербург Мандельштама. – Л. : Товарищество «Свеча», 1991. – 48 с.

150. Шутова А. В. О регулятивных средствах и структурах в ранней лирике О. Э. Мандельштама [Электронный ресурс] / А. В. Шутова // Вестник ТГПУ. – 2019. – №9 (206). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/o-regulyativnyh-sredstvah-i-strukturah-v-ranney-lirike-o-e-mandelshchama> (дата обращения : 13.06.2022).

151. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 912 с.

Словари и справочники

151. Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. М. : ЭТС, 2002. 1200 с.

152. Большой толковый словарь русских глаголов : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 576 с.

153. БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л. Г. Бабенко. – 2 изд., стер. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 864 с.

154. БУСРЯ – Большой универсальный словарь русского языка // Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М., Издательство АСТ-Пресс, 2019.
155. Русский идеографический словарь : Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) // Отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова; РАН, Институт Русского языка им. В. В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 2011. – 1032 с.
156. Русский семантический словарь : 39000 слов и фразеологических выражений. Т. 1, Слова указующие (местоимения). Слова именующие : имена существительные (Все живое. Земля. Космос) / РАН, Отд. лит. и языка; Ин-т языка им. В. В. Виноградова; под ред. Н. Ю. Шведовой; сост. А. С. Белоусова, В. К. Юношева, Ю. А. Каминская. – М. : Азбуковник, 1998. – 807 с.
157. СТА – Словарь терминов архитектуры / Э. С. Юсупов. — СПб. : Фонд "Ленинградская галерея", 1994. — 431 с.
158. СЯД – Словарь языка Достоевского : Лексический строй идиолекта. Вып. I. / под ред. Ю. Н. Караулова. – М. : Азбуковник, 2001. – 508 с.
159. СЯП – Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 2, Г - Ж / РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова ; [сост. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова, В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Л. И. Колодяжная, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева]. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 800 с. — ISBN 594457-132-2.
160. СРПВ – Словарь языка русской поэзии XX века. Том VI : Пе – Радость / Сост. : В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова (отв. ред.), А. С. Кулева (ред.), Л. И. Колодяжная, А. В. Гик, Н. А. Фатеева. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 968 с.
161. Словарь-тезаурус прилагательных русского языка / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – 2 изд. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 840 с.
162. УИСРЯ – Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М.; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2015. – 208 с.

Приложение 1. Глобальная структура словаря

1. Неживая природа

1.1. Общие понятия, связанные с природой

Земной

1.2. Небесное пространство и небесные тела

Вышина	Кошелёк, перен.	Небо (3)
Грудь, перен.	Луна (2)	Солнце
Звезда (5)	Небеса	Твердь

1.4. Земная поверхность и ее признаки

Берег	Песок
-------	-------

1.5. Возвышенности, их части и признаки

Гора	Сени	Скала
Дюна		

1.6. Углубления

Грот	Недра, перен.	Пропасть
------	---------------	----------

1.7. Минералы

Алмаз	Камень (2)	Хрусталь
Гранит	Мраморный	
Каменный	Песок	

1.9. Водное пространство, водный поток, их части и признаки

Вода (2)	Море	Пучина
Волна	Морской (3)	Сирень, перен.
Грудь, перен.	Нева (2)	Сосуд, перен.
Дно	Пена (3)	Спокойно
Дышать, перен.	Пенить	
Зыбь	Петь, перен.	

1.10. Атмосфера и ее состояние

Душный

1.11. Оптические явления и их признаки

Безумный, перен.	Догорать, перен.	Звезда
Вечереть	Дым	Золотой, перен.
Выплеснуть, перен.	Жёлтый	Клубиться
Густой, перен.	Зажигаться, перен.	Косматый, перен.

Лето, перен.	Радуга	Стрекоза, перен.
Луч (3)	Разбег, перен.	Сумерки
Матовый, перен.	Риза, перен.	Сумрак (2)
Медный, перен.	Свет (4)	Сумрачный
Млечность, перен.	Светло	Тёмный
Мрачный	Светлый (2)	Тонкий, перен.
Облако	Сеять, перен.	Трепетание, перен.
Одеть, перен.	Сиять (2)	Туман (6)
Отражать	Скудный	Туманный
Отуманенный	Слабый	Туча
Припек	Солнечный	Хрусталь, перен.
Проснуться, перен.	Солнце	Эластичный, перен.

1.12. Погода, климат и их признаки

Мороз	Солнечный	Тёмный
Светлый	Сырой (2)	Холодный

1.13. Ветер и его признаки

Ветер (6)	Кружиться, перен.	Широкий, перен.
Западный	Метель	
Играть, перен.	Чёрный, перен.	

1.14. Стихии и их признаки

Лавина

1.15. Атмосферные осадки и их признаки

Алмаз, перен.	Снежный (2)	Улей, перен.
Дождь	Струиться	
Ледяной	Сугроб	

1.16. Огонь и его признаки

Костёр

2. Вещества и материалы

2.2. Металлы

Железо (2)	Позолота	Ржавый
Золотой		

2.5. Жидкие вещества

Муть	Узор, перен. (2)	
------	------------------	--

2.7. Затвердевающие вещества, вязкие массы, смеси

Окно, перен.	Стекло	Стеклянный
--------------	--------	------------

Лента, перен.	Размах	Чайка (2)
Паутина	Стрекоза	
Птица (3)	Удав	

4. Человек как живое существо

4.1. Человек как живой организм

4.1.1. Форма и строение организма человека

Глаз (2)	Нерв	Сердце (2)
Голова	Палец	Тело (3)
Грудь	Плоть	Тонкий
Клетка, перен.	Ребро	Уста
Мышца	Седой	Шея

4.1.2. Физиологические состояния и процессы, характерные для человека

Вдыхать (2)	Играть, перен.	Проснуться
Воспалённый	Отдыхать	Румянец
Дрожать	Поглотить, перен.	Сон (2)
Дыхание	Полусон	Тепло
Дышать (4)	Полуявь	Цвести, перен.

4.1.3. Жесты и движения живого существа и их характеристики

Жест	Широкий, перен.
------	-----------------

4.1.4. Совокупность людей

Орава	Сброд
-------	-------

4.2. Процесс жизненного существования человека

4.2.1. Периоды жизни человека

Детский	Мощи, перен.
---------	--------------

4.2.2. Человек определенного возраста и пола

Дама	Печаль, перен.	Старик
Дева	Прохожий	Человек
Мужик	Сократ	Я (48)

4.3. Физиологические и бытовые потребности человека

4.3.1. Питание

Бисквит	Весёлый	Вино (2)
---------	---------	----------

Виноград, перен.
Воспалённый, перен.
Легкий, перен.
Мутить

Опьянение
Пьяница
Пьяный (4)
Сайка

Сбитень
Трезвый
Ужинать

4.3.2. Быт

Ваза
Комната
Кошелёк
Кубок

Полотно
Скатерть
Сосуд
Стул

Хрусталь, перен. (2)
Царство, перен.

4.3.3. Одежда и обувь

Бутоньерка
Власяница
Вуаль (2)

Платок
Порфира
Ткань

Турецкий
Шинель

5. Населенный пункт

5.1. Тип населенного пункта

Петра создание

Царское село (2)

5.4. Часть населенного пункта и место в населенном пункте

Мостовая
Парк (2)

Подворотня
Сенатская площадь

6. Нации

6.1. Общие понятия, связанные с нациями

Иностранец

Народ (3)

Чужой (2)

6.2. Племена, нации и народы

Египетский

Римский

Японец

7. Родственные и семейные отношения

7.2. Люди по отношению к браку, супружеству и виды супружеских отношений

Жена

8. Человек и его внутренний мир

8.1. Эмоции

8.1.1. Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций

8.1.1.1. Общие понятия, связанные с эмоциями

Душа, перен.	Кошелёк, перен.	Сердце, перен. (5)
Забыть	Мир, перен.	
Излучина, перен.	Нежность	

8.1.1.2. Счастье – несчастье

Довольный	Любить	Тяжелый, перен.
Измучить	Мучительный	Тяжкий, перен.
Клясть	Разъедать, перен.	

8.1.1.3. Радость – грусть

Весёлый	Певучий, перен.	Темный, перен.
Мрачный, перен.	Печаль (4)	Тоска (3)
Огорчённый	Радостный	Тосковать
Опьянить, перен.	Радость (2)	

8.1.1.4. Любовь – неприязнь

Ласка	Нежить	Полюбить
Любить	Ненавидеть	Проклятый, перен.

8.1.1.5. Интерес – равнодушие

[без] Слез	Любить (2)	Соблазн
[не] Бояться	Любопытный	Таинственный
[не] Любить	Мороз, перен.	Тяжкий, перен.
Глухой, перен.	Равнодушно	
Каменный, перен.	Разочарованный	

8.1.1.6. Дружелюбие – одиночество

Иностранец, перен.	Чужой (2)
--------------------	-----------

8.1.1.7. Одобрение – неодобрение

[не] Поклонник

8.1.1.8. Надежда–отчаянье

Бред	Узник, перен.
------	---------------

8.1.1.10. Спокойствие – беспокойство

Истома	Потрясти, перен.	Смятение
Волнение		

8.1.1.11. Воля – безволие

Туман, перен.

8.1.1.12. Смелость – трусость

Боязнь	Мрачный	Чёрный
Бояться	Отвага	Чудовищный
Дрожать	Страх (2)	
Дурной	Трепетать	

8.1.1.13. Доброта – жестокость

Бунтовать	Ласковый	Ярость
Каменный, перен.	Сердито	

8.1.1.15. Скромность – высокомерие

Кичиться	Самолюбивый	Спесь
Оперный, перен.	Скромный	

8.1.1.16. Смушение – стыд

Виноватый	Стыдиться	Стыдиться
-----------	-----------	-----------

8.1.1.17. Искренность – неискренность

Лицемер	Прямой, перен.	
---------	----------------	--

8.1.1.18. Терпение – настойчивость

[не] Выносить	Строгий	Упрямый
---------------	---------	---------

8.1.1.19. Беспристрастность – пристрастность

Предвзятый

8.1.1.20. Требовательность – нетребовательность

Суровый (2)

8.1.2. Особенности протекания и проявления эмоций

8.1.2.1. Степень проявления эмоций

Бледный	Напоенный	
---------	-----------	--

8.1.2.2. Внешние проявления эмоций в речи, поведении, мимике, жестах

Благодарить	Лукавый	Слезы (2)
Жалоба	Огонек, перен.	Улыбаться
Заплакать	Ругань	
Крылатый, перен.	Рыдание	

8.2. Оценка

8.2.1. Общая оценка

Дурной (2)	Несговорчиво	Противный
Мелкий	Однообразный	Сброд
Милый (2)	Орава	Спесь
Небогатый	Оценить	Темница, перен.
Недобрый	Пример	Тусклый
Неожиданный	Проклятый	Тяжело

8.2.2. Частная оценка

Бедный	Легко	Робость
Бесполезно	Мощь	Серое
Бред	Мудрый	Сладкий
Бунтующий	Небрежно	Стихийный
Высокий	Ненужный (2)	Стройный
Грузный	Непостижимый	Суровый
Дерзкий	Нужный	Твердыня
Дуб, перен.	Обуза	Трезвый, перен.
Живой	Огромный	Тростинка, перен.
Игрушечный, перен.	Особняк	Хрупкий
Извилистый	Прекрасное	Царь, перен.
Крепкий (2)	Прекрасный (2)	Чудовищный (2)
Лабиринт, перен.	Просто	Щедрый
Лёгкий	Рассудочный	Яростный

8.3. Интеллект

8.3.1. Интеллектуальные качества человека и оценка его умственных способностей

Звезда	Золотой (2)	Одному
--------	-------------	--------

8.3.3. Специфика познавательных процессов

Рассеянный

8.3.5. Интеллектуальная деятельность человека

8.3.5.1. Восприятие

Замечать

Осязать

Читать

8.3.5.2. Мышление

Внушать

Дума

Думать (3)

Мысль

Перезвон, перен.

План

Помысел

Разум

Сознание

Чуять

8.3.5.3. Познание

Зыбкий, перен.

Изведать

Мучительный, перен.

Раздвинуть, перен.

Разрушить, перен.

8.3.5.4. Понимание

Внимательно

Выдать, перен.

Изучать

Неузнаваемый

Распутывать, перен.

Сомневаться

Таинственный

Тайный (2)

Хотеть (4)

8.3.5.6. Воображение

Блуждать, перен.

Бред

Видение

Лелеять

Мир, перен.

Несозданный, перен.

Открывать, перен.

Полусон

Сон, перен. (2)

Стремиться, перен.

8.3.5.9. Выбор и решение

Делать

8.3.5.10. Память

Забывать

9. Язык и речь

9.1. Язык

9.1.1. Язык, языковые единицы и явления

Слово (5)

Тяжесть, перен.

9.1.5. Текст

Гимн

Признание

9.1.6. Знак и его использование

Имя

9.2. Речь

9.2.1. Характеристики речи человека

Витийствовать Несвязный

9.2.2. Речевое сообщение

Вылететь, перен.	Ответить	Слово (3)
Здравие	Привет	Спросить
Здравствуй	Просить	
Имя	Сказать (2)	

9.2.3. Речевое общение

Беседа Речь

9.2.4 Речевое воздействие

Да	Стать
Достаточно	Убедительно
О (2)	

9.2.6. Отсутствие навыка устной речи

Немота

10. Сверхъестественное

10.2. Признак сверхъестественности

Таинственный

10.3. Сверхъестественные существа

Аквилон	Муза	Сирена
Вещая		

11. Общественно-государственная сфера

11.1. Государство, власть и общественный порядок

11.1.1. Страна, государство

Государство Россия

11.1.4. Власть и орган власти

Правительственный

11.1.10. Социальные учреждения

Посольство

11.1.12.1. Человек, обладающий властью

Царь

11.3. Экономика

11.3.3. Финансы и финансовая деятельность

Бумажка	Ночлег, перен.	Разменять (2)
Звезда, перен.	[не] Давать	Трёхрублёвка
Золотой (2)	Продавать	Червонец

11.3.4. Собственность

Богатство	Казна, перен.
-----------	---------------

11.3.11. Человек в сфере экономики

Бедность	Крез, перен.	Нужда, перен
Бродяга	Мот	

11.4. Право

11.4.1. Деятельность по осуществлению правосудия

Судить

11.4.11. Человек в сфере права

Правовед	Теоретик, перен.
Судья	Узник

11.7. Религия

11.7.1. Вероучение

Протестантский	Христианство
----------------	--------------

11.7.2. Объект религиозного поклонения

Архангел	Господь (3)	Предтеча
Афродита	Орфей	Пророк

Краски
Медный всадник
Онегин

Орфей, перен.
Ритм
Рыдание, перен.

Серафим

11.8.7. Человек в сфере искусства

Батюшков

Верлэн

Садовник, перен.

11.8.10. Предметы, используемые при создании или использовании произведений искусства

Полотно

11.10. Производство

11.10.2. Человек/люди в сфере производства

Рабочий

11.11. Военная служба

11.11.3. Военное подразделение и род войск

Улан

11.11.4. Оружие и боеприпасы

Пушечный
Сабля

Стрела (2)
Штык

11.11.5. Военная техника

Броненосец

11.11.6. Военное сооружение и его часть

Казарма (2)

11.11.7. Военное приспособление

Таран

11.11.10. Человек по отношению к военной службе

Генерал

Офицер

11.13. Строительство

11.13.2. Строительное сооружение

Адмиралтейство
Айя-София

Базилика
Башня

Дворец (2)
Дом (6)

Здание (2)	Особняк	Склад
Крепость	Павильон	Твердыня
Мостки	Посольство	Храм

11.13.3. Часть строительного сооружения

Апсида	Купол (2)	Отвес
Арка	Лес, перен.	Парус
Дуб, перен.	Мышца, перен.	Паутина, перен.
Игла, перен.	Нерв, перен.	
Колокольня	Окно (2)	
Подвал (2)	Стена	Тростинка, перен.
Ребро, перен.	Столб	Экседра
Свод (2)	Таран, перен.	Кружева, перен.

11.13.4. Свойство строительного сооружения или его части

Бездействовать, перен.	Играть, перен.	Распластывать, перен.
Гнуться	Одноэтажный	Расположить
Египетский	Подвешивать	Указывать, перен.
Заботиться, перен.	Подпружный	

11.13.7. Человек в сфере строительства

Строитель

11.14. Медицина

11.14.8. Лекарственные средства и их качества

Лекарство	Сладкий
-----------	---------

11.15. Транспорт

11.15.2. Транспортное средство и его часть

Карета (2)	Паровоз	Сани
Мотор	Пароход	Ялик

11.15.3. Часть транспортного средства

Каюта	Стекло
-------	--------

11.15.4. Действие, мероприятие, связанные с транспортом

Править

11.15.8. Место, сооружение, предприятие, связанные с транспортом

Док

12.1.4. Характер движения

Клубиться	Мелькать	Танцевать
Кружиться	Пешком	Тянуться
Лететь	Плестись	
Медлительный	Плясать	

12.2. Перемещение

12.2.1. Направленное перемещение

Вернуться	Ехать	Спуститься
Возвратиться (2)	Качаться (2)	Уйти
Волочить	Лететь	Упасть
Встать	Поднять	Уходить
Выбросить	Поехать (2)	
Вылететь	Посещать	

12.2.2. Ненаправленное перемещение

Блуждать	Нести	Черпать, перен.
Бродить	Прогулка	Чертить, перен.
Круг	Свиваться, перен.	

12.3. Помещение

12.3.2. Помещение субъекта

Забиться

12.3.4. Покрытие объекта

Запахивать	Нацепить	Опоясывать
Лечь	Одевать (2)	

12.3.7. Открытие объекта

Открыть (2)

12.4. Физическое воздействие на объект

12.4.1 Нанесение удара

Стучать

12.4.3. Прикосновение

Ранить, перен.

14. Восприятие окружающего мира

14.1. Зрительное восприятие

14.1.1. Процесс зрительного восприятия

Взор	Встретить	Заметить
Видеть	Глядеть	Следить

14.1.2. Характер зрительного восприятия, доступность/недоступность зрительному восприятию

Затуманить, перен.	Слабый, перен.	Чёрный
Мутный	Тёмный	Широкий, перен.
Прозрачный	Туманный	

14.1.3. Внешние качества предмета, воспринимаемого зрением

Образ

14.1.4. Цвет

Белизна	Золотой	Роза
Белый	Красный	Серый (2)
Бирюзовый	Лазоревый (2)	Синеглазый
Желтизна	Медный	Тёмный (2)
Жёлтый	Радуга	Черный
Зелёный (2)	Ржавый	

14.1.5. Проявление цветового признака (оттенки, качество цвета)

Бледный	Светлый	Тёмный
Зеленоватый		

14.1.6. Расцветка

Узорчатый

14.2. Акустическое восприятие

14.2.1. Процесс акустического восприятия

Слушать (2)	[не] Достигать
Слышать	Слух

14.2.2. Звуки, их разновидности и источник

Визг	Нота	Скрипеть
Выстрел	Пенье	Смутно-дышащий, перен.
Грянуть	Перезвон	Стон
Донести, перен.	Петь (4)	Стучать
Звон	Раскаты	Хор
Звонить	Рыдание	Шелестеть
Колокол	Свист	Шепот
Крик (2)	Сигнал	
Музыка (2)	Сирена	

14.2.3. Характеристика звука

Бить, перен.	Гулкий	Темный, перен.
Бормотать	Зашуметь	Чистый
Визг	Кристаллический, перен.	Яростный, перен.
Глухо	Медь	
Грянуть	Стон	

14.2.4. Отсутствие звуков

[без] Слов	Спать	Умереть, перен.
Немой	Тишина (3)	Умолкать

14.3. Обонятельное восприятие

Бензин	Душный	Купаться, перен.
--------	--------	------------------

14.4. Осязательное восприятие

Грубый	Осязать	Щупать
Жесткий	Сырой	
Замечать	Холодок	

14.6. Восприятие предмета

14.6.1. Предмет

Лист	Маятник	Цепь
------	---------	------

14.6.2. Форма и внешний вид предмета

Вал	Крестовый	Стрельчатый
Извилистый	Кружево	Сферический
Измятый	Паутина	
Клубок	Прямой	

14.7.6. Пространственные характеристики

Нежилой	Пустой (3)
Осиротелый, перен.	Широкий

14.8. Время

14.8.1. Счет времени

Циферблат

14.8.2. Промежуток времени и единицы измерения времени

Вечность (2)	Миг (2)	Час (3)
Мгновенный		

14.8.3. Периодизация

14.8.3.1. Время года

Зима	Лето	Осенний (3)
Зимовать		

14.8.3.2. Месяц года

Май

14.8.3.3. День недели

Воскресенье	Праздничный	Субботный
-------------	-------------	-----------

14.8.3.4. Часть суток

Вечереть	Полдень	Утро (2)
День (4)	Полуночный	
Ночь (2)	Сумерки	

14.8.4. Время относительно момента речи

Век	Мгновение	Сегодня
Выцвести, перен.	Накануне	Уже
Давний	Недавний	Старинный (2)
Еще	Некогда	Теперь
Когда (4)	Пора	Уже
Когда-нибудь	С	

14.8.5. Время по отношению к какому-либо процессу, действию

Года Юстиниана	Пора	Черед
Догорать, перен.	Приходить	
Наступать	Глухой, перен.	
Очевидец	Срок	

14.8.6. Оценка факта, события, явления относительно времени

Быстроживущий	Лететь, перен.	Подчас
Век	Медленно	Часто
Внезапно	Мелькать, перен. (2)	
Долго	Нередко	
Ленивый	Опять	

14.9. Количество, мера

14.9.1. Обозначение количества

Два	Сто семь
Сорок	Четыре

14.9.2. Единицы измерения количества

Мера

14.9.4. Много/мало

Вереница	Много	Скудный
Мало (2)	Немного (2)	Торжество, перен.

15. Универсальные представления, смыслы и отношения

15.1. Универсальные представления

15.1.1. Начало бытия, существования, действия

Грянуть, перен.	Обрести	Родиться
Дать, перен.	Первоначальный	Рождение

15.1.2. Существование

Век	Жизнь (2)	Присутствие
Висеть, перен.	Жить	Стекло, перен.
Встречать	Запечатлеть, перен.	Стоять (2)
Глядеть, перен.	Коротать	Тело, перен.
Гореть, перен.	Мелькать	Тепло, перен.
Делать, перен.	Настоящий, перен.	Узор, перен. (2)
Дыхание, перен.	Окружать	
Живое	Попадать	

15.1.3. Прекращение действия, бытия, состояния; исчезновение

Исчерпать, перен.	Остановиться
-------------------	--------------

15.1.4. Состояние

Вернуться	Оставаться	Становиться
Испытывать	Слиться	Трогать, перен.
Невыразимый	Спорить, перен.	
Умирать		

15.1.5. Событие

[не] Нарушать	Однообразный
---------------	--------------

15.1.7. Судьба

Бить, перен.	Путь	Стучать, перен.
Качаться, перен.	Рок	Судьба
Кубок, перен.	Спасти, перен.	Суждено

15.2. Универсальные смыслы

15.2.1. Возможность/невозможность

Зыбкий	Мочь	Право
--------	------	-------

15.2.2. Необходимость/случайность

Надо	Неожиданный	Случай
Ненужный	Нужный	

15.2.3. Обязательность/необязательность

Строгий

15.2.4. Неопределённость/определённость

Вероятно	Кто-то	Туманный, перен.
----------	--------	------------------

15.2.5. Обычность/исключительность.

Единый	Одинокий
--------	----------

15.2.6. Значимость/незначимость

Пятно, перен.	Только	Царь
---------------	--------	------

15.2.7. Интенсивность/неинтенсивность

Безумный (2)	Действительно	Непобедимый
Глубокий	Же	Ни
Гораздо	И (8)	Сдержанно
Даже	Лишь	Совсем (2)

Страстно	Тихий	Упорно
Так (3)	Тихо	
Такой (6)	Только	

15.2.8. Неограниченность/ограниченность

Бездонный	Пропасть, перен.	
-----------	------------------	--

15.2.9. Завершенность (целостность)/незавершенность

Единый	Неутоленный	Целый
--------	-------------	-------

15.2.10. Совокупность (единство)/дополнительность/отдельность (обособленность)

Весь (3)	Всего	Слить, перен.
Все	С (6)	

15.2.11. Равенство/неравенство

Другой	Однообразный	Похожий
--------	--------------	---------

15.2.12. Зависимость/независимость

Неразрывно	Связать	Связь
Свободный		

15.2.13. Вопрос/отрицание/согласие

Который	Не (28)	Отчего (2)
Кто	Нет	Что (3)
Куда	Неужели	

15.2.14. Истина/ложь

Ложь	Подлинно	
------	----------	--

15.2.15. Наличие/отсутствие

Без (4)	Нет	
---------	-----	--

15.2.16. Уверенность/неуверенность

Быть может	Казаться	Ошибка
Действительно		

15.2.17. Принадлежность

Мой (11)	Свой (5)	Твой (7)
----------	----------	----------

15.3. Универсальные отношения

15.3.1. Противоположность, противопоставление

А (5) Но (7)

15.3.2. Очередность

За Первый Предтеча

15.3.3. Разделительность

Или (4) Иль

15.3.6. Обусловленность

Если (3) Пусть Что
За Тем Чтоб
Потому Чем

15.3.8 Сравнение

Как (17)

15.3.9 Сопоставление

А (2)

Пред

15.3.11 Соединение

Да (2) И (97) Но (2)
Так

15.3.12 Указание

Для

15.4. Онтологические, бытийные категории

Бездна, перен. (2)	Земной	Тайна
Вечность	Клеть, перен.	Явление
Вечность (2)	Мировой	Явь
Грань	Первооснова	
Дверь, перен.	Природа, перен.	
Душа (5)	Пропасть, перен.	
Запретный	Смерть	